

ОБЩЕНИЕ И САМОПОЗНАНИЕ

ПОСОБИЕ ПО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПО РАБОТАМ А. А. БРУДНОГО

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА БЕЗОПАСНОСТИ

ОБЩЕНИЕ И САМОПОЗНАНИЕ

Бишкек

УДК 159.9
ББК 88
О-28

Рекомендовано к изданию решением
Учебно-методического объединения при МОН КР по направлению
«Педагогическое образование»

Редакционная коллегия:

д-р геогр. наук, проф. Шукуров Э.Дж., заслуженный деятель науки КР,
лауреат Государственной премии КР, председатель ЭДК «Алейне»;
канд. филос. наук Коротенко В.А., председатель ЭД «БИОМ»;
канд. психол. наук Багдасарова Н.А., доц. кафедры психологии АУЦА;
Уметов У.Т., преподаватель психологии КГУ им. И.Арабаева.

О-28 ОБЩЕНИЕ И САМОПОЗНАНИЕ: пособие по психологической безопасности по
материалам работ А.А. Брудного / Отв. ред.: Н.А.Багдасарова. – Б., 2019. - 226 с.

ISBN 978-9967-08-812-2

Публикация «Общение и самопознание: пособие по психологической безопасности» представляет собой подборку материалов из трудов А.А. Брудного, направленных на познание психических закономерностей жизнедеятельности человека и формирование психологически безопасной среды как на внутриличностном, так и межличностном уровне. Пособие также содержит практические рекомендации по применению «техник самоконструирования» личности.

Данная публикация предназначена для директоров, завучей и педагогов школ, представителей системы повышения квалификации учителей, специалистов областных и районных отделов образования, работников органов местного самоуправления и всех заинтересованных в повышении психологической безопасности образовательной среды.

Пособие составлено и издано в рамках проекта «Развитие механизмов финансирования безопасности школьной образовательной среды в Кыргызской Республики», реализуемого Фондом им. К. Аденауэра и ЭД «БИОМ» в партнерстве с Министерством образования и науки Кыргызской Республики при финансовой поддержке Европейского Союза.

Данное пособие опубликовано при поддержке Европейского Союза. Содержание публикации может не отражать точку зрения Европейского Союза.

COMMUNICATION AND SELF-COGNITION: a handbook on psychological safety based on the materials of A.A. Brudny.

The publication "COMMUNICATION AND SELF-COGNITION: a handbook on psychological security" is a collection of works by Aron Brudny, aimed at cognition of mental patterns of human life and formation of a psychologically safe environment at both intrapersonal and interpersonal levels. The handbook also contains practical recommendations on the use of "techniques of personal self-construction".

This publication is intended for principals, deputy principals and teachers of schools, representatives of the system of teachers' training, specialists of regional and district education departments, employees of local governments and all those interested in improving psychological safety of the educational environment.

The handbook was compiled and published in the framework of the Project "Development of Financial Mechanisms for a Safe Educational Environment at Schools in the Kyrgyz Republic", implemented by Konrad-Adenauer-Stiftung e.V. and the Ecological Movement "BIOM" in partnership with the Ministry of Education and Science of the Kyrgyz Republic with the financial support of the European Union.

О 0303020000-19
ISBN 978-9967-08-812-2

УДК 159.9
ББК 88
© ЭД «БИОМ», 2019

ПРОЕКТ ФИНАНСИРУЕТСЯ
ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ КР

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ПОНИМАНИЕ	8
Вместо введения.....	8
Понимание, понимание превыше всего	12
Хождение за три мира.....	22
Зачем человеку понимать	34
Понимание текста.....	35
Понимание смысла произведений художественной литературы.....	47
САМОПОЗНАНИЕ	58
Человек как субъект понимания.....	58
Внутренний мир человека. Основы радикальной психологии.....	77
О личности.....	84
Взаимосвязь между пониманием, общением и умом	89
Интеллект.....	101
Психология свободы.....	108
ОБЩЕНИЕ.....	131
Общие представлениями относительно общения.....	131
Общение сегодня.....	145
Функции общения и особенности коммуникативного воздействия на личность и группу	155
РАЗВИТИЕ И ОБУЧЕНИЕ.....	174
Проблема познания на рубеже веков.....	174
Новое мышление	186
Школа Т (психологический этюд).....	190
ТЕЗИСЫ О ПОНИМАНИИ	211
ТО, ЧТО ДЕЛАЕТ НАС ЛЮДЬМИ. ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ.....	216
Список литературы.....	224

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую вы открыли, издана в рамках совместного проекта ЭД «БИОМ» и Фонда им. К. Аденауэра «Развитие механизмов финансирования безопасности школьной образовательной среды в КР», реализуемого при финансовой поддержке Европейского Союза, и подготовлена в рамках компонента проекта, посвящённого психологической безопасности школы. Общая цель деятельности проекта заключается в оказании поддержки дальнейшему развитию межсекторальных партнерских отношений между Министерством образования и науки КР, местными органами власти, организациями социального партнерства, организациями гражданского общества и школами по формированию механизмов создания безопасной образовательной среды.

Казалось бы, как связаны тексты, написанные Ароном Абрамовичем Брудным, и его лекции, с темой школьной безопасности? Мы убеждены, что между этими текстами и организацией безопасности образовательной среды существует прямая связь.

В рамках проекта были выделены психологические факторы, влияющие на психологическую безопасность в школе:

- высокий уровень конфликтов между учениками (включая школьный рэкет, случаи травли отдельных учеников и т.д.);
- напряженные отношения между учениками и учителями;
- случаи проявления насилия, как физического, так и психологического;
- повышение эмоциональной неустойчивости в коллективе из-за негативного информационного воздействия (распространения угрожающих слухов, популярности информационных ресурсов, использующих язык вражды и т.д.);
- другие параметры, угрожающие психологическому благополучию всех сторон, вовлеченных в процесс школьного образования (ученики, учителя, администрация, школьный парламент, а также родители и представители местного сообщества, включая членов Попечительского совета).

Конечно, в школе должны существовать механизмы, которые способствуют минимизации этих рисков, и этим вопросам посвящены другие книги, изданные

в рамках проекта, такие как серия «Руководство для школ», в которую входят: «Безопасность образовательной среды», «Финансирование безопасности образовательной среды», «Пищевая безопасность», «Толерантная образовательная среда» и серия «Школьная библиотека безопасности», состоящую из пособий «Тренинговое пособие по безопасности образовательной среды», «Уроки безопасности: учебно-методическое пособие», «Защитим себя в чрезвычайных ситуациях: пособие для учителей», «Защитим себя в чрезвычайных ситуациях: пособие для учеников», но главными условиями психологической безопасности остаются люди – взрослые и дети, которые совместно строят свою школу как пространство для общения и развития. Можно говорить о том, что пути предотвращения рисков и реагирования на угрозы формируются на нескольких уровнях:

- Уровень индивидуальной психологической компетентности ученика, который включает навыки критической работы с информацией, навыки коммуникации, навыки поведения в конфликте, базовые навыки самоанализа, необходимые для контроля над своим поведением;
- Уровень индивидуальной психологической компетентности учителя, включающий навыки самоанализа, необходимые для контроля над своим поведением, навыки снятия стресса и эмоционального напряжения, навыки работы с профессиональным выгоранием, навыки управления конфликтами (в том числе и в ученической среде);
- Уровень школьной среды, который охватывает не только учителей и учеников, но и родителей, а также определенные структуры местного сообщества.

Эти классификации выглядят рациональными и полезными, но нерешенным всегда остается главный вопрос: как именно работать на всех этих трех уровнях? Один из ответов – работать, используя педагогические технологии, например, «Руководство для школ» «Толерантная образовательная среда». Другой ответ – работать на уровне индивидов, всех, кто заинтересован в том, чтобы среда в школе была доброжелательной и развивающей. Среди них могут быть не только учителя, но и ученики, а также активные родители или просто люди, желающие помочь школе. И для некоторых из них знание технологий может оказаться недостаточным, а для кого-то и не очень нужным – зачем мне знать эти технологии, если я не педагог? Но уметь понимать себя и общаться с другими через знание базовых

психологических закономерностей – это необходимо и педагогам, и детям, и всем другим акторам, вовлеченным в работу со школой.

Арон Абрамович Брудный посвятил свое научное творчество теме понимания и общения. Не только понимания других или общения с другими, но и понимания себя и общения с собой. А еще в его работах – пути, способы и возможности поиска смыслов – будь то смыслы реальных ситуаций, текстов или событий нашей внутренней жизни.

Настоящее издание базируется на текстах, которые либо никогда не издавались – это редакции лекций, которые он читал в качестве профессора в Американском университете Центральной Азии, либо были изданы давно и не переиздавались (см. список литературы в конце книги). В то же время мы включили и несколько наиболее известных текстов Арона Абрамовича, которые представляют собой главы из знаменитых «Науки понимать» и «Психологической герменевтики». Отредактированные тексты его устных выступлений несут на себе печать диалога с аудиторией: в них включены вопросы слушателей и ответы на них. Те, кто слушал лекции Арона Абрамовича или знаком с его книгами, знают, что он обладал великим даром говорить очень просто об очень сложных вещах. Однако многое из написанного им носит сугубо научный и теоретический характер. Из великого множества текстов, которые были написаны Ароном Абрамовичем Брудным, мы постарались выбрать те, которые не требуют знания терминологии или конкретных теорий. Это не значит, что они просты – все они заставляют задуматься об очень важных вещах. Но эту книгу с полки школьной библиотеки может снять и педагог, и родитель, и даже ученик, если хочет узнать больше о самом себе и о других.

Эти тексты собраны по разделам, которые посвящаются вопросам *понимания, общения, самопознания и развития*. Нам представляется, что многие вещи, написанные еще в конце 1980-х или рассказанные на лекциях в начале 2000-х, сегодня не только не утратили свое актуальности, но стали даже еще более востребованными, так как опережали свое время. Многие из того, что было написано тогда для людей, которых в советское время звали пропагандистами или лекторами-популяризаторами, сегодня в эпоху Интернета и бесконечных возможностей для каждого обратиться фактически ко всем людям на всей планете, становится все важнее и важнее. Слово «пропагандист» или более нейтральный, даже, скорее, универсальный, термин, который встречается в тексте, – «коммуникатор» – это сегодня пози-

ция, в которой может оказаться каждый из нас. Безусловно, в этой позиции ежедневно пребывают учителя и преподаватели, но и молодые люди, которые пишут посты в Фейсбуке или открывают свои каналы на Ютубе, во многом нуждаются в тех знаниях, которые вы найдете на страницах этой книги. И, конечно, эти знания просто необходимы для тех, кто работает со школьной средой, превращая ее в среду для позитивного общения и развития.

Нина Багдасарова, кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии АУЦА

ПОНИМАНИЕ¹

Вместо введения

Моя цель состоит в том, чтобы рассказать читателю о понимании. В первую очередь — о понимании смысла текстов, о том, как они построены и как влияют на сознание. Под текстами мы — в первом приближении — будем подразумевать все речевые сообщения, в том числе и устные тоже. Для кого это написано? Для тех, кто читает книги и газеты, смотрит телевизор, ходит на занятия, читает и слушает лекции. При этом мне не очень верится, что кого-то можно научить (в буквальном смысле этого слова) общению в различных его формах, например чтению лекций. Но посоветоваться — дело другое.

Для того чтобы слово, устное или письменное, обладало действительной силой, ему должно сопутствовать понимание. Некогда учитель, входящий к ученикам, мысленно повторял: «Я должен объяснить то, что я понял. Они должны понять то, что я объяснил». Любая истина способна сделать людей сильными и свободными, это подтверждает история. Но история же говорит и другое: узнать правду, понять ее и донести до других — дело непростое. Здесь может помочь знание теории общения и науки о понимании.

Девиз просветителей и сегодня не утратил своего значения. Оно даже возросло, расширилось и должно быть осознано всеми, кто обращается к аудитории, которая, как никогда прежде, огромна, если мы подумаем о новых технологиях коммуникации. Но никто не заменит самого обыкновенного живого слова, живого человека, беседующего с аудиторией. Надо только уметь это делать и разбираться в элементарных вопросах теории. И конечно, много читать.

Эта книга, быть может, окажет вам помощь и поддержку в нелегком деле общения с людьми, собравшимися послушать лекцию.

Признаюсь, тексты, которые я пишу для широкого читателя, для меня имеют особое значение как для экспериментатора. Двадцать лет исследования процессов понимания привели меня к определенным выводам, которыми хочется поделиться с вами. А вот как именно они будут поняты, какие именно моменты строения

¹ По материалам «Наука понимать». - М.: Лабиринт, 2005.- 336 с.

текста окажутся эффективными, а какие пройдут незамеченными — все это может сыграть роль при изучении различных особенностей понимания. Дело в том, что текст можно рассматривать и как собранный из единиц языка механизм, который управляет процессом своего понимания. Как это происходит? Напомню в этой связи, что название работы — строка из стихотворения Тютчева.

Другому как понять тебя?

Как сердцу высказать себя?

Поймет ли он, чем ты живешь?

Мысль изреченная есть ложь.

Как видим, стихи Тютчева, с которых мы начали, исполнены сомнения в том, что мысль можно выразить в той форме, в какой она приходит в голову. Сомнение это имеет глубокую внутреннюю основу. Ведь мышление каждого человека имеет индивидуальные особенности, обусловленные его личным опытом. То, что для меня очевидно, бывает ново и странно для другого. Мои желания он может и не разделять. Один собеседник может быть ко мне расположен, а другой — нет. А аудитория? Недоверчивая, настороженная, а то и безразличная или враждебная аудитория? Захочет ли она понять вас? Чего она от вас ожидает?

Когда я писал эти строчки, в них — через плечо — заглянул коллега, опытный преподаватель, коммуникатор по призванию. Он извинился и сказал, что хочет меня поправить. Особенно велики, пояснил он, ожидания доброжелательно настроенной аудитории. Поэтому с ней в некоторых отношениях труднее работать: вы просто обязаны ее не разочаровать.

Воспользовавшись случаем, я попросил его высказаться по темам, здесь затронутым (личность, интеллект, общение, новое мышление, понимание, текст).

– Что же, — ответил он. — Судя по литературным источникам, с аудиторией лучше всего работали Черчилль, Луначарский и Марк Твен — их лекциями восхищались и те, кто не имел к тому ни идеологических, ни личных оснований и даже отвергал их взгляды. Общим для этих совершенно разных людей было то, что они говорили с аудиторией свободно, не стараясь к ней подладиться, как-то угодить. Я пришел сюда, чтобы высказать свои взгляды по вопросу, в котором считаю себя компетентным. Я хочу рассказать вам то, что знаю. Мне интересно, как вы примите то, что я хочу сказать.

Такой подход оправдан.

Он повышает внимание к тому, что говорит выступающий. А почему? А потому, что в собеседнике (один он или их полный зал) видят личность, признают за ним право на собственные знания и свое мнение.

Интеллект традиционно ценится очень высоко. Поэтому любая возможность его тренировать должна быть использована в полной мере. Это интуитивно чувствуют зрители таких телевизионных передач, в которых эта возможность хоть как-то реализуется. Но наибольшие возможности тренировки интеллекта заложены в чтении действительно серьезных книг. Я не говорю обязательно «научных». Ведь и научная деятельность, и ее продукты тоже поддаются имитации. Но искреннее желание понять мыслящего автора всегда приносит плоды.

Относительно «нового мышления» следует сказать, что оно сможет войти в жизнь лишь при том условии, что, мы будем изменять свои личностные установки, а для этого очень важно обладать навыками самопознания. Говорят, что в спорах рождается истина. Не прекословлю. Но какие же это затянувшиеся роды! Быть может, не всегда надо убеждать в правильности своей позиции собеседника, а вместе с ним искать такую позицию, с которой можно решить проблемы совместно? Ум хорошо, а два лучше, почему бы не попробовать?

Что касается понимания, то чем оно глубже, тем ближе к этической стороне предмета понимания. У вас, — продолжал он, заглянув в третий раздел, — любовь и знание как-то противопоставлены. Не буду сейчас с этим спорить, скажу лишь, что подлинное понимание другого человека возможно лишь на основе личного чувства. Интеллект действительно представляет собой способность понимать, но реализация этой способности вовлекает в процесс понимания всю личность. Понимание не сводится к деятельности интеллекта, оно включает в себя переживание. Леонид Андреев говорил, что разум — это, возможно, лишь «замаскированная совесть». Есть вопросы, при решении которых должны быть нераздельны два критерия: «правильно ли» и «честно ли». Вот вы пишете, что допустима «ложь во спасение...»

— Не пишу, — возразил я. — Просто это слишком сложный вопрос, чтобы решать его безоговорочно.

— Решать его положительно нельзя. Отдайте лжи палец — и она съест всю руку.

— Но я же привожу примеры.

– А пример не доказательство. Исключения бывают всегда, ими можно доказывать все, что угодно.

Теперь о связи разных типов понимания. В текстах, где доминирует не научное доказательство, а повествование, могут решаться вопросы серьезнейшие. Вопрос о том, как поступать по совести, не всегда поддается строгому логическому анализу, и притча недаром убеждает сильнее, чем логическая цепь доказательств.

– Но вы же сами говорили, что пример — не доказательство!

– Я говорил, что исключениями ничего доказывать нельзя. А притча — это не пример, она общезначима, она касается каждого. И, наконец, об углубленном понимании текста. Мне кажется, что разборы содержания и смысла, которые в вашей брошюре приводятся, показывают, как понимание текста сближает нас с автором, с его мыслями и его временем...

– Да. Я придаю этому большое значение. Гёте говорил, что человек становится равен тому, кого он понимает.

– Поэтому понять — значит расширить свой смысловой горизонт.

И это касается как понимания другого, так и понимания самого себя.

г. Бишкек

Понимание, понимание превыше всего

Пониманию нет границ.

Осип Манделштам

Точка Омега. Главные слова в германском гимне: «Германия, Германия превыше всего», и все немцы их знают. Если когда-нибудь будет написан гимн для всего человечества (кажется, этого уже недолго ждать), в нем, наверное, будут слова: «Понимание, понимание превыше всего». Ведь без понимания реальности, без понимания друг друга люди просто не смогли бы существовать.

Это представляется очевидным. Но не менее очевидно и иное, противоположное суждение. Персонаж одной философской повести, признавая, впрочем, что он плохо знает людей, говорит: «Я знаю только, что они способны на любые крайности, на самую крайнюю степень тупости и мудрости, жестокости и жалости, ярости и выдержки. У них нет только одного: понимания. Они всегда подменяли понимание какими-нибудь суррогатами - верой, неверием, равнодушием, пренебрежением. Как-то всегда получалось, что это проще всего. Проще поверить, чем понять. Проще разочароваться, чем понять»².

Противостоят ли друг другу эти высказывания?

Как берега одной реки.

Понимание необходимо.

И его всегда недостаточно.

Поэтому необходима наука понимать. Поэтому написана книга, которую вы только что раскрыли. Она преследует цель двоякую: рассказать о процессе понимания и одновременно несколько развить свойственную вам способность понимать. Способность эта свойственна всем людям без исключения, развивается она спонтанно, сама, и в массе случаев довольно успешно. Но ее можно поднять и выше среднего уровня - это в силах современной психологии.

Освальд Шпенглер писал: «XIX век был веком естествознания, XX век станет

² Стругацкие А. и Б. Улитка на склоне // *Волны гасят ветер*. Л., 1989, -С.45.

веком психологии. Мы уже не верим во власть разума над жизнью. Мы чувствуем, что жизнь господствует над разумом... Оставаться хозяевами фактов для нас существеннее, чем стать рабами идеалов»³. Писалось это когда XX век был еще молод, и он взялся было опровергать пророчества Шпенглера: история еще не знала такой веры в идеалы (истинные или ложные - вопрос другой), не знала она и таких достижений естествознания и такого господства непреложных фактов над яростными попытками освободиться от их власти, попытками их изменить, замолчать или опровергнуть. Но вот век кончается и становится все более ясно, что Шпенглер просто разделил судьбу всех пророков - он заглянул слишком далеко вперед и исполнения своих прорицаний не увидел. Они стали сбываться только ныне, на исходе столетия - это наступающий век становится веком психологии, это сейчас человек оценил силу и значение великой мечты - стать хозяином в мире фактов.

Для того чтобы эта мечта осуществилась, и нужна наука понимать.

Науке о понимании много лет. Это герменевтика.

Наука понимать - это постгерменевтика.

Она формируется под влиянием радикальной психологии и психолингвистики. Постгерменевтика представляет собой проявление и следствие экспериментального подхода к анализу проблемы понимания, это попытка создать в сознании (и подсознании) читателя установки, ориентированные на понимание смысла текстов и реальности, стимулировать волю и понимание, развить способность понимать как одну из важнейших сущностных сил человека.

Человек - это порождение природы и общества. Он не примиряет их - он их понимает, ибо принадлежит им обоим. Благодаря пониманию человек способен действовать практически, а значит существовать. Понимание соединяет в единый узел познание и общение, понимание позволяет проникнуть в скрытое, прорицать будущее, предупреждать опасность.

Наука. Первоначально это было нечто исконное, особый талант мыслить, переходящий от Учителя к ученику. Но выяснилось, не скоро, но выяснилось, что переходит знание, а не талант. Корни слов «наука» и «знание» разные. Наука - это способ познавать, а знание - результат применения этого способа. Наука есть творчество ученых, она меняется, она незаконченная, она живет, а в семантике «знания» этого оттенка нет, оно готово для трансляции, оно вообще готово по опреде-

³ Шпенглер О. Пруссизм или социализм // *Современный Запад*, 1923. - №1.С.197.

лению – на клинописной глиняной таблице или на диске, оно всегда продукт, а не процесс.

Процесс научного познания, его причины и правила, его метод способны повлиять на мышление, а знание – и на поведение. Идея Фрэнсиса Бэкона, состоявшая в том, что человека можно научить мыслить правильно, сыграла значительную роль в формировании образования и науки. Вероятно, Бэкон ожидал, как и все великие умы, результатов более впечатляющих. Но и поныне логики и философы ищут метод-гарант, предупреждающий ошибки, компас, указующий на магнитный полюс истины. Развитие научного знания свидетельствует, что истина постижима. Ее можно найти, ее можно понять.

«Поиск понимания, выявление внутренних закономерностей в некотором сложном и неясном аспекте реальности – основная цель науки. Однако довольно трудно точно определить, что такое понимание. Оно, очевидно, субъективно: что удовлетворит одного, не удовлетворит другого; разные культуры обладают разными стандартами того, что можно считать удовлетворительным объяснением; то, что удовлетворяло людей 100 лет назад, может теперь оказаться непригодным. Несмотря на всю расплывчатость и неопределенность этого понятия, субъективное чувство удовлетворения от понимания аспекта действительности оказывается очень сильным...»⁴. Настолько сильным, что возникает сомнение – только ли о «чувстве удовлетворения» тут заходит речь? Да и о понимании ли тут надо говорить? Послушаем классика биохимии Чаргаффа.

«Мы верим – говорит он, – что наши поиски приведут к пониманию, но они ведут лишь к объяснению. Даже разница между «понять» и «объяснить» совсем постепенно сводится на нет, что уж совсем непростительно. Приводят высказывание Эйнштейна: «Самое непонятное в природе – что ее можно понять»⁵. Я бы сказал – «объяснить». Это вещи совершенно разные, ибо мы мало что понимаем в природе. Даже самая точная из точных наук витает над аксиоматической бездной, которую нельзя измерить».

Математически образованные современники отнюдь не всегда понимали Лобачевского, который предпринял одну из первых удачных попыток в эту бездну заглянуть. Но даже если отвлечься от чисто теоретических построений и обратиться

⁴ Голдстейн М., Голдстейн И. *Как мы познаем*. – М., 1984. – С. 34.

⁵ Чаргафф Э. Горячка разума // *Химия и жизнь*. – 1978. – №5. – С. 64.

к сфере инженерно-технической, и там эта разница между «объяснить» и «понять» обозначится.

Главный кораблестроитель британского флота сэр Уильям Уайт, который «открыл эру кораблей волнующей красоты и мощи», докладывал о постройке гигантских линкоров типа «Маджестик». Адмирал Бересфорд все выслушал, «посмотрел морским глазом»⁶ и сказал:

- Мы будем тонуть на этих кораблях, а сэр Уильям будет объяснять, почему мы потонули.

В первом же бою «Маджестик» получил пробоины, опрокинулся и затонул.

Бересфорд понимал. Уайт объяснял. Разница весьма велика. Бересфорд чувствовал, что «Маджестик» опрокинется. Он не умел объяснить, почему. Но он знал!

Вернемся к вопросу о науке.

Науку Герберт Спенсер сравнивал со сферой: чем она больше, тем больше площадь ее соприкосновения с неизведанным.

Это вполне относимо к пониманию: чем больше понято, тем больше, оказывается, надо понять еще.

Это относится и к науке понимать - чем глубже понимание, тем больше надо узнавать о том, кто понимает.

Необходимое условие существования человека – его осознанное взаимодействие с другими людьми. Взаимопонимание людей обязательно включает осознание их прав. Но переход от «Мы» к «Я» есть переход от понимания чувств, интересов и намерений других людей к пониманию самого себя. Легкость этого перехода – кажущаяся. «Утвердив свое существование и свои права, человек предпринял поиски самого себя, подобно рыцарям, коим их победы позволяли проникать во дворцы, где они ожидали узреть предмет своих грез, но находили только глубокие, уходящие во тьму перспективы»⁷. Многие не решаются уходить в глубины собственной личности, своего «Я». Для многих, занятых утверждением себя во внешнем мире, вообще закрыт путь к себе. Свои желания они знают очень хорошо. Самих себя – нет.

Обращение к индивиду, его личностным особенностям и возможностям вообще может дать очень многое. Сущностные силы человека (к их числу относятся

⁶ По словам академика А. Н. Крылова, выражения «военным глазом», «морским глазом» - многозначительны. Слова «увидел» и «понял» соединялись в одном семантическом пучке – тут О. Мандельштам совершенно прав.

⁷ Мальро А. Зеркало Лимба. - М., 1989.- С.44.

способность понимать) как бы выводят его за пределы сиюминутной действительности. Это стало ясно еще очень давно. «Мы верим,- писал некто (быть может, Х.Эспронседа) в 1834 г., – что чувства человека выше его интересов, желания – больше потребностей, а воображение – шире реальности»⁸. Как это верно. На том, что желания больше потребностей, построена, в сущности, вся психология рыночных отношений. То, что воображение шире реальности, позволяет строить виртуальные миры, семантически равнозначные реальному. А не эта ли способность порождает гипотезу, игру, литературу? А разве не чувства людей лежат в основе собственно человеческих отношений между ними? Разве понимание - это только и исключительно рациональный процесс?

«Конечной целью каждой науки являются познание и понимание, что далеко не одно и то же. Мы обогащаем наши знания, собирая факты, и применяем различные методы, пригодные для нашей цели. Пока мы следуем по этому пути, мы свободны от какого бы то ни было элемента эмоциональности. Но дело обстоит по-другому, когда речь идет о понимании. Мы обнаруживаем, что нелегко дать определение пониманию, применимое для всех возможных случаев. Для всех проявлений понимания как в физике, так и в биологии общей является только какая-то чисто эмоциональная характеристика. «Понять» – до какой-то степени синоним «получить удовлетворение». Такое удовлетворение - это чувство облегчения, знакомое только тем, кто сражался с «непонятым»⁹.

Вот снова это «чувство удовлетворения», это «облегчение». Но, заметьте, это все не психологи говорят. А. Гурвич был ученым очень большого, исключительно даже ума, хотя многие и говорили, что он заблуждался, понимал им же полученные экспериментальные данные «не так». Не так понимал... Что его обманывало – чувство, разум?

Чувство... Да, понимание – это не только рациональный процесс. Но это и не только облегчение или удовлетворение.

Вспоминается, как, разговарившись с А. А. Реформатским (он любезно поинтересовался моими работами), я спросил его, что он имеет в виду под пониманием.

- Это шестое чувство - способность и чувство понимания - сразу ответил он.

⁸ Пишу «некто», потому что точно еще никто не знает, кому эти замечательные слова принадлежат. См.: Вопросы литературы.- 1983.-№ 4.- С. 167.

⁹ Гурвич А. Г. Избранные труды.- М., 1977.-С. 174.

Мне, конечно, пришли на ум известные стихи Гумилева:

...Так некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуяв на плечах
Еще не появившиеся крылья...
Так век за веком - скоро ли. Господь? -
Под скальпелем природы и искусства
Кипит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

Я переспросил:

- Так Вы считаете, что его еще нет?

Он усмехнулся.

- Ну как это «нет». Оно прорастает...

Мне эта мысль представляется замечательной. Исторически понимание еще очень молодо. Чувство понимания прорастает у каждого. Оно способно расти. Оно вырастет до неизведанных еще масштабов и изменит нас.

Я не стал бы, конечно, ссылаться на этот разговор, не писал бы о нем, но не так давно встретил близкое по сути определение понимания, приводимое Н. Ильиной¹⁰ в ее воспоминаниях об этом замечательном ученом и человеке.

Шестое чувство. Чувство чего?

И вот, я хочу предположить, что понимание - это чувство приобщения к бессмертию. Движение к точке Омега. Соединение с тем, что больше меня (неизмеримо!), но в то же время - и я.

Иное пространство. Когда у одного из крупнейших физиков нашего столетия Макса фон Лауэ спросили, что такое образование, он, подумав, ответил, что образование - то, что остается у вас, когда вы забыли, чему вас учили. Эти слова часто вспоминали, но мало понимали. Идея Лауэ заключается в том, что у образованного человека формируется образ мыслей, и он поважнее фактов и формул. Иными словами, у образованного человека иной уровень понимания.

Жозеф де Местр отмечал, что те, кто совершил значительные открытия, менее всего были знакомы с трудами Бэкона, а его читатели и ценители в открытиях

¹⁰ Ильина Н. *Дороги и судьбы.* - М., 1991.

не особенно преуспели. Это правда, и, тем не менее, влияние Бэкона на развитие науки трудно преувеличить. В чем же дело? Видимо, дело заключается в образе мыслей, в том, что формируется в процессе учения, в том, что усваивалось и понималось «по Бэкону».

Соответственно и «наука понимать» есть способ понимания, который, по предположению автора, должен быть воспринят читателем, когда он закроет эту книгу, разумеется, в том случае, если он прочтет ее до конца, что не легко.

Вопросы, которые ставятся в этой книге различны. Среди них особое место занимает вопрос о понимании текстов культуры.

Культура и ее стержень - литература и искусство – обладают особой силой. Они могут, правда, ненадолго, переселять человека в иное пространство¹¹, мыслимое, семантически значимое, и это перемещение очень помогает жить. Одни способны попасть только на окраины этого пространства, где гремит тяжелый рок или незатейливая поп-музыка, ходят полуодетые особы, чьи имена тотчас же забываются, другие способны пройти дальше, услышать настоящую музыку, увидеть людей, города и горы, которые надолго остаются в памяти, а третьи уходят далеко в глубь этой вроде бы и не существующей страны и встречаются там с незабываемым, более реальным, чем серая или раскрашенная рекламными красками «настоящая жизнь». Они встречают там самих себя. Не двойников, конечно, хотя случается и такое. Они узнают там переживания и мысли, им близкие, начинают лучше понимать себя, друзей, врагов, прошлое и настоящее.

В этом мыслимом пространстве нельзя оставаться надолго. Но оно так помогает существовать в настоящем мире, помогает выдержать его давление. За этим оно и необходимо, все это огромное пространство - от «Битлз» до античной классики. Оно не всемогуще – Ницше, например, сломался. А классика Ницше знал профессионально, читал филологию в Базельском университете и когда сравнивал человека с натянутым луком, то, может быть, вспоминал Иосифа Флавия¹². «Чтобы лук не сломался, существует искусство»¹³, - писал Ницше. Он имел в виду, что искусство пробуждает и усиливает витальное чувство, которое уходит из человека по мере

¹¹ Семантическое пространство исследовали Ч. Осгуд, В. Петренко, А. Шмелев и другие ученые; правда, наша интерпретация семантического пространства несколько отлична от той, что они предлагают. Нам оно представляется сложно структурированным.

¹² «Мы немощны и слабы сопротивляться римлянам, но лук натянут»

¹³ Nietzsche F. Werke- Bd. 1.- 1899.- S. 523.

того, как его сгибает ложный мир социального.

Взаимодействие семантически значимого пространства с реальным миром было замечено очень давно - собственно говоря, все религии отсюда и возникли. Но и вполне свободомыслящие люди ощущали влияние этого пространства, чувствовали его значение, понимали его по-своему, вполне приземлено: это пространство было объявлено простым отражением действительного. Те, кто в этом пространстве был, как дома, те, кто его, собственно, создавал,- люди творческие - защищались: «Мир существует. Было бы бессмысленно его повторять»¹⁴. Оно, это пространство, бесспорно, похоже на реальный мир. Но оно его не повторяет. Оно помогает его понять. Это пространство выстроено с помощью достаточно сложных текстов, которые будучи структурно далеки от текстов научного содержания, в познавательном отношении им зачастую не уступают¹⁵.

Текст. Наука понимать соединяет эти два пространства - реальное и мыслимое, изучая то, что является у них структурно общим. Эта структурно общая для них черта текст. «Нет ничего вне текста», - говорит Жак Деррида. И это одно из основных понятий, которым мы будем оперировать - текст. Воспроизводимая последовательность значимых элементов. Илья Пригожин¹⁶ говорил: «Жизнь возникает всякий раз, когда возникает текст и соответствующий ему читатель». Он описывал свои опыты и пояснял: «В условиях, далеких от равновесия, наблюдаются колебания, в которых налицо определенная последовательность, текст!»¹⁷. Это максимально широкая интерпретация. Применительно к нашей теме текст рассматривается как смыкающий компонент акта коммуникации. В тексте реальность представлена и сконцентрирована в доступной пониманию форме. В этом заключается его фундаментальная психологическая особенность. Анализ и обобщение экспериментальных данных, характеризующих психологические механизмы, порождающих различные варианты понимания текстов в процессе общения, показывает, что смысловая связь между компонентами текста есть форма связи между участниками акта коммуникации. Смысл выступает при этом в нескольких функциях: он скрепляет составные элементы текста, активно способствует репродукции его содержания,

¹⁴ EdschmidK. Fruhe Manifesto EPOCHEN des Expressionismus.-Hamburg, 1957.-S.34.

¹⁵ См.: Зинченко В. П. Возможна ли поэтическая антропология? - М., 1994.

¹⁶ Для тех, кто придает значение титулам, - президент Королевской академии Бельгии, лауреат Нобелевской премии и т.д. Но титулы дают современники, а они могут и ошибаться. Есть иной критерий - рост значения мыслей ученого. По отношению к мыслям Пригожина этот критерий выполняется: интерес к ним продолжает расти.

¹⁷ Пригожим И. Мы только начинаем понимать природу // Краткий миг торжества.-М., 1989-С. 314.

позволяет соотнести содержание каждого данного конкретного текста с действительностью. Тем самым смысл следует рассматривать в его отношении к памяти, к реальной действительности и к конкретным языковым средствам, образующим текст.

Понимание есть феномен, возникший в непосредственной связи с процессом общения и составляющий необходимое условие существования и построения текстов.

Почему я написал эту книгу. В книге вы встретите несколько повторяющихся имен. Они принадлежат и тем, кто ушел, и тем, кто пишет, работает. Мы вступаем с ними в общение, слушаем их, соглашаемся или не соглашаемся. В этом состоит один из многих психологических приемов работы автора с читателем, здесь использованных. Специально они описываться не будут. Но надо оговорить, что относительно узкий кругу поминаемых авторов определялся не личными пристрастиями (я очень люблю поэзию Пастернака, но о ней даже в главе о балладах здесь ничего не сказано), а конкретными психологическими задачами развития способности понимать определенные структурные особенности текстов. Поэтому здесь представлен Е. Рейн, а не И. Бродский, например.

Читатель вправе посетовать, что в тексте книги немало место уделено сказаниям далекого прошлого. Но они заслуживают внимания. «Легенды и сказки - это отражение людей, человечества в некоем зеркале. То, что представляется прошлым, на самом деле есть будущее»¹⁸, - утверждал Т. Стриблинг в замечательном, ныне забытом романе. Мысль эта не принадлежала, собственно, ему, но ведь так много зависит от формы ее выражения, а здесь она хороша. И мысль верна. Изучая народное творчество, мы изучаем не только прошлое, но и прообразы настоящего и будущего.

Говорят, что дверь в будущее трудно отворить. Вполне очевидно, что это так. Но закрыть ее просто невозможно, и сейчас мы убеждаемся в этом на собственном опыте. Чем бы не завершился кризис, который переживает наше общество (а он обязательно завершится, вечных кризисов не бывает), проблема понимания актуальности не утратит. Напротив, мы убедимся, что рост потребности в понимании будет сопоставим с ростом потребности в доброкачественных продуктах питания.

Наука понимать... Давайте попытаемся понять нечто, пригласив за стол одну из

¹⁸ Стриблинг Т. Мегафон.- М., 1948.- С. 120. Написана эта книга была в 1934 году, а перевели ее у нас еще до войны.

наших коллег. Ее книга так и называется – «Человек за письменным столом». Книга эта точная, суховатая, глубокая, весьма далекая от теологии (оговорка необходимая, поскольку мы попытаемся понять дискурс, с религией внутренне связанный). Жан Жионно еще до мировой войны (второй) заявил: «Лучше живой трус, чем мертвый герой». Это, конечно, вариация на тему библейскую. Из книги «Экклезиаст». Но там не сказано, что живая собака лучше мертвого льва. Отнюдь нет. Это живой собаке лучше, чем мертвому льву,- вот как там говорится. Псу живому лучше, кто спорит. Но лучше ли будет льву жить собачьей жизнью? Это великий вопрос. Это (на самом деле) вопрос о существовании культуры. Культура замещает достижение удовлетворения, удовольствия достижением ценности. А «ценность» - слово не случайное. За ценности надо платить. За что платишь, то и получаешь. А платить приходится. Хочешь быть человеком - иметь родину, жить свободно, чтить науку, ценить искусство, любить девушку, завести детей, быть порядочным - плати за это.

Тут уже надо стоять на своем, постоять за себя, быть верным, уметь рискнуть, сказать правду... «Свобода, родина, наука, искусство, любовь, семья, честь - все это очень опасные вещи»¹⁹. Даром это не дается. «Не помню, кто это сказал в ответ на разные медицинские предостережения: «Опасно жить - от этого умирают»²⁰.

Мне помнится, это сказал Станислав Ежи Лец. Офицер польской армии. Тот, кто говорил: «Когда вода поступает к горлу - выше голову!».

Сейчас, в дни серьезного кризиса, когда временами кажется, что «вода подступает к горлу», особенно важно понимать, что на самом деле происходит, что происходило и что еще только произойдет. А если вы захотите это понять, если у вас проснется воля к пониманию (очень важное условие), то вы будете держать голову выше, а значит - видеть и знать больше. Жить от этого не легче. Жить от этого интереснее.

¹⁹ Гинзбург Л. Человек за письменным столом. - М., 1989.С. 589.

²⁰ Там же. -С. 89.

Хождение за три мира

Всем хочется понять. Огромная потребность в понимании.

Э. Доктороу

Мир, конечно, один. Он невообразимо велик. И мы, люди, лишь ничтожная его часть. Мы даже не знаем твердо, необходимая ли мы его часть - ведь немало случайностей сопровождало и обуславливало появление на свет человека. Некоторые видные ученые полагают, что люди в сущности одиноки в Галактике - так маловероятно в космическом масштабе стечение обстоятельств, в результате которого возник род человеческий. Мне, напротив, кажется, что мы не одиноки в окружающем нас мире, но не станем пока отвлекаться. Главное - мы есть в мире, и мы можем его понять.

Когда исследуют понимание, возникает необходимость условиться, что существуют три мира. На самом деле это три различающихся поля понимания и три неоднозначных способа понимать. Так что о «мирах» здесь говорится условно.

В одном мире: «что доказано, то и есть». Это мир логических построений, мир связных суждений и умозаключений, математических моделей и аксиоматических методов.

В другом мире: «что есть, то и доказано». Это мир фактов, обладающих достоинством непосредственной действительности, мир, в котором на ночном небе висит красный Марс, а по ночным крышам бегают мартовские коты, стучат далекие каблучки, а в талом снегу гаснет недокуренная сигарета (сейчас ночь).

Мир 1. Это мир, о котором некогда было сказано: «факты - упрямая вещь», и сказано не случайно. Они упрямятся – факты. И ясно, с кем они не желают соглашаться. Жюль Бордэ (а это был естествоиспытатель не из малых) мрачно говорил: «Логика оказывается бессильной в борьбе с фактами». Но это не означает всеислия фактов. Объективный мир дан человеку фрагментарно, и он изменчив. Понимание требует достройки в уме видимого, воспринимаемого мира - достройки по образующей, то есть по той линии движения, которая образует систему. Так, никто из нас не видел Солнечной системы: общеизвестная модель с центральным светилом и планетами, вращающимися вокруг него по орбитам в плоскости эклиптики, целиком построена в уме и есть результат правильного понимания того, что мы

видим. А видим мы движение светил по небосводу, и не более того. Днем оно одно, а ночью их много. И все. Для того, чтобы увидеть (и понять) больше, уже требуются приборы. Они окружают нас с детства, восполняя неизбежную фрагментарность восприятия фактов: даже для того, что бы увидеть собственные глаза уже требуется элементарный прибор: зеркало (отражение в воде цвет глаз передает неправильно).

Замечу, что прибор как предмет мира реального вызывает к своим показаниям как-то больше доверия, нежели логические конструкции. Но это к слову.

В процессе понимания мир непосредственно воспринимаемых фактов и мир суждений взаимно проникают друг в друга. Это помогает людям жить и действовать, и до поры до времени они не замечают, сколь многое в их понимании и оценке фактов зависит от дислокации, от точки зрения того, кто смотрит на действительность. Казалось бы, за последние сто лет наша дислокация во Вселенной не изменилась: мы жили и продолжаем жить на поверхности той же планеты Солнечной системы и по тем же орбитам, расходясь и сближаясь, летят вокруг Солнца Земля и Марс. Но, взяв в руки XVIII том старого доброго Брокгауза и Эфрона, изданный 100 лет назад, читаем: «Марс - большая планета Солнечной системы». Как же так? Это именно «не большая» планета. 6790 км в диаметре, много меньше Земли. Неужели тогда не знали... Нет, знали, конечно: около 6600 км,- пишется в старой энциклопедии - ошибка простительная. Но почему же это «большая планета Солнечной системы»?

А потому что ее *так видят*. На небосводе Земли она отнюдь немала.

Видимый диаметр ее не изменился. Изменилась точка зрения. Дислокация человека в Солнечной системе. Раньше он видел планеты только на небосводе и замечал, что они блуждают среди неподвижных звезд; как будто бы и планета значило первоначально «бродяга». Теперь он увидел планеты с совершенно иной позиции: с борта космического аппарата, и понимание того, что большие планеты не обязательно велики на небосводе Земли, прочно вошло в сознание.

Заметьте, что по отношению к звездам дислокация наша осталась прежней. Для нас в абсолютном большинстве случаев (я провел выборочный опрос) «большими» являются яркие звезды нашего небосклона и об истинной их величине мы задумываемся мало.

Льщу себя надеждой, что, возможно, опубликованные ныне эти размышления подтолкнут какого-нибудь психолога 2098 года проверить, не изменился ли наш

взгляд на звезды. Если подобное изменение и вправду произойдет, оно отразит заметные изменения в дислокации человека во Вселенной.

Мир 2. Однако разграничительная линия между этими двумя мирами - «что доказано, то и есть» (2) и «что есть, то и доказано» (1) - становится особенно тонкой, напряженной, подвижной, когда общество (или природный фокус всех общественных отношений – человек) начинает требовать доказательств.

События произошли. Фрагментарность фактического мира становится зловещей: фрагменты обращаются в фундамент версии и обретают наименование вещественных доказательств. За дело берется специалист по решению так называемых неточных задач - следователь. В мире суждений возникает гипотеза о возможной ситуации: выстраивается версия. Вот что говорит специалист: «Прежде всего надо сказать, что гипотеза, признаваемая приемлемой, должна включать в себя все имеющиеся факты. Ни одно самое мелкое обстоятельство не должно ей противоречить. Во-вторых, все эти факты должны найти свое место в едином и связном ходе событий. Чем он проще, компактнее и закономернее, тем больше вероятия, что дело было именно так, а не иначе. Это мы называем реконструкцией обстановки. Гипотезу, которая согласует все установленные факты в наиболее связном и правдоподобном ходе событий, мы принимаем как несомненную»²¹. Но количество имеющихся фактов не всегда достаточно. В действительном мире не всегда происходят самые вероятные события. И тем не менее другого пути нет: иначе нельзя построить убедительную версию. Называть ее несомненной - это дело внутреннего убеждения специалиста: убедит ли он суд? Судьи снова вернут дело на границу двух миров, если у них возникнет сомнение(только сомнение!) - это уже очень важно для обвиняемого. Ибо сомнение - таков старинный судебный принцип - толкуется в пользу обвиняемого. Помните о хлебопек! Когда-то в Венеции на основании весьма убедительной версии был приговорен к смерти какой-то хлебопек. Приговор привели в исполнение. Когда «по вновь установленным обстоятельствам» (есть такой термин) удалось выстроить иную версию, более убедительную, хлебопек был признан не виновным, но... поздно. И во всех судах Венецианской республики появилась надпись: «Помните о хлебопек!»

Не надо о нем забывать. Ведь зачастую за решение неточных задач берется человек без специального образования или, что гораздо опаснее, без всяких при-

²¹ Это говорит доктор Мейзлик у К. Чапека. См.: Чапек К. Собрание сочинений. - М., 1974.-Т. 1.-С. 385.

знаков способностей к их решению. Такие задачи не всегда решаются в судах: Иногда они решаются на собраниях. Иногда - в рабочем кабинете, наедине с собой. А иногда – в разговоре шепотом (чтобы не услышали) двух самых близких друг другу людей. Один мир властно вторгается в другой. И хотя факты - упрямая вещь, люда бывают еще более упрямы.

Этим я не хочу сказать, что задачи подобного рода не имеют истинных решений. Имеют. Я лишь хочу напомнить, что мы живем в эпоху высоких профессиональных требований, а неразрывный с пристрастием дилетантизм в решении неточных задач (к ним относятся многие задачи военного, юридического да часто и личного плана)погубил больше людей, чем теория флогистона и все иные заблуждения естествоиспытателей.

Разумеется, заблуждения естествоиспытателя непростительны. Но он работает иначе, нежели следователь или генштабист, пытающийся разгадать оперативный замысел противника и тоже располагающий недостаточным числом точных фактических данных. В научно-популярной литературе нередко проводятся аналогии между методами ученого и детектива. Аналогии эти эффектны, но не глубоки. Известное изречение Эйнштейна о боге, изысканном, но не злонамеренном, раскрывает, в чем тут суть. Суть в том, что естествоиспытателю не противостоят намерения. Происходящее в природе имеет свой изысканно-сложный смысл, но он далек от смысла дел человеческих. И даже не «далек». Он просто другой. И трудности естествоиспытателя иные. Так, погружение в глубь действительного мира приводит к специфической сложности понимания. Мир на этом глубинном уровне теряет наглядность и требует достройки по двум образующим. То есть понять его можно только на основе двух концепций. Они дополнительные, но не в обыденном смысле этого слова, а в смысле Бора: они несоединимы в одну, взаимно исключают друг друга и также взаимно необходимы для понимания происходящего на этом уровне действительного мира.

Теперь (переход несколько неожиданный, но, как мы увидим, закономерный) заглянем в другую энциклопедию.

Это все.

Мы знаем иного Фауста: вместе с Мефистофелем он пил в лейпцигском кабаке; Гретхен смотрела ему в глаза, неуверенно и послушно; в отчаянии он стоял у дверей тюремной камеры; он видел гомункулюса, любил Елену, его погребли лемуры.

Мир 3. Этот Фауст из третьего мира, и мир этот - особенный. Фауст, о котором написано у Гете, это не исторический доктор Фауст, который преподавал в Ингольштадтском университете. Их прямое отождествление просто лишило бы смысла суждения о Фаусте как литературном герое.

Еще Аристотель выделял то качество вещей, которое он называл сущью (quidditas) их бытия, предполагая, что суть терминологически несколько отлична от сущности. Суть предмета состоит именно и только в том, без чего суждение о нем теряет смысл.

Так, суть физических объектов заключена в их действительном существовании. Для того, чтобы физическая теория (или гипотеза - в данном случае это все равно) имела смысл, она должна предполагать существование соответствующих объектов: теория флогистона лишилась смысла, когда было доказано, что флогистон не существует.

Суть феноменов культуры в том, что они имеют значение для людей; утерев по какой-либо причине значение, они утрачивают статус феноменов культуры, сохраняя физическое существование.

В культуре овеществляются отношения между людьми, и овеществление это семиотично. В крайнем и самом ярком выражении – это вещь, выставленная в музее: там она знак самой себя. Вот он, короткий римский меч. Он обнажен. Обнаженным мечом отдают салют или наносят удар. Но им здесь не салютуют, не рубят - нелепость! Но нет, не нелепость: он за стеклом, он знак всех римских мечей - такими они были. Если быть совершенно строгим, это не феномен культуры, как дом, в котором не живут, - строго говоря, не дом. Римский меч есть феномен истории

Фауст Иоганн (1485-1542) р. в г. Книтлингене, где в 1954 г. ему воздвигнут памятник. Окончил теологический факультет Гейдельбергского университета (1509), прослушал курс натуральной магии в Краковском университете. Работал в Крейцнахе, Ингольштадтском университете, откуда изгнан в 1528 г. Судебные процессы в Гейдельберге (1528 и 1532); документальные сообщения о взрывах, которые произвел в различных домах "алхимик, содомит и черный маг Ф." Ум. в кн. Вюртембергском (не исключена гибель при неудачи, алхим. эксперименте).

культуры. Рим и его культура в прошлом. Так и треуголка Суворова за музейным стеклом – лишь знак самой себя. Треуголкой Суворова она была, когда ее могли пробить пули.

Мы стоим на пороге третьего мира. Еще раз напомним, что «мир» в данном случае – просто поле понимания. И это поле не столько усеяно изолированными значениями, сколько занято сложными их переплетениями – текстами. Латинское *textus* собственно и значило «связь», «соединение», даже «ткань». Далее мы будем говорить не о таких текстах, которые содержатся в собраниях сочинений Аристотеля или Эйнштейна: их содержание целиком принадлежит миру доказательных суждений. Под текстом мы будем подразумевать связную, компактную, воспроизводимую последовательность знаков или образов, развернутую по стреле времени, выражающую некоторое содержание и обладающую смыслом, в принципе доступным пониманию. Под это определение подпадают разнообразные повествовательные тексты.

Тексты – это типичные феномены культуры: лишенные сплетения значений, они обратятся в исцарапанную бересту, глиняные квадратики, исклеванные клинописью, листы бумаги с узором, нанесенным типографской краской (есть основания для такого сравнения: не понимая иероглифов, иные путешественники прошлого считали их орнаментом).

Что же касается текстов повествовательного мира, то они по сути своей вымышленные, причем и мир этот возник за исторически долгий срок, и суть свою феномены этого мира обрели тоже не сразу.

Первоначально это были мифы.

Ныне тот, кто изучает мифы, естественно, воспринимает их как вымысел. Но ведь миф существовал среди тех и для тех, кто осознавал его как реальность. «По-видимому, понять миф, то есть воспринять его так, как его воспринимали те, среди которых он возникал и бытовал, в современном обществе может только ребенок, да и то только такой, который свои фантазии принимает за реальность. Одно дело – изучать, другое – понимать»²², – писал М. И. Стеблин-Каменский и был прав. Мифы слагались в невозвратном уже детстве человечества: таков был в ту эпоху способ понимания действительности. Причем в текст, в эту «ткань», были непосредственно вплетены люди. Мифы переходили буквально из уст в уста, не-

²² Стеблин-Каменский М.И. Миф.–Л. - 1976.-С. 5.

посредственное общение было в дописьменную эпоху единственной формой их социального существования.

А в процессе общения человек осознает свою индивидуальность, личность обретает самое себя. Конечно, человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека, но он и сам становится зеркалом для других людей. Они отражаются в его сознании, населяют его, субъективно реальные даже в случае своего физического отсутствия, Родные (и прежде всего родители) и близкие люди, с которыми человека связывает общая судьба, прочно входят в его внутренний мир. В дневнике И. Пущина сохранилась примечательная запись о покойных декабристах: «Когда, где и как, я не помню, и даже теряюсь, когда тщусь понять, - но внутри ощущаю, что с иными не совсем расстался»²³. И это знакомое многим чувство не есть феномен индивидуального сознания, но нечто большее, связанное с сущностной стороной соучастия индивида в духовной жизни общества.

Персонификация и обобщение связаны с древнейших пор, при этом обобщение и идеализация отнюдь не тождественны - и мифы отличаются удивительной живостью действующих лиц. И, конечно же, они населяли внутренний мир личности, составляли важный компонент ее жизни. «...Мифы - не только составные части жизни, они части каждого человека в отдельности. Отнять у него рассказ - это значит отнять у него жизнь. Мифу здесь присущи производственные и социальные функции, и это не частное явление, это - закон»²⁴. Естественно-исторический процесс закономерно привел к тому, что миф утратил эти функции и сошел с авансцены духовной жизни общества. Но значит ли это, что рассказ утратил свое действительное могущество? Лучший ответ на этот вопрос - то исключительное по значению место, которое художественная литература занимает в системе культуры. И в индивидуальном сознании носителя культуры отражены не только окружающие, там присутствуют и Фауст, и Макбет, и Григорий Александрович Печорин. При этом по самой сути своей они принадлежат не миру действительному, но миру повествовательному.

А о нем можно сказать словами Саллюстия: «Это то, чего никогда не было, и всегда было». В отличие от венецианского хлебопека венецианского мавра никогда не было. Но доверчивость и ревность были всегда.

²³ Цит. по: Эйдельман Н. Пущин-Пушкин//Знание-сила.- 1978.-№ 12.-С. 32.

²⁴ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки.- Л., 1946.- С. 333.

Думается, действительный мир, взятый как целое, для понимания своего всегда требует достройки по двум образующим, и поэтому ему дополнительные (в смысле Бора) мир доказательный и мир повествовательный. В одном господствует логическое следование, обращение к действительному миру представляется некорректным: пример – недоказательство. В другом происходят события и совершаются поступки, и их связность определяется не исходным набором аксиом и даже не временной последовательностью, а иной образующей силой – смысловой.

Эксперимент показывает, что тексты повествовательного мира обладают значительно большим трансляционным потенциалом, они лучше запоминаются и поддаются пересказу, нежели гораздо более компактные, последовательные и связные тексты мира доказательных суждений.

Чем это объяснить? Быть может, тем, что понимание повествовательных текстов есть одновременно понимание человеком самого себя.

Конечно, одних только текстов для этого не может быть достаточно. Надо ощутить себя необходимой частью действительного мира и увидеть себя в других людях.

Это справедливо и по отношению к человечеству – интенция к общению присуща ему как интегральному целому. Конечно, космические исследования имеют и сугубо практическое значение, но ведь не меньший, наверное, экономический эффект принесли бы аналогичные затраты на исследования земных недр. Но стремление в космос непреодолимо, и психологически оно порождается не чем иным, как трансформацией личностной интенции увидеть себя другими глазами. Что бы это не принесло человечеству, оно стремится обнаружить иной разум. Оно родилось, говоря словами классика, «без зеркала в руках». И всегда будет его искать.

Понимание. Далее о трех полях понимания, и о культуре, и о мифологии, и о текстах мы поговорим подробно. Особое внимание нам предстоит уделить общению. И вот почему. Понимание – это узел, который связывает воедино познание и общение. Понимание начинается с взаимного понимания между людьми. Человек – субъект понимания. Каждый. И вы. И я.

В поле 1 решающую силу имеет противопоставление: есть на самом деле – нет на самом деле; в поле 2: истинно – неистинно; в поле 3: хорошо – плохо, а также все модификации этого противопоставления. Мир, представленный в поле 1, – это мир отношений между предметами; в поле 2 – отношений между понятиями; в поле 3 – отношений между людьми.

Существенным условием глубины и обоснованности понимания является взаимосвязь этих автономных полей. В случае нарушения их гармонической взаимозависимости, когда то или иное поле обособляется, понимание отходит от сущности предмета, мифологизируется. Так, обособление процессов понимания в первом поле порождает мифологическое истолкование данных смыслового восприятия действительности: какие только вымыслы не обошли за последние годы страницы периодической печати! Но любопытно, что они чаще всего опирались на факты. Их обсуждали, нарушая элементарные логические требования, с ними смешивали явные небылицы, все доказательства заменял «господин непреложный факт». Но факты, поставленные в такой контекст, не доказывают ничего. Их толкуют совершенно произвольно.

Для того, чтобы факты, воспринятые человеком непосредственно, могли иметь доказательную силу, они должны быть отсеяны от каких-либо оценок и должны выдержать испытание на достоверность.

Разведчики Ковпака составляли донесение, разделив его на три четко различающиеся части: 1) «видел»; 2) «думаю»; 3) «хлопцы говорят».

Это было первичным условием, необходимой предпосылкой правильного понимания, причем такое разделение текста влияло на процесс понимания и у тех, кто составлял донесение, а не только у тех, кто его принимал, анализировал и составлял доклад для командира соединения.

Много, однако, зависит и не от того человека, от которого исходит сообщение, и не от того, как оно построено, но от возможностей самого языка.

Экспериментальный психолингвистический анализ показывает, что язык обладает неравнозначными возможностями по отношению к реальной действительности: смену событий во времени язык описывает с большой легкостью, описание же пространственных отношений и фигур, как правило, вызывает значительные затруднения.

М. Л. Галлай²⁵ рассказывает об испытаниях Ту-4, четырехмоторного бомбардировщика. Казалось бы, совершенно безразлично, как называть моторы - можно по номерам, слева направо по направлению полета, а можно по отношению к фюзеляжу: «левый внутренний» или, скажем, «правый внешний». Но на Ту-4 бор-

²⁵ Заслуженный летчик-испытатель, Герой Советского Союза, писатель, ученый. Он написал ряд чрезвычайно интересных книг. Они вводят читателя в такой мир, где ему вряд ли суждено будет побывать. И это реальный мир.

тинженер сидел лицом к хвосту, так сказать, «задом наперед», в то время как летчик - естественно, лицом в ту сторону, куда летит самолет. Бортинженер сообщает, что «у левого внутреннего пульсирует давление масла». Летчик говорит: «Понял. От тебя левого, значит от меня - правого». Бортинженер поспешно говорит, что он уже учел, как это будет от летчика, это «на левом от тебя моторе»... Летчик делает ему замечание. Бортинженер возражает. И так далее.

А сколько раз вы сталкивались с невыносимой путаницей, пытаясь объяснить, как пройти, как проехать и, наконец, брались за ручку и рисовали схему, потому что объяснить все это трудно, а понять объяснения - еще труднее. Но это не особенность объясняющего. Это особенность языка. Ему трудно в первом поле.

Во втором когнитивном поле обособленная последовательность доказательств, вполне связанных и логичных, рассматривается как непреложное утверждение о действительности (иначе говоря, логически доказанное объявляется действительным).

В третьем поле повествование выступает как свидетельство действительно происходящего и даже как объяснение происхождения тех или иных действительных явлений. Последнюю функцию часто берет на себя миф в собственном смысле слова.

Говоря о третьем поле, надо иметь в виду, что само существование человеческой мысли и ее выражение отнюдь не полностью совпадают. В сущности логика - это наука о выраженной мысли, и уже в силу этого обстоятельства ее возможности ограничены. Более того, тексты, в которых, собственно, и живет выраженная мысль, довольно отчетливо дифференцируются на познавательные и повествовательные, причем логика повествования совершенно особая.

Вообще отношения между повествованием о действительности и самой действительностью, между воображаемыми отношениями и отношениями реальными в принципе очень сложны. Большую роль тут играет убеждающая сила, присущая повествованию. Любопытно, что многие библейские тексты представляют собой именно повествование, а не доказательства. Несомненно и то, что роман может дать об исторических событиях представления более впечатляющие, нежели непосредственная передача последовательности фактов. Некогда Гримм говорил, что надо искать не историческое в «Нибелунгах», а «нибелунгово» в истории. Это очень глубоко. «Подлинную историю человека пишет не историк, а художник. Ни Соловьев, ни Моммзен не могут написать доктора Фауста, Дон Кихота, Ивана Ка-

рамазова, Платона Каратаева, а именно эти люди - суть люди, творящие материал для Нибурови Ключевских»²⁶.

Литературный образ - это не просто вымысел. В нем отражены и синтезированы действительные черты людей, и многое из написанного в «Войне и мире» могло бы иметь место на самом деле. Это относится к миру возможного.

В художественном произведении зачастую выделено и представлено возможное, причем в особо впечатляющих формах. «Одно дело - роман, другое дело - история. Некоторые тонкие критики определяли историю как роман, который имел место в действительности. В самом деле, приходится признать, что искусство романиста нередко заставляет нас верить, тогда как иному событию мы верить отказываемся».²⁷ Частично это связано с тем, что в повествовательных текстах смысловые связи организованы по принципу усилителя²⁸.

Одно событие не только влечет за собой другое, но выявляет свернутые в нем возможности. Они бы и не выявились никогда в другой ситуации. Но здесь они становятся предметом изображения.

По-видимому, количество моделей усиления ограничено. «Даже если мы возьмем список уголовных дел, то мы увидим, что в литературную обработку попадают все одни и те же случаи. Например, я знаю с XVIII века анекдот о ювелире, которого привезли к психиатру, выдав психиатра за покупателя, а ювелира - за больного, который все время бредит бриллиантами»²⁹, - писал В. Шкловский в 1929 году.

Последний из известных мне случаев обращения к этому сюжету относится ко второй половине XX века, причем автором текста является Л. Шейнин (печально известный и как следователь, а в качестве психиатра упомянут В. М. Бехтерев.) Все это создает дополнительные оттенки «эффекта достоверности» текста, к тому же имитирующего полицейский рапорт, что должно было оказать дополнительное убеждающее воздействие на читателя.

Сказанное, вероятно, показалось читателю не очень сложным. Но это для первого, как говорится, знакомства. Тут многое упрощено. Мы избрали такую форму работы: будем возвращаться к главным положениям снова и снова, каждый раз их усложняя.

²⁶ Литературное наследство.- М., 1963.- Т. 70.- С. 482.

²⁷ Жид А. Подземелья Ватикана.- М., 1936.- С. 98. А. Жид - лауреат Нобелевской премии по литературе.

²⁸ См.: Жолковский А. К. Об усилении // Структурно-типологические исследования.- М., 1962.- С. 167-171. Это наиболее сжатая и сильная из работ известного структуралиста.

²⁹ Шкловский В. О теории прозы.- М., 1929.- С. 248.

Понимание - исходный феномен мышления. Именно в понимании выражается участие мышления в регуляции деятельности. «Мыслить человек начинает, когда у него появляется потребность что-то понять»³⁰, - эта формула аксиоматична. Способность понимать окружающий мир, других людей и самого себя составляет необходимое условие реализации сущностных сил человека как родового существа. Но почему же этот общепризнанно важный объект исследования изучен слабее многих иных, а определения термина «понимание» неоднозначны и даже противоречивы? Частично это объясняется тем, что понимание можно исследовать различными способами. В сфере герменевтики - науки о понимании текстов – много лет доминировала традиция, неявно противопоставленная собственно экспериментальному анализу. Между тем действенным способом изучения понимания служит именно эксперимент. Естественно, что изучение понимания призвано ответить на вопрос, что оно такое, что оно собой представляет - и как процесс, и как его итог. Но при этом встает другой, не менее важный вопрос: зачем человеку понимать?

³⁰ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии.- М., 1940.- С. 289.

Зачем человеку понимать

Понять - значит обрести знание. Такое знание, которое отражает суть вещей, соединяет нечто ранее неизвестное с уже известным, превращает ранее разрозненное в систему. Но к этому сущность понимания не сводится: система, в которую включается новое знание, функциональна, действенна. Это система, ориентированная на применение знания. Иначе говоря, понимание выступает как присвоение знания и обращение его в составную часть психологического механизма, регулирующего деятельность в соответствии с требованиями практики. Когнитивная функция понимания именно и заключается в том, чтобы обрести определенное знание о действительности и применить его; в результате понимания знание становится частью внутреннего мира личности и влияет на регуляцию ее деятельности.

Человек деятелен в силу того, что он - существо социальное. И в этом качестве он способен (и это главное) предвидеть вероятные последствия своих действий. Реализация возможностей должна быть сбалансирована с ответственностью за их осуществление. Понимание ставит деятельность в зависимость от социально возможных ее результатов. Эту регуляторную функцию понимание выполняет превосходно, и, как всегда в таких случаях, заметны лишь отклонения от необходимого оптимума.

Когда в результате неправильного распределения ответственности понимание теряет хотя бы часть привычной эффективности, это сразу бросается в глаза. Так, врачебная практика показывает, что такое хорошее по замыслу дело, как консилиум - совещание специалистов о диагнозе и способе лечения больного, нередко не дает эффективных результатов. Выдающийся русский терапевт В. Ф. Зеленин по этому поводу заметил даже, что «чем больше голов, тем меньше умов». Умов, разумеется, хватает, а вот ответственности не достаёт: ее перекладывают друг на друга.

С регуляторной функцией понимания непосредственно связан и локус контроля, то есть склонность индивида считать ответственным за важнейшие события своей жизни себя (интернальный локус) или же других людей и сложившиеся обстоятельства (экстернальный локус).

Познать можно истину.

Понять можно смысл.

Смысл - это производное значения, которое имеет вещь.

В системе все вещи что-то значат. Имеют значение как элементы системы. Отношения значений - это связи.

Понимание текста

Понимание возникает как индивидуальная реализация познавательных возможностей личности. Способность понимать действительность, природную, социальную, понимать других людей и самого себя, тексты культуры — эта способность лежит в основе существования человеческого сознания. Результат понимания — отнюдь не обязательно истина в последней инстанции. Понимание плюрально, оно существует во множестве вариантов, каждый из которых отражает ту или иную грань объективной действительности. В понимании находит выражение связь индивидуального существования с общезначимыми фактами.

Существует понимание (1), как деятельностное выражение мысли: скажем, вы прочли расписание и пользуетесь им — значит, поняли.

Понимание (2) прогностично: вы понимаете собеседника, если можете правильно предсказать, какие реальные действия последуют за его словами.

Понимание (3) состоит в правильном переводе или пересказе содержания и смысла текста, который вы услышали или прочли.

Понимание (4) — согласование программ. Вы понимаете другого человека, если способны достичь согласованности в действиях (причем не обязательно все это в словесной форме должно быть: можно составить вдвоем схему и выправить ее; можно иногда просто переглянуться, и этого уже достаточно).

Понимание (5) выражается в решении проблем. Вы понимаете проблему, если способны предпринять шаги для правильного ее решения или даже просто продумать эти шаги и их последовательность в уме. Как еще говорят, составить алгоритм решения.

Понимание (6) выражается в том, чтобы дать ответ, приемлемый для собеседника, или повести себя таким образом, что это ему понравится, его удовлетворит. «Он это понял, сразу видно», — скажет о вас собеседник потом.

Понимание (7) состоит в том, что вы смогли построить свои высказывания так, что они соответствуют ходу вещей, о которых вы рассуждаете.

Так предлагал рассматривать понимание американский семантик Ирвинг Дж. Ли. В его классификации есть свои резоны, хотя она и не исчерпывает сути дела. Но она эффективна, потому что Ли подобрал совокупность конкретных признаков, по которым можно сделать вывод: понимание произошло.

Можно допустить, во всяком случае, многие эмпирические данные подтверждают, что процесс понимания происходит в трех когнитивных полях: в первом из них представлена реальная действительность, во втором — доказательные суждения и в третьем — повествование, передающее последовательность событий или переживаний человека во времени³¹.

В поле 1 решающую силу имеет противопоставление: есть на самом деле — нет на самом деле; в поле 2 — истинно — неистинно; в поле 3 — хорошо — плохо и все модификации этого противопоставления. Мир, отраженный в поле 1, — это мир отношений между предметами; в поле 2 — отношений между понятиями; в поле 3 — отношений между людьми.

Важнейшим предметом понимания служит текст — адресованное, компактное и последовательное выражение некоторого содержания, развернутое по стреле времени (то есть имеющее начало и конец) и обладающее смыслом, в принципе доступным пониманию. Как феномен культуры текст существует в знаковой форме и имеет значение. Психологически существенно, что текст составляет важнейший компонент общения. В этом качестве текст обладает свойством обращенности (к конкретному лицу, коллективу, большой группе и т. п.) и в этом же качестве понимание является продуктом своего времени. Как объект психолингвистического исследования чаще всего выступает речевой текст, письменный или устный. Для психологии творчества особую роль имеет способность индивида продуцировать тексты, обладающие высокими художественными достоинствами и (или) глубиной смысла. Их называют ТПС (тексты продуктивной семантики) в отличие от ТТС (текстов традиционной семантики), которые выражают содержание обыденного сознания и соответствующих ему текстов общения (быт, производство, торговля). С историко-психологической точки зрения существенно, что текст есть поздний и специализированный продукт сплетения реплик. Учение Фрейда придает специфическое значение метафорам, остротам, оговоркам и другим особенностям текста, произвольно выражающим содержание бессознательного. В сфере педагогической психологии текст изучается с точки зрения доступности его содержания, запоминаемости, воспроизведения, что существенно для учебных текстов. Необходимым условием эффективности учения является понятность текста.

³¹ См.: Материалы круглого стола // Вопросы философии. № 9. — С. 986.

На этом стоит остановиться несколько подробнее.

И в средней школе, и в высшей школе мы учимся усваивать определенные знания и применять их на практике. Конечно, это неразрывно с пониманием этих знаний, с взаимным пониманием учителя и учащихся, с чтением многочисленных и многообразных по объему и содержанию текстов. Остается, тем не менее, фактом, что одного учителя понимают лучше, другого — хуже, одну книгу глубоко, другую — поверхностно, смысл одних событий ясен, а других — нет, и связано это не только с личными способностями и конкретными жизненными обстоятельствами, а главным образом с тем, что понимаю как процессу сложному, специфическому никто не учит — предполагается, что ученик должен сам понять учителя, учебник, любимую девочку и «Войну и мир». Но что значит сам? Общеизвестно, что понимать учителя — это не совсем то, что понимать родителей и сверстников, а понять смысл событий в Афганистане и поделиться своим мнением — не то, что понять кинофильм о «Пиратах XX века». Путь и условия общения разные, и предмет общения другой. Но если даже и отвлечься от всех этих конкретных обстоятельств, сразу становится ясно, что есть разница в понимании и его условиях, и если понимаю можно было бы учить, его эффективность, безусловно бы, возросла.

Попробуем рассмотреть, возможно ли повысить эффективность понимания. Это возможно, если сориентировать движение мысли учащегося в правильном направлении. Такая ориентация должна быть заложена и в деятельности учителя, и в текстах, которые должны прочесть и понять учащиеся. Задать направление движения мысли может политик и ученый, выступающий на собрании и читающий лекцию.

Роль текста в обучении, будь то текст собственно учебный, литературно-художественный, общественно-политический, достаточно очевидна, и вряд ли есть нужда доказывать, что роль эта велика.

Проблема понимания текста становится особенно отчетливой в одном из решающих звеньев обучения — в процессе контроля его эффективности.

Смысл текста, если он понят, может быть воспроизведен. Не обязательно в тех же словах. Тексты вообще допускают разнообразие в пересказе. Но смысл в этом пересказе узнать всегда можно. И можно поправить неточности. Замечено все это было еще в незапамятные времена: вместе с возникновением обучения

возник и пересказ содержания. Учитель сообщал текст, а ученик «возвращал» учителю его смысл. Именно способность изложить текст по-своему, но правильно, служила и служит гарантией того, что ученик понял то, что он слушал и читал. Этот принцип издавна лег в основу контроля усвоения знаний, и ничего в этом принципе порочного нет. Но практическое его применение сопряжено и с трудностями, и с ошибками. Вместо «возвращения смысла» нередко происходит «возвращение текста». То есть учащийся достаточно точно воспроизводит то, что сказано учителем или написано в книге. Но ведь это проверка запоминания, а не понимания.

Вполне возможно, что убеждение через посредство текста происходит благодаря специфике понимания.

Диалог автор — читатель (слушатель) опосредован спецификой понимания. Текст — это механизм, который управляет процессом понимания.

Убеждающая сила текста непосредственно связана с его адресованным, обращенным к аудитории характером. Под адресованностью текста подразумевается его ориентация на смысловое восприятие содержания определенным кругом лиц. Есть тексты, адресованные непосредственно их автору (например, пометки, сделанные для памяти), и есть тексты, самой своей формой ограничивающие доступ к содержанию (шифрованные) или напротив, расширяющие сферу смыслового восприятия— скажем, публикации на двух языках одновременно.

С компактностью традиционно связывают ограничения, налагаемые на величину текста объемом памяти человека. Следует, однако, отметить, что вопрос этот сложнее, нежели кажется на первый взгляд. У бесписьменных народов мощным средством трансляции культуры во времени служили эпические произведения, достигавшие иногда феноменально больших размеров, мы уже упоминали об этом. По-видимому, проблема компактности в гораздо большей степени связана со структурными содержательными особенностями текста, чем это ранее было принято полагать. Вполне возможно, например, что на компактность текста влияет характер понимания его содержания. Повествовательная форма организации содержания эпосов обусловила возможность трансляции энциклопедического по характеру знания, и весьма показательна, что вместе с появлением письменности меняются и виды трансляции. Само знание обретает иные формы.

Бесписьменный язык с наибольшей полнотой реализует свои возможности в повествовательной сфере; в мире доказательных суждений возможности устной речи не столь велики. Не случайно теоремы доказывают у доски! Вполне возможно, что письменность была порождена самой спецификой интеллектуальной деятельности, а не только необходимостью соединить участников общения, пространственно удаленных друг от друга.

Последовательность аргументации, логическая связность, все, чему должна учить математика, перемешается в ум учащегося из письменного текста. Многие зависит и от структуры самого понимания. В наших экспериментах значительные по объему тексты, повествующие об исторических событиях, воспроизводились испытуемыми весьма удовлетворительно, и в абсолютном большинстве своем они были способны самостоятельно характеризовать смысловую сторону излагаемых событий. В то же время суждения и умозаключения общего характера, не обладающие заметной сложностью, испытуемые воспроизводили с ошибками, а частично забывали совсем. В опытах Д. Сыдыкбековой испытуемые на место выводов, содержащихся в тексте, который они прочли, подставляли свои и, что очень интересно, сами не замечали этого. Чтение текста — не простое «усвоение»! Понимание обладает внутренней самостоятельностью.

Воспроизводимость текста связана с реализацией речевых возможностей индивидов, а также с выходом человечества в техносферу. Примитивные технические возможности писцов сменились достижениями книгопечатания, а затем и электроники. Примечательным явлением современности следует считать факт бесписьменного существования творчества В. Высоцкого, Б. Окуджавы, А. Галича, В. Долиной, чьи тексты лишь с течением времени обретали традиционную письменную форму воспроизведения. И более того, вне авторского исполнения их смысловое восприятие отличается всеми ощущаемой неполнотой. Вполне вероятно, что и тексты Маяковского, живи он в эпоху звуко- и видеозаписи, тоже воспринимались бы по-иному (отдельные записи Маяковского и Есенина были сделаны, сохранились и даже при явном техническом несовершенстве воспроизведения оставляют большое впечатление).

Однако специфика воздействия текста на сознание (и подсознание) такова, что субъективно отчетливое ощущение понятности не всегда совпадает с действительной понятностью, и это следует иметь в виду.

Существенным для понимания текстов служит то обстоятельство, что смысл их актуализируется³² в конкретной аудитории.

Но и люди различны, и время, в которое вновь происходит процесс понимания, ведь тексты не только сиюминутно создаются, они приходят из прошлого, оставляя, необходимую часть культурного наследия народу. И исторический фактор оказывает на понимание неотчетливое, но серьезное воздействие.

Сравним понимание трех текстов.

Один создан лет 800 назад. Точно не известно. Не известен и автор.

Другой знаменит, о кем известно многое (скажем, то, что строчки, которые мы перечитываем, написаны утром 9 мая 1823 г. в Кишиневе. Минуло около 170 лет).

О третьем тексте известно, что он написан полвека назад.

Первый текст уже трудно читать в подлиннике: язык изменился. Поэтому абсолютное большинство читателей знакомится с ним в переводе на современный русский. Примечательно, что, когда перечитываешь «Слово о полку Игореве», оно, как то бывает с самыми великими творениями словесного искусства, побуждает ко все новым и новым размышлениям.

Начнем с того, что предмет повествования в «Слове» трагичен, но это не предрешает пессимистического звучания поэмы как целого, а выводит к таким категориям художественно-философского осмысления мира, которые стали коренными особенностями отечественной литературы.

Вспомним, завершается «Слово» — тревожное, рассказывающее о битве, окончившейся поражением, — на звонкой, ликующей ноте: «Села рады, грады веселы!» С помощью половца Овлура Игорю удается бежать из плена. Картина его бегства — вершина поэтического мастерства. Сжатая, динамичная, она отождествляет бегство и спасение, обращается в символ Надежды — надежды на будущее, надежды на успех.

Андре Мальро заметил некогда, что надежда людей и есть смысл их жизни. В «Слове», посвященном событиям по существу мрачным, зарождается традиция, которой суждено было великое будущее. «Русская классическая литература исповедует философию надежды»³³. Это одна из наиболее важных категорий.

³² Как бы возобновляет свое существование.

³³ Ерофеев В. На грани разрыва // Вопросы литературы. - 1985. - № 2. - С. 141.

Истины без надежды не существует. Отечественная литература объединена в своей уверенности: «...будущее должно быть и будет лучше настоящего»³⁴.

Создатель «Слова» был глубоко не удовлетворен настоящим и, несомненно, верил в будущее. Художественное мышление автора, человека высокой культуры, знающего истинную цену историческим личностям и их деяниям, ориентировано на решение конкретных политических проблем.

Отсюда и другая особенность «Слова»: устремленность через прошлое и настоящее — к грядущему и поэтическое предощущение надвигающихся событий. Ведь «суть поэмы,— как отмечал К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу 5 марта 1856 года, — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монгольских полчищ»³⁵.

Песнетворец не мог знать, что до первой битвы с конниками Джебэ (на Калке) осталось менее полувека. Но ощущение грозной опасности пронизывает текст.

Автор неизвестен. Но гипотезы об авторе строить можно, и они логически приводят к некоторым выводам о соотношении между текстом произведения и той аудиторией, к которой оно было обращено.

Что мы знаем об авторе «Слова»? И много, и мало. Мы знаем о его политических убеждениях и пристрастиях, мировоззрении и таланте. Знаем, что он уважал своих поэтических предшественников, но избрал неподражательный путь воссоздания и анализа современных событий. Мы знаем также, что он любил Игоря, корил его знаменитого деда Олега Святославовича. Знаем о смешанном чувстве ужаса и восхищения, какое возбуждал у него полоцкий князь Всеслав, самая странная личность русского средневековья. Ощущаем пиетет, который автор питал к великокняжескому престолу Святослава (тот в отличие от Всеслава был личностью скорее заурядной, но по положению своему мог влиять и влиял на единение русских княжеств). Иначе говоря, мы знаем о взглядах автора «Слова» больше, чем о нем самом. Мы не знаем, как его звали, и не можем с точностью- судить о сроках его жизни и общественном положении.

³⁴ Там же. Виктор Ерофеев — литературовед, писатель, тонкий стилист. Не отождествляйте его- с Венедиктом Ерофеевым, писателем и драматургом, автором знаменитой повести «Москва — Петушки».

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 29. — С. 16.

Что ми шумить,

Что ми звенить

Далече рано пред зорями?.. — сказано в «Слове».

И это позволяет предположить, что создал повесть дружинник. Вообще существует ряд деталей, которые могут быть истолкованы как свидетельство личного участия автора в походе Игоря.

Такого рода толкования, разумеется, предположительны. Но есть одна деталь, о которой стоит сказать особо. По следу бежавшего из плена Игоря едут Гзак и Кончак. Кончак говорит: «Если сокол к гнезду летит, опутаем соколенка прекрасною девицею». Гзак возражает: «Если опутаем его прекрасною девицею, не будет у нас ни соколенка, ни прекрасной девицы...»

Диалог, разумеется, придуман, слышать его никто не мог, но речь в нем идет о событиях как нельзя более реальных: еще до похода за сына Игоря Владимировича была просватана дочь Кончака. Владимир бежал с Кончаковной на Русь (где и обвенчался с нею) осенью 1187 года. «...Ни соколенка, ни прекрасной девицы...». Дело тут не в том, что Гзак так уж проницателен, ведь диалог, конечно, вымышлен. Просто писалось это, вероятно, в 1187 или 1188 году, и можно не сомневаться, аудитория все это понимала и принимала хорошо.

Вот этот момент единства текста и аудитории представляется ныне кардинальным в исследовании «Слова», да и не только «Слова». Текст есть характернейшее явление культурной жизни народа. Его существование актуализируется, как говорят современные исследователи (то есть становится действительным), в процессе смыслового восприятия, в процессе понимания его людьми. Как актуализируется существование текстов? В различные эпохи это происходит по-разному.

Сегодня большинство Читателей составляют школьники и студенты (и как видно из сказанного выше, их понимание текста можно углубить). Но в те времена — как актуализировался текст «Слова», как он жил?

Надо думать, он был обращен к конкретной аудитории, он исполнялся. И автор говорит о себе во множественном числе: «Не пристало ли нам, братья...», «Начнем же, братья...», возможно, имея в виду себя и слушателей, себя и аудиторию. Но академик Д. С. Лихачев показал, что у текста, возможно, были два исполнителя, что, может быть, и вся структура «Слова» диалогична. Как видите, диалог — понятие, о котором надо помнить и думать.

Простор для предположений тут велик. И создала его историческая дистанция — многое утрачено, позабылось, достраивается в уме с той или иной степенью вероятности.

Со вторым текстом дело обстоит по-иному. Он настолько хорошо вам знаком и представляется настолько понятным, что, боюсь, вы просто пробежите его глазами, так как со школьных лет помните наизусть. Но все-таки прочтите. Каждое слово будет для нас далее значимо.

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример — другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушку поправлять,
Печально подносить лекарства,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя?»

Понятно с детства. Теперь посмотрим, как перевел! это на китайский Люй Ин.
Мой дядя самый твердолобый,
Когда заболел очень сильно,
То заставил меня почитать
И не мог вздумать ничего лучше,
Его образ действий посторонние,
Правду сказать, должны взять да изучить.
Однако! О боже! Как удручит человека
Белым днем и ночью сидеть рядом с больным...
И так далее.

«Дословность исключительная»³⁶, — кратко замечает академик В. М. Алексеев. Дословность-то исключительная, а вот смысл... Впрочем, согласитесь, вы понимаете Пушкина так же. Может быть, первая строка покажется вам слишком «резкой», что ли (кстати, по-китайски это вообще «твердый, как доска»). Но Люй Ин как раз почувствовал тонкость, которая нам не всем дается. Дядя именно твердолобый, чтобы не сказать резче. Первая строка пушкинского текста содержала внятней всем современникам поэта намек. Тогда была популярна (ныне забытая) басня, в которой были такие слова: «Осел был самых честных правил». Но вот далее...

А что «далее»? Казалось бы, все соответствует оригиналу.

На самом деле нет.

«Когда» здесь употреблено в значении «если».

Если мой дядя заболел не на шутку,

То лучше он и выдумать не мог...

Вот, что должно было получиться у Люй Ина.

Последовали бы его примеру и некоторые другие родственники...

И «другие», которым пример умирающего дядюшки должен послужить наукой, — это отнюдь не посторонние. Тут Люй Ин тоже ошибся. Это другие родственники молодого повесы. Неплохо бы, помышляет он, чтобы и они... Но почему? Он их ненавидит? Нет. Все прошло. Но по воле Всевышнего.

Наследник всех своих родных...

И деревня, где скучал Евгений, этот прелестный уголок, в котором за несколько месяцев так круто изменился ход его жизни, изогнулась «линия судьбы», досталась ему по наследству. Он небогат. И это, видимо, не первое наследство, которое он получает, позволяет ему жить так, как многие... то есть, виноват, по нынешним меркам — как немногие — подданные российского императора, принадлежащие к дворянскому сословию. Он помещик. Как видите, все не так просто. Исторический фактор понимания сработал и здесь. Другое время на дворе, другие песни. И речь уже чуть-чуть иная — соотношение «когда» и «если» изменилось. Да и представление о том, что наследство,

³⁶ См.: Восток — Запад (Сб.). — М., 1985. — С. 256.

и не одно, даст возможность безбедно существовать нам не то, чтобы непонятно, но чуждо. Отношение к собственности стало несколько недоверчивым.

Третий текст — это стихотворение Николая Тихонова, поэта очень сильного, увенчанного в прошлом многими наградами, а ныне (возможно, по этой именно причине) вспоминаемого нечасто.

Стихотворение называется «Танец смерти».

Под тихой радости смешок
Жонглер плясал, трясся мешок.
Ревел оркестр, скрипел настил,
В мешок он руку запустил
И вынул голову, и зал
Худого слова не сказал,
Смотрел, забывши все слова,
Как пляшет лихо голова.
Он бросил голову в мешок,
Почти пастушеский рожок
Взял в руку белую опять —
И ну играть, и ну играть.
И зал в забаве роковой
Следил за новой головой
Со сладострастьем малышей,
Со ртом, открытым до ушей,
Как смерть играла головой
Как бы державой мировой!

В деталях здесь ничего непонятного нет, разве что ускользнет от внимания читателя такая тонкость: держава — это еще и символ власти русских монархов, золотой, шар. Так что вполне возможно, что здесь не любая мировая держава имеется в виду, а вполне определенная. Но намеков здесь, я думаю, не было. Стихотворение надо понимать как целое. Все сочетается — и средневековый образ «танца смерти», и дата написания «май — июнь 1940», и то, что долго лежали эти стихи в столе, раз

напечатали, потом не стали (а переиздавался Тихонов часто). Задумайтесь о смысле образа. О том, что смерть косит не всех одновременно — кто-то остается в живых. Вспомните и гениальные (другого слова не подобрать) строки Есенина:

Так и мы. Вросли ногами крови в избы.
Что нам первый ряд подкошенной травы?
Только лишь до нас не добрались бы.
Только нам бы,
Только нашей
Не косили, как ромашке, головы.

Все это неразрывно со временем. Но и с людьми.

Понимание смысла произведений художественной литературы

Понимание текстов — не самоцель, в их содержании отражены действительные отношения вещей, имеющие значение для образа мыслей, поступков и намерений людей. Именно эти действительные отношения существенны для людей, считающих необходимым прочесть (и соответственно понять) те или иные тексты.

Трудно, однако, обосновать такого рода причинами необходимость понимать басни, лирические стихотворения, волшебные сказки, трагедии Шекспира, одним словом, произведения художественной литературы. Тем не менее, стремление понимать их является исторически непреходящим.

Почему это стремление существует — вопрос спорный. Несомненно, впрочем, что литературные тексты содержат значительную по объему информацию относительно многообразных социальных явлений, характерологических особенностей людей, межличностных отношений и личных переживаний. Художественная литература играет чрезвычайно существенную роль в духовной жизни людей как продукт творческой деятельности и предмет творческого восприятия. «Творчество — процесс, восприятие творения — также процесс, и это особенно ярко проявляется при чтении литературных произведений. Автор создает произведение, внушая читателю представление о том, что читатель вместе с ним вновь проходит весь путь его творчества. Автор создает у читателя иллюзию творческого процесса. Читая произведение, читатель как бы участвует при создании произведения, оно разворачивается перед ним во времени. Конечно, на самом деле творческий процесс гораздо сложнее, чем он предстает перед читателем в произведении, однако черновики, наброски, разные редакции произведения остаются за бортом произведения и не воспринимаются читателем»³⁷.

При исследовании понимания как компонента психологии чтения особый интерес вызывают соображения, сжато сформулированные в свое время видным советским психологом С. Л. Рубинштейном. По его мнению, всякий текст есть лишь условие мыслительной деятельности: то, что объективно содержится в тексте, может обрести и субъективную форму существования в голове читателя. Эта субъективная

³⁷ Лихачев Д. С. Текстология. — М.—Л., 1962. — С. 29.

форма существования есть результат собственной мыслительной деятельности читателя. Под таким углом зрения понимание текста можно рассматривать как процесс образования и функционирования «смыкающей модели». Это значит, что текст обретает свое содержание в непосредственном взаимодействии с сознанием читателя, что понимание «смыкает» в единое целое то, что содержится в тексте, и то, что происходит в сознании читающего.

В свое время немецкий ученый Карл Беккер не без основания утверждал, что документы, свидетельствующие об исторических фактах (газеты, письма, дневники), существуют как листы бумаги, на которые нанесены чернила и типографская краска. Они оживают, когда к ним прикасается историк, иначе говоря, когда их понимают. Здесь встает кардинальная проблема — проблема существования. Текст, бесспорно, существует и вне его понимания, но скрытая форма существования смысла текста молчаливо предполагает существование того, кто этот текст способен прочесть.

Говоря об актуализации смысла текста, наступающей в результате его понимания читателем, своеобразно мыслящий семантик Харли Шэндс проводит аналогию между языковым кодом и его носителем, с одной стороны, и связью, существующей между фильтрующим вирусом и пораженной им клеткой, с другой. Вирус представляет собой почти чистый код в том отношении, что вся его функция заключается в обеспечении собственного дублирования, но, как язык, вирус требует живого носителя, хотя в принципе способен существовать и вне его. При подходящих условиях молекула вируса может быть кристаллизована и сохранена в пробирке, но в таком состоянии она бессильна, подобно запечатанному в бутылку джинну из восточного фольклора. Когда же вирус попадает в восприимчивую клетку, он немедленно включается в механизм воспроизводства данной клетки. Вирус становится хозяином своего нового дома. Сходным образом идея или система, запечатленная в лингвистическом коде, может существовать в зафиксированном виде в книге на полке, пока не встречает восприимчивого «хозяина». Читатель, увлеченный содержанием книги, может стать прозелитом, пропагандирующим учение, содержащееся в этой книге, и воссоздать его в группе последователей.

Говоря о понимании текста, надо прежде всего иметь в виду, что какая-то часть его содержания уже находится, по крайней мере должна находиться, в сознании читателя. Это означает, что хотя бы некоторые сведения, используемые

автором текста, должны быть предварительно известны читателю. Если они и не полностью знакомы читателю, то абсолютно чуждыми ему они все же быть не должны: необходима какая-то информационная основа для понимания, известная индивиду, читающему данный текст.

Н. В. Крандиевская-Толстая рассказывает, как зимней московской ночью 1918 г., когда «ориентиром служат одни лишь костры на перекрестках, возле которых постовые проверяют у прохожих документы», В. В. Маяковский, стоя у костра, разложенного у Лубянки, приветствует подошедшего греться А. Н. Толстого экспромтом:

Я слабость к титулам питаю И этот граф мне по нутру.

Но всех сиятельств уступаю Его сиятельству — костру!

— Плохо твое дело, Алексей, — с мрачноватым юмором замечает Андрей Соболев. — Идем-ка от греха...

Но Толстой не уходит. Он смотрит не отрываясь на Маяковского, видимо любясь им. Он не до конца понимает убийственный для себя смысл экспромта»³⁸.

Что же необходимо для достаточно полного и глубокого понимания этого текста?

Прежде всего, необходимо знать язык, на котором он написан. И не просто общеразговорный русский — необходимо знать литературный русский язык, имея минимальное представление о специфических различиях русского стиха и прозы.

Существенно знание фактов гражданской истории, например, об отмене сословного деления и титулов в 1918 г. и т. д. Непременно также знание элементов истории литературы: если имена В. В. Маяковского и А. Н. Толстого читателю ничего не говорят, смысл происходившего будет для него в значительной степени неясен.

Но все это лишь предпосылки понимания текста. Ключ к пониманию описанной в нем ситуации лежит в четверостишии Маяковского.

Грозный смысл экспромта Маяковского, смысл, который не сразу стал ясен Толстому, неразрывен с речевой формой выражения: специфика поэтической речи³⁹ позволяет обнажить внутреннюю форму слова «сиятельство», восходящую к глаголу «сиять», при этом слово «сиятельство» не выводится из культурно-исторического ряда «величество, высочество, сиятельство», который сообщает

³⁸ См.: Воспоминания об А. Н. Толстом. — М., 1973. — С. 120—121.

³⁹ См. в этой связи: Шпет Г. Внутренняя форма слова. — М., 1927.

семантике слова оттенки «особое положение, древность рода, власть». И правда, что древнее костра, что сильнее пламени, что сиятельнее? В нем сгорят ветхие хартии, свидетельствующие о знатности рода, громком титуле. И неясная тень здания бывшего страхового общества на Лубянке высится за людьми, которые стоят у костра.

Сверх всего сказанного хочется заметить, что, хотя цитированный отрывок и принадлежит к жанру документальной прозы, для полного его понимания требуется и знание общего литературного фона эпохи, которая служит предметом изображения.

Для адекватного понимания смысла текста в принципе необходимо наличие в сознании связного набора сведений — тезауруса. В свою очередь, понимание ранее не известного читателю текста способно внести нечто новое в тезаурус, в чем-то его изменить.

Для понимания смысла текстов требуется знакомство с рядом конкретных кодов — определенных способов отображения, знаний о людях, мире, событиях, о смысле. В той или иной степени каждый читающий с ними действительно знаком. Так, каждому из нас известен код способов отображения людей и ситуаций. Читая «вошел человек в ярком галстуке», мы понимаем, что вошедший был в рубашке и скорее всего в пиджаке. Но это несущественно, и поэтому опущено. Способ отображения предполагает подобные сокращения, и он нам знаком. Разумеется, код способов отображения изменчив. «Бритый» персонаж современного романа — это чаще всего лысеющий человек с чисто выбритой головой, но в романе, написанном сорок лет назад, бритые — это те, кто брил бороду и усы.

С кодом способов отображения непосредственно смыкается код культуры. Н. Асеев в поэме «Маяковский начинается» описывает сцену в бильярдной: некий претенциозный завсегда-тай клуба вертится около Маяковского, мешает ему играть, говорит «под руку», пытается шутить и т. п. В конце концов Маяковский обернулся к нему и взял за цепочку от часов...

Застыл остряк с открытым ртом:

«Златая цепь на дубе том!»

Острота Маяковского понятна тем, кто знаком с конкретным кодом культуры — в него входит, например, текстуальное знакомство с «Русланом и Людмилой» Пушкина. Перевод данного отрывка на французский язык вызвал бы не только

языковые трудности, но и непонимание его смысла, поскольку код культуры французского читателя иной.

Герменевтический код⁴⁰ содержит в себе формулировки содержащихся в повествовании вопросов и возможных ответов на них. Они, бесспорно, связаны с миром культуры, которому данное повествование принадлежит, но выходят за его пределы. Вопросы, которыми задается Шекспир в «Макбете», волнуют и русского, и японского читателя, быть может, не в меньшей степени, чем они волновали посетителей театра «Глобус», где в апреле 1610 года шел «Макбет».

По ходу развертывания сюжета читатель узнает ответы на вопросы о том, убьет ли Макбет Дункана, двинется ли Бирнамский лес на его замок и т. п. Но герменевтический код, которым владеет большинство читателей, позволяет им понять, что в «Макбете» решаются и вопросы иного порядка, например, вопрос о том, могут ли ум, сила воли, мужество — качества чрезвычайно привлекательные сами по себе — быть направлены на достижение несправедливой цели. Отвечая на этот вопрос, Шекспир показывает, как непоправимо деформируется личность под влиянием содеянного зла. Если же эти и подобные им вопросы полностью прошли мимо сознания читателя, который увидел в «Макбете» лишь историю кровавой борьбы за престол, то мы вправе сказать, что смысла трагедии он не понял.

Сказанное не означает, что упомянутый нами вопрос, — главный в «Макбете». Отнюдь нет. Вполне возможно, что уже с появления трех загадочных ведьм перед нами начинают вырисовываться очертания действительно великой проблемы — проблемы превращения прогноза в проект и реализации проекта. Когда эти психологические процессы касаются этических ценностей (а они их касаются чаще всего), человек, казалось бы, свободный в выборе решений, постепенно, с каждым новым решительным поступком, теряет внутреннюю свободу, чувствует себя влекомым внешней силой, которой он не в состоянии противиться. Из каждого нового поступка логически вытекает необходимость последующего — торжествует логика вещей, которая сильнее логики человеческих намерений и в отличие от нее не знает никаких этических барьеров.

Существуют — и во множестве — иные интерпретации общего смысла (концепта) «Макбета», однако суть не в том, какую из них изберет (или предложит)

⁴⁰ Герменевтика — от греч. «истолковательное» — традиция и способы толкования многозначных или не поддающихся толкованию текстов.

читатель, но в том, что он в принципе способен подходить к текстам герменевтически и чувствует, что подобный подход нужен, хотя и не знает его терминологического наименования, не обладает специальными навыками в этой области и общий смысл осознает скорее смутно.

В этом, впрочем, сказывается фундаментальная особенность произведений художественной литературы вообще: их понимание поливариантно, а концепт обычно не поддается детально точной формулировке, более того, она ограничительна по природе своей, и когда концепт формулируют, мы всегда ощущаем, что общий смысл эта формулировка все же полностью не передает.

Представление о том, что у текстов существует концепт, читатель приобретает относительно рано — читая басни. Басни зачастую завершает мораль в одну-две строчки. Она резюмирует смысл текста — концепт.

Концепт, строго говоря, есть у любого осмысленного текста. И у «Войны и мира», и у басен Крылова. Но мораль отнюдь не всегда завершает басню, а концепт отнюдь не всегда объявлен. Да и объявленный концепт далеко не всегда соответствует семантическому существу текста.

Тут многое зависит от сложности общего смысла произведения. Чрезвычайно сложен, например, концепт крыловской (а не лафонтеновской) «Вороны и лисицы». Только ли о том она, что нельзя доверяться льстецу? Только ли о том, что не стоит хвастаться? Явно же смысл сложнее. (Сто двадцать пять лет назад В. Водовозов писал, что дети никак не хотели согласиться с подобной моралью басни⁴¹). Ворона умеет каркать, и она это делает — каркает настолько громко, настолько хорошо, насколько вообще способна. Она теряет сыр. Но за что она наказана? Не могла же ворона (да и не собиралась) запеть по-соловьиному. Нет, концепт глубже. Ворона наказана за то, что гордится своим карканьем. В нем нет ничего плохого, но и хорошего тоже. Она каркает в силу своей природы. Иванов — мужчина. Иванова — женщина. Вряд ли это предмет особой гордости. Не стоит гордиться тем, что дано тебе с рождения. Ведь это не твоя, в сущности, заслуга. Вот за гордыню-то (не за легкоеверие!) ворона и наказана. Вера льстецам — лишь следствие гордыни.

Но есть и иное толкование смысла басни: ворона наказана за то, что поверила в свое превосходство над соловьем. А соловей не лучше и не хуже, он просто

⁴¹ См.: Водовозов В. О педагогическом значении басен Крылова // Журнал Министерства народного просвещения. — 1862. — № 12.

другой. Конечно, существует распространенное мнение о том, что трель соловья более приятна для слуха, нежели воронье карканье. Но ворона не обязательно должна его придерживаться. Не обязательно и слушать лису.

В известном «Рассказе об утерянной ноге» К. Чапека повествуется о чехе Лойзике, никак не желавшем воевать за Австро-Венгерскую империю. Он симулировал аппендицит, его оперировали, но в госпитале нельзя лежать вечно, тем более что его посещает главный врач штаба, а это безумец. Собственно, все об этом догадываются, но в армии существуют чины и дисциплина. Безумец является в госпиталь, все стоят, а он проходит палату за палатой, решая, кого отправить в тыл, а кого на фронт. Ожидание затягивается, чех поджал ногу — уперся коленом в койку и тут ворвался главный врач, восклицая, глядя на больных: «Годен!» или «На фронт!» Вдруг он увидел Лойзика, стоящего на одной ноге: «Одноногий — отправить домой!» И Лойзик был отпущен домой и стал получать пенсию, как одноногий инвалид.

Он продолжал получать ее и после войны, обманывая уже Чехословацкую республику. И вот он замечает, что одна нога его стала тоньше другой, слабеет. Врачи констатируют атрофию мышц на нервной почве и ничего не могут поделать. Тогда друг Лойзика советует ему заявить официально про свою ногу, пусть-де вычеркнут, что он одноногий. И Лойзик идет каяться, в том, что незаконно получал пенсию. Но его покааний никто не хочет выслушивать, говорят «все равно одна сухая и ни к чему не годная». В конце концов он добивается своего, и его начинают таскать по судам за обман государства. Зато нога начинает крепнуть, ему становится все лучше и лучше... Наверное, от того, что ему теперь все время приходится ходить по разным канцеляриям. Нет, не от постоянной ходьбы. Наверное, от того, что ее признали официально. Велика сила бумаги с печатью.

Это остроумно. Но это ли концепт новеллы? Нет. «...Пожалуй, нога усыхла у него потому, что владел он ею, собственно, незаконно; дело-то было нечисто, а это всегда за себя мстит».

Человек, незаконно владеющий собственной ногой, — это блестяще. О бюрократии и отчуждении здесь сказано больше (и вернее), чем во многих монографических исследованиях. Что же, это концепт?

Нет. «Скажу вам, друзья, чистая совесть — вот лучшая гигиена, и если бы люди жили по справедливости, то, может, и не умирали бы...» Концепт объявлен.

Он ошеломляющ. Ведь физиологических причин, по которым человек должен умирать, строго говоря, нет. Тем не менее, люди умирают. Теперь понятно почему.

Есть немало произведений художественной литературы, где концепт отнюдь не объявлен. Но он существует. Существует в сознании тех, кто действительно умеет читать.

Там же существуют и персонажи рассказов, романов и повестей, часто — как образцы, но редко — как воплощение нормы поведения.

Вообще-то для регуляции поведения индивида как члена общества и представителя определенной социальной группы чрезвычайно важную роль играет понимание им нормы как определенной меры, как позитивного среднего, располагающегося между двумя негативными крайностями. Чтобы ощутить меру, необходимо представить себя среди других, свои поступки в их отношении к поступкам других людей, понять и обозначить Формы негативных отклонений от образа мыслей и действий, адекватного социальному оптимуму. Это остроумно показано у Харриса У. в его «Среднем американце, или Фокусах семантики». Воплощение нормы у Харриса обозначается «я». Я человек целеустремленный: кто более целеустремлен, тот твердолобый, кто менее — нерешительный. Я честолюбив: кто более честолюбив — карьерист, кто менее — лентяй. Я человек открытый: кто более открыт — тот навязчив, кто менее — скрытен. Я не мелочен: кто более щедр — мот, менее — жмот.

Индивид не обязательно видит вокруг себя эти реальные примеры скрытности или мотовства. Но они существуют, причем и в действительности, и в сознании.

И персонажи литературных произведений, способные остаться в сознании человека, созданы не столько талантом отдельных личностей, сколько коллективным сознанием людей. «Ревнивец Отелло, лишенный воли Гамлет и распутный Дон-Жуан — все эти типы созданы народом прежде Шекспира и Байрона, испанцы пели в своих песнях «жизнь — есть сон» раньше Кальдерона, а магометане-мавры говорили это раньше испанцев, рыцарство было осмеяно в народных сказках раньше Сервантеса и так же зло и так же грустно, как у него.

Мильтон и Данте, Мицкевич, Гете и Шиллер возносились всего выше тогда, когда их окрыляло творчество коллектива, когда они черпали вдохновение из источника народной поэзии...

Я отнюдь не умаляю этим права названных поэтов на всемирную славу и не хочу умалять; я утверждаю, что лучшие образы индивидуального творчества дают

нам великолепно ограненные драгоценности, но эти драгоценности были созданы коллективной силой народных масс»⁴².

Быть может, поэтому произведения художественной литературы, искусство кино, блистательные создания мира театра относятся к числу таких духовных ценностей, понимание которых способно сближать народы и поколения.

Важнейшим условием жизни человека в обществе является понимание.

Эксперименты показали, что процесс понимания может происходить в трех полях.

В поле 1 непосредственно представлены природные и социальные ситуации, в которых мы живем и действуем. Здесь понимание происходит по принципу «что есть, то и доказано». Миру предметов и личных ощущений здесь придается особое значение. Не случайно юристы так серьезно относятся к вещественным доказательствам и свидетельским показаниям.

В то же время действительность в поле 1 дана фрагментарно, многие связи еще надо додумать, не говоря уже о том, что вера в факты может быть и наивна. Такие замечательные ученые, как Уильям Крукс и Оливер Лодж верили духовидцам, убеждавшим их (с помощью довольно примитивных фокусов), что они могут общаться с душами покойников. Недаром знаменитый фокусник Гудини (Вайс) говорил, что легче всего показывать фокусы профессорам, а труднее всего морякам. Море учит всматриваться в окружающую действительность пристально и недоверчиво, подмечать все непривычное, быть всегда начеку. Как сказал один капитан дальнего плавания, жизнь всех этому учит, только на суше многое сходит с рук, а вот на море за ошибки расплачиваются сразу.

В поле 2 разворачивается последовательность доказательных суждений, здесь господствуют отвлеченные, но достаточно прочные логические конструкции. Всех нас учат ориентироваться в поле 2 на уроках математики (типичный пример — доказательство теорем), но, в общем, всем людям свойственно мыслить логично — правилам логики учит элементарный жизненный опыт.

Понимание в поле 2 происходит по принципу «что доказано, то и есть». Велика сила и убедительность логических операций, но не следует забывать, что не все логически доказанное существует в действительности. Немало логически безупречных версий потерпело фиаско, столкнувшись с действительностью. Логика

⁴² Горький М. Собр. соч. — В 30- т. — М., 1953. — Т. 24. — С. 33—34.

оказывается бессильной в борьбе с фактами, заметил как-то Жюль Борде, а это был естествоиспытатель не из малых.

«Что есть, то доказано» — нам этот принцип кажется таким очевидным! Но не всегда все было так просто. Когда великий Галилей повел ученых к телескопу смотреть на открытые им спутники Юпитера, они предложили ему лучше провести дискуссию на тему «Могут ли быть у планет спутники?» Они были воспитаны в схоластической традиции и считали, что принцип «что доказано, то и есть» — превыше любых опытов и наблюдений.

Но нельзя сказать, что убедительным кажется только непосредственно увиденное или логически доказанное. Понимание событийных последовательностей совершается в поле 3.

Именно в поле 3 происходит понимание текстов об исторических событиях, художественных произведений. Здесь понимание идет по принципу «что рассказано, то и было», а в части случаев — «что рассказано, то и есть». Когда мы читаем Гоголя и Булгакова, для нас не существенно, как оживал портрет ростовщика Петро-Михали, стоял ли владыка теней на крыше Пашкова дома, какие физические законы позволяли Маргарите летать над Москвой верхом на половой щетке. Дело в том, что для понимания в каждом из трех когнитивных (познавательных) полей существенны различные системы противопоставлений: в первом поле — «есть — нет», во втором — «истинно — неистинно (ложно)», в третьем — «хорошо — плохо». В первом особо важное, доминирующее место занимают предметы и отношения между ними, во втором господствуют отношения между понятиями, в третьем — отношения между людьми.

Но автономность когнитивных полей относительна, протекающие в них процессы понимания дополняют друг друга, их итог един. И это приводит к результатам неожиданным. Евангелия, например, не содержат никаких доказательств бытия божьего, это просто повествования, но история свидетельствует, что убеждающая сила этих текстов достаточно велика.

Разумеется, это изложение упрощенное, но его надо иметь в виду. Заметьте, что работа средств массовой информации, прежде всего телевидения, расширила возможности доступа информации в поле 1, а художественные фильмы раскрыли новые возможности перед полем 3. Компьютеризация обучения, разнообразные игры с применением вычислительной техники, персональные компьютеры, которые

рано или поздно (лучше раньше, чем позже) войдут в нашу жизнь, качественно изменят значение поля 2.

Мы живем в меняющемся мире. Это чувство пришло к нам недавно, оно сменило тягостное ощущение неподвижности времени, знакомое в прошлом каждому. Но изменение мира требует нового мышления, нового понимания, нового общения — живого, искреннего, отвергающего штампы и шаблоны прошлого.

Если вы — лектор, вам уже приходилось вступать в динамичное общение с аудиторией, стремящейся понять и освоить новое. Помните ключевое слово: смысл. Люди должны понимать значение происходящих перемен и смысл своего труда. В этом залог перестройки мышления, столь необходимой для каждого из нас.

* * *

Нам необходима наука, которой, в сущности, еще нет. Наука понимать. Понимать действительность, социальную и природную, понимать истины науки и переживания других людей.

Понимание и общение образуют психологическое единство, которое должно быть нами осознано и изучено. Такова одна из весьма важных задач философии, социальной психологии и психолингвистики. Эта задача находится в процессе анализа. Она имеет существенное практическое значение для становления и развития непрерывного образования в нашей стране.

САМОПОЗНАНИЕ

Человек как субъект понимания

В философии XX века проблема субъекта занимает все большее место. Можно даже сказать, что постепенно произошла переориентация философской мысли с объекта на субъект. Для законной дочери философии - психологии - предметная роль субъекта как целостного образования также выросла. Слова знаменитого психолога Абрахама Маслоу: «когда мистер Смит голоден, он голоден весь», метафорически ярко выражают одну из ведущих идей радикальной психологии: субъект неразделен. Отсюда не следует, конечно, что его нельзя изучать под тем или иным углом зрения, нельзя предметно выделять те или другие его свойства, процессы и т. п. Напротив, можно и нужно. Но при этом не следует изолировать предмет изучения от человека как субъекта. Обсудим, прежде всего, вопрос о том, что такое сознание, а затем попытаемся разобраться в том, что собой представляет экологическое познание.

Сознание - это существование нашего «я», и выражается оно в отношении. Сознание, иначе говоря, находит выражение в отношении индивидуального «я» к тому, что есть, может или могло быть. Часто утверждают, что сознание это «отражение» окружающего мира, но сознание к отражению никак не сводится. Если уж употреблять метафоры, то сознание - это освещение внешнего мира, а мышление - погружение во внутренний и внешний мир.

Посудите сами: когда вы видите, что в комнату входит ваш отец, или, выразимся точнее, когда вы понимаете, что входящий в комнату человек - ваш отец, вы на самом деле придаете определенное значение образу входящего. Этот образ как бы освещается вашим сознанием. Можно даже сказать, что внешний мир воспринимается нами через посредство фрагментов мира внутреннего (таких, как ощущения, представления и др.), и философы очень любят: обсуждать этот вопрос, но мы им заниматься не будем, а коснемся некоторых других употребляемых далее терминов.

Мышление - это просто упорядоченное, направленное, движущееся к некоторой цели сознание. Как заметил некогда Г.П. Щедровицкий, сознание ассоциативно, а мышление знает, где что лежит. Мышление как бы вытекает из самой ассоциативной сущности сознания (по формуле Цигена в основе понятия лежит ассоциация представлений, ассоциация понятий - в основе суждения, а ассоциация суждений составляет основу умозаключения).

Соответственно, память - это сгущенное, неподвижное, оседающее на дно психики сознание (его можно вновь привести в движение, и это - воспоминание).

Ряд психологов утверждают, что понимание есть участие мышления в деятельности. Не вдаваясь в анализ этой формулировки, отметим, что понимание - превращение психики в сознание. Неупорядоченное превращение такого рода - это сновидение (поэтому содержание его всегда кажется во сне понятным, хотя зачастую или даже всегда абсурдно).

Психика способна превращаться в силу. Потенциальное превращение такого рода - это мотив, актуальное - это воля. Воля есть кинетическая реализация мотива, сдвинутого на цель.

Итак, сознание представляет собой «освещенную» часть психики (недаром И.П. Павлов связывал сознание с образом «освещенного пятна»). Бессознательное - неосвещенная часть психики. Оно обогащается, но не развивается; оно структурировано, но не ассоциативно: его структура способна генерировать ассоциации в сознании, но в бессознательном ассоциаций нет. Бессознательное иногда словно просвечивает сквозь барьер, в норме непреодолимо отделяющий его от сознания, когда сквозь один ясно сознаваемый образ начинает просвечивать другой. Барьер становится частично проницаемым под физиологическим на него воздействием (наркотическим, бред при повышенной температуре). Но бессознательное может экстернализироваться и попасть в сферу сознания как бы извне - выраженное в вербализованном, символизированном, закодированном виде.

Пока речь шла об индивидуальном сознании.

Сознание возникает у людей в процессе их общения с другими людьми (например, с родителями). Но общение - всегда взаимопереход индивидуального и общественного сознания.

Общественное сознание - это сознание общественных групп - малых (например, семья) или больших (например, племя).

Но вернемся к сознанию как таковому. Итак, это существование «я» и выражается оно в отношении. Например, экологическое сознание выражается в определенном рода отношении к природе, а именно: в понимании своего существования как части природы (живой природы, говоря конкретнее).

Экологическое сознание сложилось исторически, и динамика его развития многое может сказать о том, что менялось, а что оставалось неизменным в духовном мире человека. Так, Гюго был убежден, что леса - враги цивилизации, современное же массовое сознание, скорее, склонно видеть в лесах жертву цивилизации.

В относительно недавнем прошлом тема «торжества над природой» доминировала, сейчас она живет в замаскированном виде («торжество над расстояниями» и т.п.).

В то же время полуосознанное ощущение близости к животному миру (прежде всего к млекопитающим) составляет важную часть психической жизни ребенка, как в далеком прошлом, так и в настоящем. Метафорическое воплощение красоты движений видится в поведении хищников семейства кошачьих, а картина Ла Руа «Опасность на ступеньках» (1928 г., Музей современного искусства, Нью-Йорк) вызывает у зрителя непроизвольное ощущение тревоги, хотя ничего ужасного на полотне не изображено: змея ползет со ступенек лестницы на паркет, и это все. Но картина сразу напоминает нам о том, что у многих народов нашей планеты звуковой сигнал тишины «тсс» — подражание змеиному шипению (утверждение К. Сагана).

Зачатки экологического мышления сложились в примитивном пред историческом обществе - обществе, в котором родословные заменяют историю. Истории в сознании еще нет. Есть родственные связи.

В этом обществе зародились основы экологического сознания: тотем и табу. Отношение родства с природой, жесткие скрещения определенных отношений и форм поведения занимали важное место в сознании наших пращуров. Существуют три аспекта сознания: прецедентное, интердиктивное и юстициальное⁴³. Они имеются и у сознания экологического. Прецедентное сознание выражает

⁴³ См.: Брудный А. А. Природа и культура: великое противостояние // Общественные науки и современность. - 1996. - № 4.

тенденцию следования примеру («я поступаю так, как поступают другие»), в интердиктивном сознании представлены воспрещения (прямой потомок табу), а юстициальный аспект сознания аксиологичен в непосредственной и смутной форме (это справедливо и хорошо, а это несправедливо и нехорошо).

Во всех этих аспектах сознание представлено как осознание ответственности. Ответственность есть то, от чего человеческое «я» на всем протяжении своего индивидуального и исторического существования стремится освободиться. Вся сущность экологической проблематики к этому и сводится. Прецедентное экологическое сознание содержит и мотив самооправдания (человек осознает значение поступка, перелагая ответственность на других, совершавших его в прошлом). Интердиктивное экологическое сознание строится на осознании и распространении некоторых воспрещений, которые создают ограничения, последовательно образующие контур системы безопасного поведения. Юстициальное сознание опирается на мотивы, основанные на интенции самосохранения «я» («сохраняй природу, чтобы она тебя сохранила»). Учитывая, что человек - это философская фикция, ибо в действительности существуют люди, то есть мужчины и женщины, следует иметь в виду, что отношение к природе сложилось в патриархальном обществе. Если задаться вопросом: кому мы обязаны своим появлением на свет, кто прекрасен, но в сущности беззащитен; кого мы не ценим и кем пренебрегаем, пользуясь, однако, всяким удобным случаем, чтобы удовлетворить свои продиктованные ею же, потребности; кто когда-нибудь отомстит нам за легкомыслие и непонимание того, что значит связь с нею - ответ на этот вопрос кажется очевидным - это Женщина. Но на самом деле это Природа. Ясно, что здесь сочетаются подсказанные личностным подсознанием мотивы с отношением, сложившимся в обществе исторически. Это прекрасно сформулировано в «Распаде атома»: «Точка зрения может быть только мужская. Женской точки зрения не существует. Она тело и отраженный свет. Но вот ты вобрала мой свет и ушла. И весь мой свет ушел от меня»⁴⁴. Но ведь то же произойдет с человечеством, если природное, естественное заменится искусственным, созданным обществом и в его целях, как бы оно не прикрывалось словами о «благе человека». Экологическое сознание стремится преодолеть антропоцентрический подход к действительности. Но если сознание - это не более чем существование нашего «я», то может ли

⁴⁴ Иванов Г. Собрание сочинений. - Т. 2. - М., 1994. - С.10.

оно стать неантропоцентрическим? Ответ на этот вопрос даст будущее, и скорее всего — ближайшее будущее. Человеку дано измениться или исчезнуть. Попытки изменить общество бесполезны или во всяком случае неэффективны. Сможет ли человек изменить себя?

Это зависит от природы. Ведь природа человека - часть Природы как таковой, всей Природы. Это зависит от того, необходимо ли Природе экологическое сознание, присущее одному из не слишком совершенных ее творений - человеку. Способность человека познавать реализуется в виде сопоставления предметов в сознании, прояснении различного и общего в их существовании и погружении в их сущность.

Познание неразрывно с самим существованием и происхождением человека, которое, как учит Дарвин, есть проявление и следствие полового отбора. В процессе отбора происходит предпочтение одной особи другой, фиксируется их неподобие, **что** превращается в **кто**. В половом отборе содержится начало индивидуации. С половым отбором, возможно, связана (в генезисе своем) и первичность индивидуального сознания по отношению к общественному бытию. Человеческое сознание есть, вообще говоря, способ регуляции деятельного существования в природной и общественной среде. Культура, по определению Бориса Пастернака, есть способ плодотворного существования человека. Соответственно понимание как процесс, как его результат и как стремление к нему составляет важнейший элемент структуры сознания. Понимание - условие существования культуры, оно присоединяет человека к культуре и находит в ней свою опору. Вот пример. Очень важное место в культуре занимают традиция, форма, ценности. В основе традиции лежит способность человека повторять поступки, которые культура наделяет значением. В основе формы - некоторое ограничение, образующее контур процесса или предмета. И, наконец, ценности. Их замечательно определил Камю: это переход от «хорошо, если бы так было» к «хочу, чтобы так было» и к «надо, чтобы для всех так было». Вам может показаться, что это слишком неопределенно, абстрактно. Нет, очень конкретно! Присмотритесь к духовным и материальным ценностям культуры. В отношении к ним выражается это знакомое каждому чувство должного. Вот так «должно быть». А так не «не должно быть».

Радикальная психология придает особое значение дифференциации трех видов сознания: прецедентного, интердиктивного и юстициального. Прецедентное

сознание основано на принципе осознанного подобию поступков; кажется возможным совершить такой же поступок, поскольку его уже совершил другой. Интердиктивное сознание базируется на воспрещении тех или иных поступков как таковых (десять заповедей почти целиком строятся на воспрещениях). И, наконец, юстициальное сознание строится на понимании (чаще всего смутном) того, что один поступок верен и справедлив, а другой - неверен и несправедлив. Неоспоримо, что социальные условия служат базисом формирования этих неоднозначных видов сознания, которым соответствуют отношения между людьми и их поступки.

Важнейшая особенность существования человека - его способность жить и искать ответа на вопрос, зачем он живет. Ответ на этот вопрос должно дать познание человеком мира и самого себя, своего происхождения.

Проблема самопознания в ее историческом аспекте есть проблема самопорождения человека.

На уровне **телесном** она решается путем полового отбора. Он, согласно Дарвину, и породил человека. И очевидно, что человек тут зародился и вырос потому, что и отношения на этом - телесном - уровне были выражением любви, то есть экстремального интереса и понимания. Иначе это были бы отношения животных.

Но человек вне труда и орудий труда не вполне человек. И возникает проблема производства орудий труда, идеальное решение которой - самопорождение человека на **орудийном** уровне.

Аристотель делил орудия производства на *instrumentum mutum*, *instrumentum semivocale* и *instrumentum vocale*: на орудия немые (плуг, мельничное колесо), полуговорящие (рабочий скот) и говорящие (рабы). Последние, несомненно, были наиболее разнообразными функционально, но работать они не хотели, и этот факт сыграл огромную роль в истории общества. В этой связи очень интересно, что как-то Ленин обмолвился о сотнях тысяч «механических рабов», которые будут работать на людей в будущем. Это роботы. Чапек впоследствии ярко их описал, а сейчас их начали изготавливать, хотя они еще очень дороги. Идея, однако, родилась в пражском гетто, где Львом бен-Бецаллелем был создан первый робот - Голем. Было это в царствование Рудольфа

Голем был послушен, человекоподобен и исключительно силен. Сразу же возникла проблема его пуска и выключения - генеральная проблема всех

механических устройств, и проблема его повиновения - вечная проблема рабовладения. Все легенды о Големе связаны с его выходом из повиновения.

О бунте роботов писал и Чапек. Все эти вопросы еще не поставлены в порядок дня. Но к ним не стоит относиться легкомысленно.

Опасен ли искусственный интеллект? Это весьма серьезный вопрос. Искусственный интеллект должен быть настолько сильным, он должен в перспективе настолько превосходить мозг человека, насколько, скажем, термоядерная бомба превосходит артиллерийский снаряд. Не выйдет ли тогда искусственный интеллект из-под контроля человека, не окажется ли в будущем человек в таком положении, в каком сейчас находится комар? Человек силен своим сознанием. Опасность, очевидно, возникает тогда, когда «сознание» искусственного интеллекта оказывается мощным⁴⁵. Эти рассуждения самого сильного (в прошлом) в мире шахматиста и видного ученого стоит принимать в расчет. Он знает, о чем говорит, а это существенное обстоятельство.

И, наконец, третья форма самопорождения - **знаковая**. Это тексты. Но и портреты. Но и фильмы. И само подобие человека тексту. Проще говоря, человек воссоздает свои подобию в культуре. Это одна из важнейших проблем современной теории познания: будучи теорией философской, она все более обретает культурно-историческую основу.

Как известно, слово «культура» имеет в качестве исходного латинское «cultiere», что означало и «обрабатывать» (землю), и «совершенствовать», и «почитать». В позднейшем употреблении слова «культура» сохранились эти оттенки, но любопытно, что первоначально «культура» означала изменение природы в интересах человека, точнее — возделывание земли. И параллельно возникает метафора «cultura animi», употребляемая Цицероном, - «культура (совершенствование) души», «духовная культура».

Европейская культура, которой мы все столь многим обязаны, есть, в сущности, плод самосознания бывших провинций Римской империи. Не исключено, что новая евроазиатская культура сложится как результат развития самосознания бывших провинций советской империи. Возможно, здесь сложится иное понимание смысла культуры, а значит - иная культура. В какой форме в эту иную культуру войдет отношение к природе (и к биосфере в частности)? Это вопрос,

⁴⁵ Гуревич А.Я. История и сага. - М., 1979. - С. 94

который желательно обсудить. Замечу лишь, что в европейской традиции культура есть проявление и следствие процесса, который выражается в обживании, «одомашнивании» окружающего мира

Восточное понимание культуры, восточные культурные традиции, бесспорно, расходятся с тем, что в 20-е годы именовалось «механизацией человеческой души».

Как-то ученик спросил Конфуция, как следует людям относиться к богам и демонам. «Никак, - ответил Учитель. - Люди еще не научились относиться друг к другу».

Это очень глубоко и касается культуры самым непосредственным образом. Дело в том, что в современных cultural studies постепенно формируется обоснованное представление о культуре как об определенной форме человеческих отношений, опредмеченной ценностно. То есть культура в таком понимании - выражение человеческих отношений в предметах, поступках, словах, которым люди придают значение, смысл, ценность. Это не исчерпывающее определение (и нет исчерпывающих), но оно указывает на важную сторону культуры, может быть, самую важную.

И связывающую ее с экологией. Дело в том, что отношение людей к природе есть превращенная форма их отношения друг к другу. Соответственно культура людей в свернутом виде включает в себя их отношение к природе вообще и к живой природе в частности.

В методологическом плане здесь особенно важно следующее: предмет экологии - отношение к природе как к среде существования живых существ и отношение живых существ друг к другу в процессе их существования.

Обратите особое внимание на сущностную сторону феноменов культуры: связь между ними - это связь между их значениями.

Суть феноменов культуры состоит в том, что они имеют значение для людей, а то, что имеет для людей значение, постепенно обретает знаковую форму.

«Культура была тем средством, которое сплачивало исландцев в народ, повышало его самосознание и укрепляло его жизнеспособность. Словесная культура аккумулировала и из поколения в поколение передавала социальную память - запас сведений, необходимых для существования и выживания общества, для сохранения и упрочения основных его ценностей. Эта социальная память формировалась в бесписьменном обществе, и те черты, которые она приобрела

в период раннего средневековья, в основном сохранились и после появления письменности». Разве не содержат эти соображения определенной основы для сопоставления роли саги с исторической функцией эпоса «Манас» и малых эпосов?

Все это внутренне связано с самой спецификой человеческого существования.

Профессионалы абстрактного мышления, теоретики исторического процесса зачастую оставляют без внимания существование, экзистенцию индивида, которая не вмещается в рамки научной рациональности. Уже упоминавшиеся компоненты человеческого существования - восемь экзистенциальных благ: **жизнь, надежда, любовь, дети, милосердие, удача, воспоминания, сны** - ценятся индивидом выше многих замечательных достижений науки и общественного развития. Эти блага именно экзистенциальны, влечение к ним *subspecie aeternitatis* не оправданно, а в чем-то даже и абсурдно. Судите сами, далеко не каждый рискнет сказать, что жизнь его удалась. Надежды в значительной своей части не обоснованы, никто не может с уверенностью взирать на будущее своих детей, удача приходит достаточно редко, воспоминания бывают печальны, а сны - бессмысленны. И тем не менее отказываться от всех этих компонентов личного существования ни один индивид по доброй воле не станет. Эти восемь благ носят сугубо личный и неповторимый в деталях характер, они придают существованию человека подлинную индивидуальность, без них он - никто, обезличенный участник процесса производства и потребления, не отличимая от других частица массы, которую влечет поток истории.

Сложность соотношения понятий «существование» и «сущность» применительно к употреблению понятия «человек» связана с тем, что существование каждого данного индивида индивидуально в своих конкретных проявлениях. Его сущность же соединяет его с другими людьми.

Познание мира рыночных отношений тесно связано с исследованием интенции, направленной именно на данную вещь, с тем, что позволяет сличить ее с любыми другими вещами, с тем, сколько она стоит.

Мозг вообще ориентирован на сопоставление вещей по признаку **далеко - близко, похоже - непохоже, часто - редко**. Все это аккумулируется в цене.

Рыночная экономика в высшей степени адекватна психологии личности, тонко соответствует её интенциям, обещает компенсировать её комплексы вне физиологическими, внепсихическими универсально мощными средствами. Всё,

что недоступно мне как индивиду, всё, чего я лишился или лишен, будет дано или возвращено мне в пространстве рынка. Были бы деньги. Универсальной силе денежного знака подвластны страсть, память, напряженное внимание, забытьё, смех. Девушка-лупа, раб-номенклатор, гладиаторы, мимы были доступны для приобретения еще в Древнем Риме. Что-то было далеко, а что-то рядом, кто-то был похож, а кто-то нет, одно встречалось редко, а другое - на любом рынке, и всё это конденсировалось и находило четкое, измеримое выражение в цене. Всё, что могло быть воспринято и могло обратиться в целостный объект желания, рынок превращал в делимую предметность, доступную подсчету, но благодаря подсчету и доступную субъекту желания.

Но всё это не везде. В определённом, ограниченном пространстве. В рыночном, а в его крайней форме - в ярмарочном пространстве.

У Борхеса есть замечательная притча о том, что в «обычной лотерее» выиграть очень трудно, но и потери (билетики-то дешевые!) невелики. И вот, кому-то и когда-то, в незапамятные времена, в древнем Вавилоне пришло в голову ввести в лотерейные правила не только выигрыши, но и усиленные - штрафные - проигрыши. Риск удвоился, утроились выигрыши. Всем стало интересно. Число играющих растёт. И вот правила меняются. Уже не только вещевые выигрыши. Уже дома и путешествия, земельные участки и яхты - всё это можно выиграть. Редко, но можно. Опасно, но можно. Уже и невесту. Уже и должность. Уже... А что можно проиграть? А всё. Не только все имущество. Можно попасть в сообщество воров и доносчиков. Можно проиграть и жизнь.

И уже нельзя не играть.

Все увлечены.

Все играют, и никто не замечает, что большинство проигрывает.

И забыты сами слова «вавилонская лотерея».

Осталось слово «жизнь».

Так все живут.

То, о чём здесь написано, смелее, чем у Борхеса: идея обращена в модель. Это, разумеется, не более чем грубо усиленная модель, но... модель действующая.

Социалисты боролись именно против всего этого. И победили. Результат был со временем объявлен порочным. В нем хватало крови и скуки, не хватало товаров, хотя не было и высоких цен. Эта система не сработала. Даже китайские

коммунисты признали эффективность рыночных отношений (в психологическом смысле - игровых).

Все играют в вавилонскую лотерею. Жизнь издавна такова, что время и случай правят всем. Еще Экклезиаст «видел под солнцем, что не проворным достаётся успешный бег, не храбрым - победа, не мудрым - хлеб, не у разумных - богатство, и не искусным - благорасположение, но время и случай для всех их» (Эккл., 9:11).

Три тысячи лет спустя Редьярд Киплинг словами своего героя подтверждает: «Не так уж важно, что человек делает, и как делает, тоже неважно. Главное - когда надо выбрать психологический момент. Пресса на это не способна, деньги тоже, и смекалка тоже. Много значит удача, остальное - гениальность»⁴⁶.

Все удается тому, кто умеет ждать. Это умение Киплинг и называет гениальностью. Не исключено, что из умения ждать, часто равнозначному умению думать, и родилась любовь к мудрости - философия.

Эрнст Блох, несомненно, был прав, называя философию «генеральным штабом ожидания». Философы могут (или думают, что могут) задержать течение времени и рассмотреть то, что происходит, под лупой анализа: «в тот момент...».

В русской армии офицеров, окончивших Академию Генерального штаба, прозвали «моментами». За пристрастие к поиску «нужных моментов»: решение было принято в нужный момент, удар был нанесен в нужный момент и т. п.

Поддразнивали генштабистов зря. Всё зависит от того, когда наступает испытание сил. «Только то достояние прочно, за которое сполна заплачено», — учит Камю. Добавлю: в срок. История человечества - это история расплат.

Философия верна традициям «генерального штаба». Послушаем, что говорит о свободном духе Гегель: «Дух не есть нечто абстрактно простое, а есть система движений, в которой он различает себя в моментах, но и в самом этом различении остается свободным».

В.П. Зинченко, обсуждая эту мысль, с основанием отмечает, что «осталась непроявленной ключевая для нас мысль о различении человеком себя в моментах. Не ясны ответы на вопросы: что это за моменты? Где они хронологически и содержательно находятся?»⁴⁷.

⁴⁶ Киплинг Р. Как голосованием признали Землю плоской: Стихотворения. Рассказы //Серия2.- Т. 118.-М., 1978 - С. 127.

⁴⁷ Зинченко В.П. Посох Осипа Мандельштама и трубка Мамардашвили: к началам органической психологии. - М., 1997. - С. 127.

Ответ напрашивается: в игре духа.

А собственно, что такое игра? Это движение в пространстве возможностей, ограниченное лишь набором правил. Правил относительно немного; в игровом движении много случайного.

Истина существует, и она постижима. Но процесс её постижения и понимающий субъект - не менее значительный предмет размышлений философа, чем познаваемый объект. Его существование и значение неоспоримо. Но зачем познание? Еще в античные времена было высказано глубоко верное предположение, что «если бы не смущали подозрения, не имеют ли к нам какого отношения небесные явления или смерть, и если бы не смущало неведение пределов страданий и желаний, то нам даже незачем было бы изучать природу». Последующие века и наше время, столь богатое научными достижениями, этой мысли не поколебали. И стремление познать Космос в первооснове своей связано с тем, что человечество, подобно человеку, родилось «без зеркала в руках». Человек находит его в других людях. Человечество всегда будет его искать. Можно даже предположить, что человечество затем и раздроблено на миллиарды индивидов, чтобы оно стало «зеркалом и эхом Вселенной», коллективным мозгом мира. Возможно, что рост человечества приостановится, когда число людей на Земле сравняется с количеством клеток коры головного мозга (приблизительно 13 миллиардов). Если антропный принцип правилен, то человечество есть необходимая часть «партиципационной Вселенной», то есть такой Вселенной, которая предполагает участие Разума в ее существовании. А разум, что бы об этом ни говорили гегельянцы, предполагает наличие субстрата и субъекта.

Мы привыкли мыслить в соответствии с классической традицией, в которой все субъективное рассматривалось в лучшем случае как адекватное объективному, а в большинстве случаев - как нечто более бедное, чем объект, а то и искажающее его.

Постепенно сложилось убеждение, что все субъективное плохо, а все объективное хорошо. Зачастую это убеждение самым явным образом противоречило фактам.

Субъективные особенности познающего и действующего индивида могут самым решительным образом определять судьбы метода.

Так, диалектический метод оказывается действенным, когда им пользуются

великие люди. В примерах этого, в цитатах, он ослепительно ясен. Но применение диалектики еще не сообщает средним умам гениальность ее создателей.

А художественное творчество вообще покоится на реализации субъективных возможностей. Пушкин лишь раз выезжал за пределы отечества, да и то в обстоятельствах экстремальных. Для Шекспира индивидуально обозримая Вселенная умещалась между Стрэтфордом и Лондоном, а Рембрандту не понадобилось даже переехать из Лейдена в Амстердам, чтобы с такой глубиной отобразить человеческую природу. Видимо, главное все-таки в душе самого творца. То, что они видели и пережили (а они видели и пережили многое), существенно не как факт действительности, а как достояние их необычайного внутреннего мира.

Да и вообще «существовать субъективно - это значит существовать в качестве самого себя»⁴⁸. И никому не следует в этом праве отказывать. Да, конечно, современная психология нашла немало подтверждений словам И.Г. Фихте: «Мысль наша не только не независима от нашего стремления или инстинкта и от наших склонностей, а, напротив, в них самих имеет свой корень»⁴⁹. Но это свидетельствует лишь о том, что мысль следует изучать не только в отношении к познаваемому объекту, но и к понимающему субъекту. И такой подход поместит знание на должное место в системе ценностей. Нет и тени сомнения - это исключительно важное место. Но в большинстве современных концепций оно просто диспропорционально велико. А ведь есть вещи, знать которые важнее, чем любить, например, электрон, солнечная система, правописание. Есть вещи, любить которые важнее, чем знать, например, Родина, Бог, полуоткрытые губы и уже зажмуренные глаза. Отсюда никак не следует, что знание заслуживает какого-то пренебрежения. Просто у него есть свое место в жизни. Как и у любви.

С этим «своим местом» в системе проблема смысла связана теснейшим образом.

По-видимому, «смысл» принадлежит к числу таких понятий, как и «начало», «причина», понимание которых сопряжено с интуитивностью их существования, причем в нескольких модальностях.

Одной из наиболее существенных модальностей смысла служит его существование в тексте.

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. - 2-е изд. - Т. 46, ч. 1- С. 480.

⁴⁹ Фихте И.-Г. О значении человека. - СПб., 1980. -С. 218.

Дети очень легко усваивают пришедшее в школу из классических грамматик деление предметов на одушевленные и неодушевленные. Отчетливость этого деления очевидна для сознания любого индивида, и он никогда не задумывается над тем, что существует третий класс предметов - предметов одушевляемых. Это тексты, которые даны нам в их непосредственном материальном воплощении. Заметим, что именно с того момента, когда нам становится известно, что это текст, когда мы понимаем или пытаемся понять его смысл, мы сразу выходим за пределы непосредственно данного нам в чувственном восприятии. Текст - концентрированная действительность. Текст - действительность, ориентированная на то, чтобы ее понимали. С одной стороны, он сохраняет важнейшее качество объективно реального: материальный носитель содержания, данный нам в чувственном восприятии, не зависит от нашей воли или сознания. С другой стороны, текст совмещает неизменяемость материального носителя смысла с изменением самого этого смысла в процессе понимания, в процессе деятельности.

Смысл существует в иных временных, да и пространственных масштабах, чем мир чувственно воспринимаемый. Легенда, миф есть, по словам Саллюстия, то, чего никогда не было, и то, что всегда было. Придет время, когда реальности мира, в котором мы существуем, в очередной раз изменятся. Но не исчезнет мир возможного, где, собственно, и существует сознание.

Отсюда можно сделать заключение, что существование в сознании есть иная специфическая модальность смысла, а поскольку носителем сознания традиционно выступает человек, возникает соблазн допустить, что существование смысла нераздельно с существованием человека. А. Камю так и полагал: «Я продолжаю думать, что в этом мире нет высшего смысла. Но я знаю, что кое-кто в нем все-таки имеет смысл, и это - человек, поскольку он один смысла ищет. В этом мире есть по крайней мере одна правда - правда человека, и наше предназначение - укрепить его осмысленную решимость жить вопреки судьбе. Человек, и только он один - вот весь смысл и все оправдания, его-то и надо спасти, если хотят спасти определенные воззрения и взгляды на жизнь»⁵⁰.

Для того, чтобы увидеть смысл, надо, следовательно, заглянуть внутрь человека.

Подлинный смысловой анализ всегда связан с демистификацией природы человека. И прав Лихтман, когда говорит, что для Фрейда демистификация

⁵⁰ Камю А. Четвертое письмо к немецкому другу // Вопросы литературы. - 1980. - №2. - С. 179.

человеческой природы соответствует археологической парадигме скрытого прошлого. А для Маркса демистификация человеческого существа равнозначна революционной парадигме созидания будущего. Эти парадигмы противоречат друг другу и одновременно друг друга не исключают. Именно сегодня мы в этом убеждаемся. Погружение в ранее скрытое прошлое для многих стало едва ли не единственным смыслом перестроечных процессов, но они обретут высший и действительный смысл только тогда, когда прошлое из страшного груза обратится в опору будущего. Возможно ли это? Будущее так или иначе наступит, но в какой мере его определит познание прошлого, разрыв с одними его этапами, попытка опереться на другие?

Существование моделей потребного будущего, доказанное Н.А. Бернштейном, концепция опережающего отражения П.К. Анохина, поток работ, посвященных потребностям и их удовлетворению, - все это постепенно сформировало странное, но устойчивое представление, что предвидимо и осуществимо именно потребное будущее.

А ожидания нередко порождают иллюзорные предвидения. Как говорят китайцы, ожидая избавителя, мы принимаем стук своего сердца за топот копыт его коня. Сила и слабость учений, вторгающихся в массовое сознание, упрощаемых им и увлекающих его, состоит в том, что учения эти порождают цели и придают смысл деятельности. Понятия «причина», «цель», «смысл» срастаются в массовом сознании, и это начинает влиять и на сознание теоретическое.

Психология XX века достаточно убедительно показала, что изоляция сознания индивида (будь он теоретик, будь он люмпен) от сознания масс всегда в той или иной мере иллюзорна.

Когда смысл намертво связывают с наличием цели - это подход упрощенно телеологический, и оправданным его считать нельзя. Все, например, согласятся с тем, что некоторой наперед заданной конечной цели в развитии палеонтологии или астрономии нет, а процесс это вполне осмысленный, как в каждом из составных своих звеньев, так, по-видимому, и в целом. Одним словом, цели, казалось бы, и нет, а смысл есть. Заметьте в этой связи, что у алхимии цель была, существует система объявленных целей и у астрологии. Однако алхимии уже нет, а астрология на развивается, а распространяется. Смысла тут нет. При этом личностных смыслов хватало и хватает, но это касается целенаправленной деятельности астрологов и алхимиков, а не астрологии и алхимии.

Смысл - то, что сужает коридор возможностей, ограничивает их число, одним словом, смысл есть то, что создает переход от настоящего к будущему (или от прошлого к настоящему).

Нет движения вне направления. И движение выше цели. Цель, противоречащая законам движения и не отвечающая его направлению, бессмысленна. Не цель придает смысл развитию, а развитие - цели. Не свадьба придает смысл любви, а любовь - свадьбе. Цели бывают осмысленными соответственно, достижимыми, когда они лежат в русле движения от прошлого к будущему.

Некогда был решительно отброшен принцип Эдуарда Бернштейна: «движение - все, цель - ничто». Принцип этот действительно ошибочный: цели играют в деятельности огромную роль, но не господствуют.

Движение - все, цель - нечто. Нечто важное, иногда исключительно важное. Но цель - не все.

В сущности, цель - просто образ возможности, ее мысленное овеществление, веха на трассированном направлении. Иначе говоря, смысл выступает как направление, намеченное в пространстве возможностей. Связано ли это с пониманием причин движения? Бесспорно. В сущности, причина есть то, что задает направление движения и смену одних этапов другими.

Человеческое познание не следует представлять себе как череду удач. Многое просто не получается. На синтез «живого белка», похоже махнули рукой. Твердо установленная невозможность «вечных двигателей» 1 и 2 рода человечеству ничего хорошего, в сущности, не обещает. Да и констатация некоторой направленности движения, отождествляемая со смыслом, разве не может она быть приравнена к абсурду индивидуального человеческого существования, недолгого и зачастую огорчительного по результатам. Поэтому распространено убеждение, что жизнь индивида абсурдна.

Жизнь вне смысла не исключает движения, а даже предполагает. Ведь можно же спать на плывущем корабле, не зная, куда он плывет. Ведь можно всю жизнь нырять за жемчугом, продавать его за гроши и снова нырять, чтобы однажды не вынырнуть. Эти метафоры абсурда человеческого существования красочно даны у Леонида Мартынова:

Я вышел на палубу. Алая мгла дрожала алыми пятнами,
и тысяча персов вповалку спала под одеялами ватными.
Плывут вот так, сказал мне моряк, всегда, столетья, века,
без будущего, без денег, без пачки табака.
О фонари желтоглазы, качающийся покой
и мокрые водолазы, с жемчужиной за щекой!

Счастье, удача «исторического деятеля» это не более чем следование в направлении развития. Смысл поступков людей воспроизводим, люди находят наиболее эффективные способы деятельности и учат других им. Отраженный смысл, первоначально живой и изменчивый, начинает повторяться и костенеть. Процесс существования направлен и необратим, место смысла занимает традиция. Первоначально она выступает как эффективный заменитель смысла, причем заменителем этим пользуются те, кто черпает в прошлом радость и пример. Но прошлое это особое, воображаемое, воссозданное в массовом сознании, имеющее немало общего с действительным прошлым, но нетождественное ему. Это прошлое неполное и достроенное в сознании тех, кто не находит идеала в будущем и в его поисках обращается к тому, что уже миновало. И создается прочное впечатление, что история приостанавливает свое движение и пятится назад. Вот тогда звучат слова: «Уж если глупо, значит - правда»⁵¹. Это характеристика времени. Все привыкли видеть в государственной власти источник угнетения: теперь она становится еще и источником глупости. Такие эпохи наступали неоднократно, эпохи, ознаменованные внутренним кризисом целеустановок личного и общественного сознания и видимым отсутствием смысла во всем, что происходит. Как четыреста лет назад было сказано в «Жизнеописании Гусмана де Альфараче»⁵² (часть II, кн.2, гл.2), «никто не хочет работать, ни я сам, ни ваша милость, ни та синьора; мы хотим, чтобы все делалось само собой». И знаменитое: «На всем белом свете остался только один человек в здравом уме, но пока не удалось установить - кто. Каждый думает, что это именно он».

Разум подсказывает радикальные пути выхода из концентрированного абсурда ситуации. Наиболее очевидной кажется необходимость разрушения традиционных,

⁵¹ Горький М. Полное собрание. В 30 т. - Т. 19. - М., 1952. - С. 532.

⁵² См.: Алеман М. Жизнеописание Гусмана де Альфараче. - Т. 2 - М., 1963.

изживших себя социальных конструкций. Их ломают. Происходит революция. Всё, решительно всё испытывается на прочность, на излом, причем способом настолько же эффективным, насколько примитивным: «Что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть»⁵³. Даже в строке гимна «весь мир насилья мы разруем» стихийно происходит изменение: «...мы разрушим». Вот что писал в 1922 г. современник и сторонник революции: «...валяй, круши, ничто помешать не может. И крушили, а у жизни есть тайный смысл - и помимо нас, и он нам не сочувствовал, так как он никогда человеку не сочувствует, полагая, что homo sapiens не по чину берет. А когда нам пригибали спину, мы опять-таки шли на все, опять зря; опять этот смысл восставал на нас, он не любит резких переходов...»⁵⁴. Вот когда уже возникло это чувство, что высший смысл существует просто помимо нас и не сочувствует нашим планам.

Надо отчетливо представить себе, что смысл на определенном уровне сложности систем способен к самопорождению.

И это изменит наше представление о реальности.

В себе, *ansich*, существует и возможность власти будущего. Если считать важнейшим признаком разума его способность заглядывать в предстоящее, то можно составить проект разумной системы и воплотить его в жизнь: надо лишь сделать людей участниками существования разумной системы.

Сложность задачи, как оказалось, в том, что система эта (ее можно спроектировать) состоит, в конечном счете, из людей.

Одно из предлагаемых революционерами и реформаторами решений задачи ясно сформулировано Эрихом Кестнером: «Сначала надо создать разумную систему, а уж люди к ней приспособятся»⁵⁵. Такая попытка в XX веке была. Её результат очевиден, но сил нет разобраться - то ли система была неразумна, то ли люди ее к себе приспособили. Скорее всего - и то, и другое.

Ушедшая в прошлое система, которая не уставала взывать к прогрессу и разуму, на деле отдалялась от разума с каждым годом своего существования. И это было

⁵³ Писарев Д.И. Сочинения. - Т.1. - М., 1955. - С. 135. Современные комментаторы спешат добавить, что это была всего лишь метафора. Тогда, в 1861 г., не было это только метафорой - достаточно вспомнить, что писал в 1862 г. Д.И. Писарев о ликвидации царствующего дома.

⁵⁴ Кестнер Э.Фабиан. История одного моралиста - М., 1990. - С. 62.

⁵⁵ Гегель Сочинения. - Т. VIII. - М., 1939. - С. 57.

одной из главных причин того, что она пыталась оставить на страницах истории все больше «белых пятен», а потом треснула, как полярная льдина, и её обломки все дальше отплывают друг от друга. Нет сомнения, пресловутые «белые пятна» истории - это обесцвеченные кровавые. Но им нельзя вернуть прежний цвет, окрасив их свежей кровью. Способ изменения мира должен стать иным.

Согласно Гегелю, всемирная история начинается «лишь с того времени, когда она является еще только возможностью в себе...»⁵⁶. Мы хотим, чтобы она стала возможностью для нас. Но можно ли бороться с пороками прошлого, используя порочные методы? По всей вероятности, нельзя. И Эжен Ионеско говорит: «Все литераторы и почти все драматурги изобличают зло, несправедливость, отчужденность, болезни вчерашнего дня. Они закрывают глаза на сегодняшнее зло. А прошлое зло больше изобличать нечего. Так можно лишь скрывать новые болезни, новую несправедливость, новое мошенничество». Великий драматург прав. Это про нас. Будущее покажет, смогут ли люди одолеть болезни социального существования - несправедливость и обман. Будущее, причем недалекое будущее, покажет, сможет ли общество, в котором мы существуем, занять достойное место в истории. Надо надеяться. Ведь, как говорил Андрэ Мальро, надежда людей - это и есть смысл их жизни.

⁵⁶ Ионеско Э. Небесный пешеход//Носорог. - М., 1991. - С. 94.

Внутренний мир человека

Основы радикальной психологии⁵⁷

Есть такое немецкое выражение *Zeitgeist* – дух времени, это значит, что люди которые работают приблизительно в одно и то же время высказывают в чем-то сходные идеи касаясь совершенно разных отраслей научного знания. Современный ученый Пивоваров, например, находит общее у Эйнштейна, Ленина и Фрейда. Французский психолог Лакан говорит, что Фрейд, Маркс и Ницше, тоже образуют такую своеобразную трицу символ времени. Как же все-таки понимать этот символ времени и в чем он выражается? О нем писал Гете, он писал так:

Дух времени совсем не прост,
Для нас он книга за большой печатью.
Что духом времени слывет,
По существу дух нескольких господ,
А бытие играет кстати.

Это значит, что несколько человек определяет собой дух времени.

Давайте посмотрим на некоторую архетипическую общность, конструкции, духовного мира. За основу этой архетипической конструкции мы берем тибетский образ, который называется мандала. Мандала это расчетверенный круг. Классическим примером мандалы является не столько рисунки в древних тибетских книгах, сколько географические атласы, которые нам всем известны со школьных лет, где весь мир делится с помощью линий восток-запад север-юг, они перекрещиваются и мир разделяется на четыре квадранта. Но не так все просто обстоит, когда дело касается психики:

⁵⁷ Глава собрана на базе лекций, прочитанных в Американском университете Центральной Азии 2008 года

Рис. 1

Вот знакомое всем «окно Джохарри» (Рис. 1). Напоминаю, в первой четверти – это «я и другие», во втором – только «другие», в третьем – только «я», а в четвертом – «бессознательное».

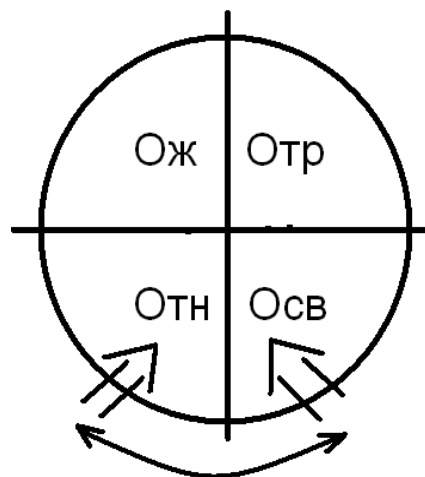

Рис. 2

Вот еще одна мандала (Рис. 2), ожидание, отражение, освещение и отношение.

Отражение – это копирование окружающего мира, если бы мы не копировали окружающий мир, мы бы не смогли в нем существовать, философы конца 19-го, начала 20-го века говорили о том, что отражение подобно фотографии. Отражение – это копирование внешнего мира. Наши ощущения, впечатления, представления являются не очень совершенной, но, все-таки, копией окружающего мира. В

марксистской философии, в русской психологии слово отражение приобрело огромное значение: все, что не происходило в голове, все, одно время, называли отражением. Возник даже такой термин, как опережающее отражение, который ввел Петр Кузьмич Анохин. Следует отметить, что выражение «опережающее отражение», такое же странное, как скажем, если вы представите себе зеркало, в котором ваше отражение появится прежде, чем вы подойдете к зеркалу, и это как-то это маловероятно. Конечно, в нашей психике бывает образ будущего, но называть его отражением, вряд ли правильно. Этот пример иллюстрирует тенденцию все психические процессы объяснять через отражение. Психика, намного шире просто отражения окружающего мира, хотя оно очень важно. Итак, отражение – это представление мира в образной форме.

Вторая четверть – ожидание. Иван Петрович Павлов – великий физиолог, заложивший основы понимания психики, как набора рефлексов, не любил это слово. Больше того, тех, кто употреблял это слово Павлов штрафовал – он, вообще, изгонял из своей лаборатории все упоминания о психологии, если кто-то говорил, что собака ждет, что ее накормят, и у нее от этого течет слюна, этого человека тут же на 50-т копеек штрафовали (а тогда это были приличные деньги, можно было колбасы купить). В таком залоге Павлов проработал, до того момента (кажется году в 1932), когда, он вошел в лабораторию и сказал: «Все рефлексы и рефлексы, надо бы для них какое-то более общее слово придумать, например, психология». И слово ожидание снова возникло в лаборатории, но ненадолго, поскольку вскоре Павлов умер.

Так что же такое ожидание? Это чрезвычайно важное состояние нашей психики, да и всего мира. Немецкий философ Карл Блох говорит: «Весь мир пронизан огромным объективным ожиданием. Солнце ждет, что оно лопнет и превратится в огромный красный шар, мать ждет, что у нее родится ребенок, океан ждет прилива или отлива». Проще говоря, все процессы окружающего мира построены на том, что мы ожидаем будущего. И вот это ожидание будущего бывает иногда настолько сильным, что мы начинаем двигаться навстречу будущему. Что это такое? Это жизнь. От прошлого мы отрываемся и идем навстречу будущему. Но прошлое из нас не уходит – это называется память. Классический пример ожидания – это уже упомянутый выше Павловский условный рефлекс, когда собака ожидает, что раздастся звонок или загорится лампочка, и ее накормят. Ее еще не кормят, а

слюна уже капает. И все наше поведение таково. Тот, кому приходилось выступать на собраниях, тот знает, что приблизительно за три минуты до того, как назовут вашу фамилию, сердце начинает биться сильнее, я уже заранее это знаю и ничего особенного не надо, надо выйти на трибуну и сказать несколько тривиальных слов, и все равно сердце бьется скорее – ожидание. Классическим примером всегда считалась очередь, правда говорят, что сейчас очередей не бывает, но мне кажется, что это выдумка – они бывают, например, в обед в нашем университетском кафе. Между тем очередь при социализме, полностью заменяла рекламу. Когда стоят люди, такая длинная цепочка, она где-то упирается в дверь, это как стрела, которая утыкается в товар, который сейчас будут отпускать. А чем заняты эти люди? Вы, наверное, замечали, что даже когда люди стоят на остановке, ожидая автобуса, когда люди стоят в очереди в кафе, они почти не говорят между собой, а могли бы. А в чем дело? Их пронизывает внутреннее состояние ожидания, легкий уровень операторной напряженности.

Перейдем к третьему квадранту – это отношение. Все, что воспринимает человек, (именно человек!) связано с каким-то отношением, отношением к тому, что мы наблюдаем. Спрашивается, неужели у нас ко всему есть отношение, ко всем звездам или ко всем муравьям на свете? Нет, конечно, это не совсем так, но то, что мы выбираем из реальности и наблюдаем, это называется освещение (которое находится в четвертом квадранте), и к этому всегда имеется и свое отношение. Вопрос о том, как связаны отношение и освещение – это вопрос, как говорится, о курице и яйце. Дело в том, что когда у нас чего-то нет, но мы хотим это найти, то отношение включается до освещения, но и напротив – бывает, что я впервые увидел нечто, и у меня постепенно складывается отношение. Интересен вопрос и о том, насколько быстро складывается наше отношение к каким-то объектам? Возьмем, например, так называемую «любовь с первого взгляда»: теоретически здесь предполагается, что освещение здесь произошло раньше, но отношение возникло почти мгновенно – кто-то кого-то увидел, и сразу возникло отношение. Насколько такая гипотеза основательна? Достаточно основательна. Однажды был проведен такой эксперимент. В две группы студентов заходил один и тот же преподаватель. Из первой группы его буквально через несколько минут отзывали, а во второй группе он вел занятия 45 минут. После занятия, в обеих группах студентам были розданы анкеты, в которых были описаны качества преподавателя, и надо было

поставить оценку. Учитывалось, насколько увлекательно или скучно он излагает материал, фиксирует он внимание на отдельных студентах или обращается ко всей группе, есть ли у него зрительный контакт с аудиторией и т.д. Преподаватель, который участвовал в эксперименте, специально следовал определенным способам общения с аудиторией, чтобы в конце студентам было легче оценить его работу. Он соблюдал один и тот же паттерн поведения все занятие, начиная, с первых минут. В результате оказалось, что те, кто оценивал только первые минуты его работы, дали более точные оценки. Так что любовь с первого взгляда это не такая уж невозможная вещь в принципе, такая вещь возможна. Однако тут возникает другие вопросы: было ли у человека ожидание любви с первого взгляда, когда он увидел кого-то и влюбился? Было ли у него сформировано определенное отношение к возможному объекту любви, и он всегда искал глазами того, кто ему понравится? Или наоборот – человек вошел в некое помещение, ни о чем не думая, без всяких предпосылок, и вдруг... неожиданно он (или она!) влюбляется.

Из этих четырех компонентов, в сущности, складывается вся психическая деятельность, весь наш внутренний мир. Вопрос только в том, что складывается раньше, вот где проблема. Общего у этих двух картинок как видите только то, что это мандала.

А теперь давайте посмотрим на еще одну мандалу (Рис.3).

Рис.3

Там есть три квадранта: *Эрос*, *Танатос*, *Плутос*, а вот что в четвертом? Следует

начать именно с него. Я многократно повторяю замечательную мысль Ортеги-и-Гассета о том, что человек состоит из того, что у него есть и из того, что ему не хватает. Т. е. человек состоит из того, что у него нет. Это очень просто, когда вы сильно хотите кушать, то вы, практически целиком состоите из этого желания, из-за того, что у вас еды нет в животе или во рту. В сущности, и любовь это чувство, которое возникает по отношению к тому, чего еще нет.

Если вернуться к мандале: первая сила – это Эрос – сила соединения, сила создания целого, появление третьего. Вторая – это Танатос – сила разрушения преград, сила разрушения старого, сила преодоления того, что вам не нужно и ненавистно. А вот Плутос – это третья сила нашей психики. Это тоже влечение, как и Эрос и Танатос, но это влечение к собственности, влечение к тому, чтобы что-то стало мое. Фрейд отвергал идею Плутоса, говоря о том, Эрос – это уже само по себе влечение к тому, что станет мое. Но это не так.

Что же такое Плутос? Это такое влечение, когда я хочу, чтобы эта вещь, этот предмет, этот человек, эта страна, что хотите, чтобы это – стало мое. Плутос отличается в этом смысле и от Эроса, и от Танатоса. Каков же главный признак собственности? Римское право дает нам удивительно простой ответ – моя собственность – это то, что я могу уничтожить и никакой ответственности за это не несу. Вот если я к вам приду и сломаю в вашем доме зеркало – мне придется за это отвечать. Также и в публичных местах – я не могу портить общественную собственность, например, мебель в университете. Но если нечто – это мое, я могу делать с этим все что я захочу, и никто меня не может за это наказать. Это один из важнейших принципов римского права. Мое - это то, с чем я могу делать все, что захочу: могу уничтожить – и это будет проявление Танатоса, могу увеличить, умножить и сделать свои высшим достоянием – это будет Эрос. Но чтобы это произошло, нужна третья сила, которая называется Плутос – это влечение к собственности.

Если принять во внимание Эрос, Танатос и Плутос, как можно понимать четвертый пустой квадрант? Этот четвертый квадрант называется *Ноль*. Танатос стремится, чтобы чего в нашей жизни не было – это ноль. Плутос стремится, чтобы вместо нуля у меня что-то было – это сила собственности. А Эрос это стремление к тому, что у меня сейчас отсутствует, и оно обязательно должно стать моим, но совершенно определенным образом – это желание должно быть взаимным. Если это чувство, то мы ждем ответа, беспокоимся о любимом человеке и его

благополучии, но еще и о том, как он или она к нам относится. Если это творчество – мы хотим результата, беспокоимся о том, чтобы у нас что-то получилось. Но это влечение к чему-то, чем мы не можем обладать полностью, не можем до конца контролировать. Вот почему Ортега-и-Гассет говорит, что человек состоит из того, что у него есть и из того, что у него нет.

Все эти три мандалы связаны с нашим «Я». «Я» – это такая территория, очень подвижная территория, которая меняет свою форму. У нашего «Я», как и у государства, есть границы, но государство не так быстро их меняет, как «Я». «Я» по территории остается таким же, но по форме границ этой территории может каждый раз быть другим. Оно вытягивается в сторону того объекта, который является желанием. Мое «Я» начинает вытягиваться в сторону желанного объекта, мои мысли заняты этим объектом, и даже, нередко, мы начинаем рассматривать этот объект, как какую-то часть моего «Я». К примеру, у вас есть автомобиль, кто-то пришел и говорит, - он устарел, ему уже бог знает сколько лет, удивительно как ты едешь на таком рыдване, на такой развалюхе, возникает чувство обиды. Вроде же, правду говорят, тем не менее, обидно. В чем дело? Очевидно, часть моего «Я» вытянула свою ложноножку в сторону этого автомобиля. Это хорошо заметно на детских игрушках, когда дети предпочитают старую игрушку новой.

Таким образом, в границах нашего «Я», могут поселиться другие важные объекты или люди и нам важно иметь в поле зрения все три мандалы, когда мы пытаемся анализировать наш внутренний мир. Нам важно понимать, где мы сами принимаем решения, а где мы следуем чьим-то ожиданиям. Нам необходимо различать, где нами движет Плутос, а где Эрос, если мы хотим контролировать жизнь наших близких. И для нас очень важно осознавать, когда отражение заражается нашим отношением, и мы перестаем объективно воспринимать реальность.

О личности

Итак, другому как понять тебя? Кто этот другой? Человек, личность (эти понятия совпадают не полностью, личность — это человек как член общества, участник процессов, которые в нем происходят, — экономических, социальных и психологических).

Личность позиционально характеризуется... Я имею основания опасаться, что вы не дочитаете до конца не то что эту страницу, но и эту фразу: одно только слово «позиционально» может внушить недоверие к намерению автора (то есть к моему намерению) написать о понимании понятно. Но моя задача состоит, в частности, в том, чтобы как-то приучить читателя к языку научных трудов и, более того, даже приохотить его к их чтению, для чего эта маленькая книжка будет оснащена многочисленными сносками на книги, которые могут заинтересовать тех, кто ощущает некоторые минусы своего образования. А вообще-то мы все без исключения страдаем от недостатков в своем образовании, только не всегда сознаем себе в этом⁵⁸.

Итак, четыре позиции, в которых предстает личность. Условно они именуется «тело» (1), «изнутри» (2), «извне» (3), «издалека» (4). Первая позиция — это личность со всеми ее телесными особенностями. Телесный надо понимать в широком смысле — это и красота (которая может сыграть решающую роль в молодые годы), это и инфаркт миокарда (который может сыграть решающую роль несколько позже), это вообще все физическое, тогда как вторая позиция — это духовное. Это наше сознание и подсознательное, наше «я», неразрывное с телом, но отличное от него. Третья позиция — это личность, какой она предстает перед другими людьми. Это «другой», каким вы его видите, слышите, это вы, каким вас видит и слышит другой. Сами себя вы таким не слышите и не видите. Если вы записывались на магнитофон, то не забыли еще, каким чужим показался вам собственный голос при первом прослушивании. А в зеркале правая половина вашего лица кажется левой (разница на самом деле существенная).

⁵⁸ Подчеркиваю себе. От других мы эти недостатки, как правило, пытаемся скрыть, и делается это не только из самолюбия или чувства собственного достоинства. Сама система обучения, в которой одна экзаменационная сессия нанизана на другую, приучила нас к этому.

«Художникам и фотографам давно известно, что лицо человека асимметрично, в результате чего левая и правая стороны нашего лица могут отражать эмоции по-разному. Недавние исследования объясняют это тем, что левая и правая стороны лица находятся под контролем различных полушарий мозга. Правое полушарие управляет эмоциями, воображением и сенсорной деятельностью. Связи управления перекрещиваются так, что работа доминирующего левого полушария отражается на правой стороне лица и придает ей выражение, поддающееся большему контролю. Поскольку работа правого полушария мозга отражается на левой стороне лица, то на ней труднее скрыть чувства. Положительные эмоции отражаются более или менее равномерно на обеих сторонах лица, отрицательные эмоции более отчетливо выражены на левой стороне. Однако оба полушария мозга функционируют совместно, поэтому описанные различия касаются нюансов выражения. Особенно экспрессивны губы человека. Всем известно, что плотно сжатые губы отражают глубокую задумчивость, изогнутые губы — сомнение или сарказм. Улыбка, как правило, выражает дружелюбие, потребность в одобрении. В то же самое время улыбка как элемент мимики и поведения зависит от региональных и культурных различий: так, южане склонны чаще улыбаться, чем жители северных районов. Поскольку улыбка может отражать разные мотивы, следует быть осторожными в истолковании улыбки собеседника. Однако чрезмерная улыбчивость, например, часто выражает потребность в одобрении или почтении перед начальством. Улыбка, сопровождаемая приподнятыми бровями, выражает, как правило, готовность подчиняться, в то время как улыбка с опущенными бровями выражает превосходство»⁵⁹.

И наконец, четвертая позиция — это личность, какой она была раньше и какова она теперь, то есть личность в процессе становления. Такой ее можно ощутить и изнутри, и извне (так воспринимают учителя своих учеников), но это не одномоментное, а продолжительное, многократное восприятие.

При всем разнообразии определений понятия «личность», соответствующем сложности его содержания, в них можно обнаружить немало совпадающих моментов. Современные советские исследователи видят в личности субъект преобразования действительности, которое осуществляется во взаимодействии с другими людьми.

⁵⁹ Атватер И. Я вас слушаю. — М., 1988. — С. 67. Я ссылаюсь на Иствуда Атватера, потому что он ясно пишет, и хотелось бы, чтобы вы его брошюру прочли.

Как член общества личность способна изменять действительность. В этом необходимое условие ее социального бытия. В этом ее сущность.

Личность не может развиваться вне отношения к другим людям. Личностью не рождаются, личностью становятся — с этим согласны и С. Л. Рубинштейн⁶⁰, и А. Н. Леонтьев⁶¹. Становление личности есть процесс, неразрывный с развитием и становлением общения. Общения с близкими (прежде всего с родителями), со сверстниками, старшими, с теми, кто учит и с кем работаешь.

В отечественной психологии получила поддержку точка зрения, согласно которой личность образована единством четырех компонентов, образующих одновременно четыре уровня ее строения. Первый уровень обусловлен физиологически; он включает возрастные и половые особенности личности; второй уровень обусловлен спецификой психологических процессов и характеризует память, эмоции и волю личности; ее конкретно социальное бытие — знания, навыки, умения, привычки — составляет третий уровень. Далее следует уровень направленности личности — это влечения, желания, интересы и, наконец, высшая форма направленности — кругозор, мировоззрение, взгляды и убеждения. С ними неразрывны ценностные ориентации, отношение личности к целям жизни и средствам достижения этих целей. Ясно, что и убеждения, и ценностные ориентации складываются под влиянием социально-экономических условий жизни.

Зигмунд Фрейд, один из немногих психологов (а может быть, и единственный среди них), чьи идеи смогли наложить отпечаток на мироощущение значительной части человечества, утверждал, что схематически внутренний мир личности образован тремя слоями, которые он назвал «ид», «эго» и «супер-эго». Первый слой подобен бурлящему котлу — это желания, которые стремятся немедленно воплотиться в действия. Но «эго» или «я» ставит между желаниями и действиями замедляющий фактор — мышление. А «супер-эго», или «сверх-я», включает в себя самонаблюдение, самооценку, совесть, стремление к идеалам. В сущности, «супер-эго», играет в нашей жизни ту же роль, что в жизни ребенка его родители. Поэтому среди ценностей, на которые ориентируется «супер-эго», часто фигурируют традиции.

⁶⁰ См.: Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — М., 1940. — С. 525—516.

⁶¹ См.: Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. — М.: Политиздат, 1975. — С. 176.

С. Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев — известные отечественные психологи. Им многим обязана советская академическая и университетская психология второй половины XX в.

Это, конечно, упрощение, но оно поможет нам понять, почему видные ученые современности придают такое большое значение пониманию. Дело в том, что понимание имеет непосредственное касательство к «супер-эго». Не просто к решению задач различного рода (на что нацелено мышление), а к оценкам типа «хорошо—плохо», «допустимо - недопустимо», «существенно для меня — существенно для других» и т. д. И происходит это, в частности, потому, что понимание начинает формироваться и постепенно складывается в процессе общения ребенка с родителями.

Сейчас все большее влияние на умы оказывают идеи психолога, который некогда был провозглашен Фрейдом «наследным принцем», но потом отошел от его учения. Это Карл Густав Юнг, основатель аналитической психологии. Он утверждал, что фундамент духовной жизни людей — и каждого человека, разумеется — образован передаваемым по наследству опытом предшествующих поколений. Это совокупность архетипов, о которых мы еще расскажем. Анализ сновидений и психических расстройств в теории Юнга тесно взаимосвязан с изучением основных компонентов культуры, мифов, религий, фольклора. Юнг разработал сложную и не общепринятую структуру личности, включающую «я», «Тень» (совокупность вытесненных представлений о себе самом), «Самость» (самопознание смысла жизни), «Анима» (источник ласки и влечений) и «Анимус» (источник непререкаемых суждений). Учение Юнга о коллективном бессознательном, влияющем на общение и понимание представляет немалый интерес. Одна из последних работ Юнга раскрывает психологию возникновения «современных мифов» (о «летающих тарелках» и пр.).

Заметьте, что многое из того, что мы знаем о себе, не только не вспоминается, но и вообще уходит куда-то в тень (словно бы этого и не было). Но все это было и не исчезло от того, что находится в тени. Лучше беспощадно осудить в себе нечто темное, чем попытаться сделать вид, будто его не существует. «Тень» иногда напоминает о себе. В метафорической (переносной) форме, о «Тени» говорится в поэме Есенина «Черный человек» и замечательной повести Стивенсона о докторе Джекилле и мистере Хайде.

А «Самость»? По-русски, собственно, и слова такого нет, но эту придумку переводчиков ученые освоили, пользуются ею. Это лучше бы переводить так: «я сам». Так, кстати, назвал Маяковский свои автобиографические заметки. Так вот, «я сам» — это личность, осознающая, чем она непохожа на других, что в ней своего,

что она будет делать в возможных обстоятельствах. Забегая вперед, скажу, что чтение художественной литературы, часы, которые мы проводим у телевизора, когда смотрим очередной сериал (какой-нибудь «Спрут-4»), — все это занятия для «я сам». Это он, «я сам», частично становится тем, за кем наблюдает на экране, о ком читает, в то время как просто «я» одновременно беспокоится о том, что дочери опять допоздна нет дома, и не забывает, какой завтра на работе предстоит тяжелый день.

Об «Анимусе», или мужском начале, и «Аниме», или начале женском, можно было бы написать отдельную главу; для нашей темы существенно, что они совмещаются в одной личности, в каждом из нас. Они противостоят друг другу, но они друг другу необходимы.

Мы начали говорить о том, кто этот «Другой», кто должен вас понять, и незаметно перешли на вас самих. В этом ничего удивительного нет, ведь мы, по выражению Маркса, смотримся в другого человека как в зеркало.

«Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия Я и Ты»⁶². Это очень глубокая мысль, по-настоящему ее оценили лишь в XX веке. Здесь надо назвать имена двух замечательных мыслителей — Михаила Михайловича Бахтина и Мартина Бубера, которые с различных позиций осветили проблему диалогичности как фундаментальную.

Вы узнали нечто о другом человеке и о самом себе. Вам, безусловно, мешало частое, почти навязчивое упоминание многих ученых, изучавших эту проблему. Упоминались они намеренно, тому были две причины. Во-первых, хочется, чтобы читатель оказался в кругу интересно мыслящих людей, которых он, возможно, и не знал раньше. Во-вторых, ссылки на авторов — не прихоть ученых, а важная черта их труда, который нередко называют диалогичным в том смысле, что на страницах книги можно вести разговор со многими людьми; многих из них уже нет: это форма условного бессмертия — сноски.

⁶² Фейербах Л. Избранные произведения. — М., 1955. — Т. 1. — С. 203.

Взаимосвязь между пониманием, общением и умом

«Люди, вступая в общение, вступают в него как сознательные существа»⁶³. Эта мысль В. И. Ленина имеет для нашей темы особенно большое значение. Какие выводы мы можем из нее сделать?

Во-первых, следует иметь в виду, что не все, что делают люди, они делают как сознательные существа. Есть такие автоматизировавшиеся со временем действия, которые совершаются несознательно. Лев Толстой в своем дневнике описал, как он, задумавшись, убирал комнату, как-то не осознавая, что именно он делает. Когда прибрал, стал вспоминать, вытирал ли пыль с дивана? Подошел снова, посмотрел: оказалось — вытирал. Так много действий он совершил за несколько минут, но восстановить их порядок ему было трудно. «Если бы кто сознательный (со стороны — А. Б.) видел, можно бы восстановить», — записал Толстой.

Но общаться автоматизировано, стереотипно, несознательно практически нельзя. Каждый акт общения осознан. Даже когда мы просто перебрасываемся словами на ходу, приветствуем знакомых, произносим достаточно стандартные речевые формулы — даже в этом случае мы действуем вполне осознанно и можем при случае отчетливо восстановить в памяти все речевые контакты за день (попробуйте, кстати, сделать это как-нибудь перед сном — неплохая тренировка памяти, и вообще бесполезно относиться внимательнее к тому, что вы слышали от других людей и говорили им сами, может быть, что-то удастся на следующий день уточнить или исправить).

Во-вторых, что значит «действовать как сознательное существо»? Это значит: а) иметь намерения, б) предвидеть последствия своих поступков, в) знать свои цели и уметь строить достаточно правдоподобные предположения относительно целей других людей, г) контролировать свои потребности, умея отсрочить время их удовлетворения, и т. д. Или короче, надо знать, что ты хочешь, и уметь учитывать, что хотят другие, или еще короче: надо понимать.

Таким образом, быть сознательным — значит понимать.

И третий, самый важный вывод вытекает из двух предшествующих: общение и понимание неразрывно взаимосвязаны.

⁶³ Ленин В. И. Поли.собр. соч. — Т. 18. — С. 343.

Что же такое понимание? В чем оно выражается? Когда мы можем сказать про другого человека «он понял» или «он не понял»?

Попытаемся ответить на эти вопросы.

В книге П. Павленко «На Востоке» сказано: «Тот, кто хочет держать в тайне существование машины, разлагает ее на не зависящие друг от друга составные части, с которыми непосвященный ничего не может сделать». Ну, а если непосвященный, приложив все усилия своей памяти и разума, все же найдет зависимость составных частей машины друг от друга, если он соединит их так, как того требует общая идея и план изобретателя, и соберет машину, и она заработает? Что тогда? Что это будет значить? Это будет значить, что он понял, как устроена машина, хотя и не знал ее схемы. Факт понимания налицо.

Из чего же он складывается? Во-первых, из установления связей между отдельными составными частями. Во-вторых, из определения общего плана. В-третьих, из постижения общего смысла: как машина устроена? Зачем она так устроена? Как работает? Какой цели служит?

Сказанное относится не только к упомянутой машине. Мы, кажется, нащупали какой-то более общий принцип.

Проведем опыт. Возьмем какой-нибудь текст и изрежем его на относительно законченные в смысловом отношении куски: фразы, абзацы. Затем перемешаем их. Текст утратит смысл, он, собственно, и текстом перестанет быть, перед нами окажется бессвязный ряд отдельных абзацев и фраз. А можно ли понять, о чем в тексте шла речь? Эксперимент показывает, что можно. Испытуемые постепенно находят связи между отдельными кусками текста, начинают улавливать их последовательность, начинают понимать общий смысл текста — и восстанавливать его, иногда с теми или иными отклонениями от исходного варианта. (Это уже зависит от содержательных особенностей текста и от психологических особенностей каждого данного испытуемого, что само по себе представляет большой научный интерес.)

Хорошо, а если текст не разобран, если он дан нам в самом что ни на есть обычном виде — одна фраза за другой, один абзац за другим, одна глава за другой и т. д., — работает ли тогда этот принцип? Оказывается, работает.

Конечно же, тогда операция сборки предстанет перед нами в ином, скрытом, не сразу заметном виде, но она будет иметь место, будет играть свою, очень важную роль.

Вы, конечно, читали детективные повести или романы. Их литературные достоинства мы сейчас обсуждать не будем, но всем известно, что это чрезвычайно увлекательное чтение. И каждому знакомо то совершенно особое чувство, с которым читаются детективные произведения: совершено преступление, мы пытаемся узнать, кто же это сделал, и лишь в конце тайна раскрывается. При этом сразу становятся на свои места многие ранее упомянутые обстоятельства, на которые мы как-то и не обращали должного внимания, но теперь — все ясно, мы поняли.

Что же произошло на самом деле? Произошла «мгновенная сборка», ощущение понимания пришло сразу, сменив напряженный перебор вариантов, каждый из которых как бы подменял понимание, был испытан, отвергнут. Пришло понимание, и именно ради этого неповторимого момента зачастую стоило читать книгу.

Вы уже догадались, что детектив рассчитан на особый тип операций сборки: элементы, которые могут быть соединены только одним определенным образом, допускают прикидку, временное соединение, которое потом все же оказывается ошибочным. Таких прикидок обычно бывает несколько на протяжении развертывания сюжета, можно даже сказать, что при чтении детектива перед нами протекает процесс понимания со всеми возможными разветвлениями (причем «ветви» оказываются тупиковыми, никуда не ведут), с замедленным и тем более напряженным приближением к единственно точному варианту понимания.

Пусть, скажете вы, но ведь это детектив, всего лишь частный случай. Возьмите «большую литературу», классическое произведение — оно наверняка построено совершенно иначе, здесь ни о какой «мгновенной сборке» и речи быть не может.

Правильно, не может. Но она есть! Она присутствует как некоторый общий принцип. Разумеется, ни к какой «сборке» не сводится понимание сложных литературных произведений, каждое из которых представляет редкостный сплав ума и таланта автора. Вопросу о том, как проникнуть в сущность литературного произведения, посвящено неисчислимое множество научных трудов, авторы которых далеко не во всем согласны друг с другом. Нас же занимает вопрос более общий — о механизмах того, что называется пониманием, и только с этой точки зрения мы разрешим себе коснуться столь сложной темы.

Возьмите знакомого со школьных лет «Героя нашего времени» и перечитайте. Это исключительное по глубине и сложности произведение русской классической

литературы, и никто, пожалуй, не решится сказать, что понял его во всей полноте: оно неисчерпаемо. Но сосредоточимся на том, как оно построено.

Вы, возможно, не обращали внимания, что основные звенья этого произведения расположены отнюдь не в хронологической последовательности. Литературоведы же пришли к выводу, что Лермонтов намеренно расположил основные разделы романа не по временной последовательности, а по их важности для читателя. «Герой нашего времени» построен так, чтобы читатель постепенно вошел во внутренний мир Печорина и смог понять его отношение к окружающей действительности. И здесь в сознании читателя происходит сборка относительно самостоятельных частей текста. Она играет важную, но подчиненную роль — она ведет читателя к пониманию смысла.

Смысл таких литературных произведений, как «Герой нашего времени», бесспорно выходит за рамки исторически короткого отрезка времени. Вместе с другими классическими произведениями он стал неотъемлемой частью русской и мировой культуры. Смысл его непреходящ. Это значит, что его заново будут открывать для себя все новые и новые поколения людей.

Кстати, любопытная деталь. «Героя нашего времени» сейчас читают юноши, почти дети, и не всегда его перечитывают взрослые. Некогда Киплинг сетовал, что литературные произведения, которые потрясли зрелых людей одной эпохи, в последующие эпохи становятся на книжную полку подростка. «Это все равно, как если бы с помощью вулкана разжигать светильник над кроватью ребенка», — с горечью заметил Киплинг, но в огорчении своем он был неправ. История справедлива по отношению к литературе. Пусть горит светильник над постелью ребенка, это особый светильник — зажечь его может только гигантская сила таланта, способная забросить пламя мыслей и чувств на столетия вперед.

Смысл литературных произведений неразрывно связан с их содержанием и формой. Понятия «смысл» и «содержание» совпадают не полностью. Так, содержание литературного произведения пересказать гораздо легче, чем осознать его смысл и вдуматься в него. Есть такие произведения, содержание которых легко поддается пересказу, да и общий смысл (его называют концепт) тоже ясно определен. Это басни. Общий смысл басни известен под названием «мораль», и каждый школьник знает, что мораль и содержание не одно и то же. В басне может идти речь, например, о зверях и птицах, а общий смысл явственно касается лю-

дей. Это, кстати сказать, и есть самый характерный признак общего смысла, или концепта: он позволяет соотнести содержание с конкретной действительностью, с мыслями и поступками человека. Но не везде концепт сформулирован так четко, как в баснях, а в большинстве литературных произведений концепт вообще не формулируется. Но это не значит, что его нет. Это значит, что до него надо дойти, как говорится, своим умом.

Задача непростая. Возьмите, к примеру, «Сказку о золотом петушке». Ее концепт Пушкин намеренно не сформулировал: «сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». И по сию пору существуют различные мнения о том, в чем же этот урок заключается. Перечитайте и призадумайтесь. При этом следует иметь в виду, что «Сказка о золотом петушке» далеко не самое сложное из того, что создал Пушкин.

В целом вопрос о понимании литературных произведений изучен еще недостаточно. Можно, однако, с уверенностью сказать, что их непреходящее значение состоит в том, чтобы помочь человеку разобраться в окружающем мире и в самом себе. Любопытная закономерность — когда литературное произведение только что создано, вышло в свет, читается современниками, читатели, да и авторы, обращают главное внимание на то, как отражены и поняты в нем конкретные явления окружающей их действительности. В «Путешествии Гулливера» видят злую сатиру на политическую жизнь Англии начала XVIII века, в «Отцах и детях» обращают главное внимание на конфликт разночинца Базарова с чуждым ему русским барством. Так читают романы современники автора, и ничего удивительного в этом нет, их волнуют вопросы политические и социальные, они живут жизнью своего времени.

Ныне вопросы, которые были актуальны сто или двести лет тому назад, волнуют читателя гораздо меньше, да и читатель у этих книг другой. «Путешествие Гулливера» очень любят дети, а «Отцы и дети» большинство читало в школьные годы, т. е. тогда, когда человек учится понимать других людей и самого себя. И, читая «Гулливера у лилипутов», он начинает понимать, как может быть бессилён человек значительный, но одинокий в окружении людей совершенно другого масштаба (и не сходная ли мысль приходит ему в голову уж в ином возрасте, когда он читает «Отцов и детей»?).

Иначе говоря, обращаясь к классическим произведениям литературы, читатель находит в них немало важного с точки зрения социально-психологической. И это тем более существенно, что ни психологию личности, ни психологию общения читатель специально не изучал. Для читателя, разумеется, важны и конкретно исторические черты социальных явлений, отраженных в романе Тургенева. Но он не воспринимает его как роман исторический в собственном смысле слова.

Для понимания литературных произведений первостепенное значение имеют их эстетические достоинства. Но этот вопрос, как и проблема мышления вообще, выходит за рамки нашей темы.

Проблема же понимания текстов, естественно, не исчерпывается пониманием произведений художественной литературы. Есть тексты отнюдь не меньшей важности, хотя их стилистические достоинства не всегда стоят на должной высоте. И ничего в том удивительного нет, поскольку создаются эти тексты в сроки чрезвычайно сжатые. Мы имеем в виду публикуемые в газетах сообщения телеграфных агентств. Исследователи общения уделяют чтению газет особое внимание.

Пресса в нашем обществе играет огромную информационно-пропагандистскую, воспитательную, организаторскую роль. Поэтому так важно, чтобы каждый читатель мог полностью понять актуальные информационные сообщения, разобраться в сущности сообщаемых фактов, дать им правильную оценку. Поэтому одних только информационных сообщений недостаточно. Нужны ориентирующие читателя комментарии, статьи на политические, экономические и иные актуальные темы. Их понимание — опять-таки особая тема исследования. Заметим лишь, что для понимания публикуемого в газете текущего материала особо существенны следующие факторы⁶⁴.

Язык. Информационное сообщение, газетная статья рассчитаны на читателя массового. Между тем на газетной полосе он встречает и «эскалацию» и «конфронтацию», и обороты речи, типичные для современной дипломатической практики.

Если многие художественные произведения характеризуются сложным подтекстом, который читатель должен чувствовать, о котором должен догадываться, то для информационных текстов характерен «за текст» — набор сведений, предварительно необходимый для их понимания.

⁶⁴ Сегодня, когда новости появляются на различных сайтах или в социальных сетях, этот тезис приобретает особую актуальность! (Прим. редактора)

Наш современник, читающий газету, знает не только кто такой Гарри Каспаров. Читатель помнит, что до Каспарова чемпионом мира по шахматам был Анатолий Карпов. Эти фамилии взаимосвязаны, способствуют скорейшему усвоению сущности сообщений. Велик и объем фактических сведений. Того, кто разворачивает газету и погружается в чтение, можно сравнить с человеком, вращающим глобус. Упоминаемые в текущей информации города и страны в подавляющем большинстве знакомы читающему, а в сложных случаях к его услугам краткий комментарий на той же полосе.

Отсюда не следует, что читателю все упоминаемые в газете фамилии, наименования, термины известны. Так не бывает. Не все, быть может, знают, что такое «богарное земледелие», «гаревая дорожка», не все могут расшифровать название самолета МиГ по фамилиям конструкторов (Микоян и Гуревич), хотя и желательно, чтобы эти и подобные им сведения имелись у каждого. Они всегда могут пригодиться при чтении информационных сообщений. Но, в конце концов, есть же атласы, энциклопедические словари, различные справочники. Ими всегда можно воспользоваться⁶⁵.

Третий важный фактор понимания информационных сообщений — последовательность их смыслового восприятия. Все познается в сравнении, в данном случае — в сравнении с предыдущими сообщениями. Так, если я читаю, что в Бейруте работает аэропорт и открыто большинство магазинов, то сообщение это имеет смысл лишь в сопоставлении с предшествующим, где говорилось о перестрелках и уличных боях в столице Ливана.

Итак, язык, набор необходимых сведений, последовательность смыслового восприятия... Но есть и четвертый фактор понимания информационных сообщений. Это — установка на восприятие и оценку факта. Установка, которая действует при чтении литературного произведения, совершенно иная. Читая (или слушая) информационное сообщение, мы постоянно ощущаем, что речь в нем идет о событиях, происходивших в действительности с вполне реальными людьми. Относительно произведений художественной литературы у нас этой неосознанной уверенности нет, да она для их понимания и не нужна. Более того, убеждение,

⁶⁵ А сегодня есть еще и поисковые системы в Интернете, которые стали главными источниками подобной информации, благодаря которым многие уже позабыли, как выглядят реальные энциклопедии или словари. Тем не менее, не все можно найти в Интернете, особенно если информация связана с более глубоким знанием истории и культуры. (Прим. редактора)

что Печорин — реальное историческое лицо, только нарушило бы правильное понимание текста «Героя нашего времени». Искусство (в самом общем смысле слова) всегда условно. А информационное сообщение, напротив, безусловно. И это важнейшая с психологической точки зрения его особенность.

Не меньшее, а иногда и большее значение, чем информационные сообщения, имеет для людей чтение таких текстов, как различные законоположения, правила, инструкции и т. п. Хотя это и не всегда интересное чтение, но почти всегда — необходимое. Простая инструкция иногда бывает крайне необходима в жизни человека. Ведь наставления, как следует поступать в конкретных ситуациях или как надо пользоваться тем или иным прибором, требуют самого пристального внимания и должны быть поняты однозначно и точно. Внимание к таким текстам, как инструкция по пользованию электроприбором или правила уличного движения, жизненно важно. Здесь дискуссии о различных вариантах понимания, вполне уместные при обсуждении произведений художественной литературы, просто недопустимы. И если они возникают — это говорит о том, что-либо инструкция составлена неясно, либо читалась она без должного внимания. И того и другого быть не должно.

Особую роль играет в жизни общества закон. В правовом государстве знать и понимать законы необходимо любому гражданину. Незнание закона не освобождает от ответственности — таков один из важнейших юридических принципов. Что говорить, точно знать и глубоко понимать законы — задача труднейшая, здесь требуется специальное образование и большой опыт. Юрист — это, можно сказать, «профессионал понимания» законов. Но общее правило заключается в том, что закон должен быть доступен пониманию всех, к кому он имеет отношение.

Таким образом, мы выяснили, что от нескольких слов, брошенных собеседником второпях, до толстого тома, снятого с книжной полки, — таков неизмеримо широкий диапазон текстов, в которых находит выражение языковая природа общения между людьми.

Существенным качеством человека, выявляющимся в процессе общения, выступает ум.

Тривиальная (но не значит — необоснованная) точка зрения на это понятие такова. Действительность ставит перед человеком задачи различной сложности.

Человек в принципе способен эти задачи решать, и чем более сложные задачи он решает, тем он умнее. Следовательно, ум характеризуется как способность к решению задач. Причем под словом «задача» имеется в виду не задача условная, школьная, не задача грандиозная, историческая (хотя для решения и тех и других тоже требуется ум) — нет, здесь имеется в виду способность додумать нечто неизвестное исходя из наличного, способность сделать то, что необходимо сделать в данных обстоятельствах, одним словом, то, что не всем и не одновременно приходит в голову. Понятно также, что задачи, которые ставит действительность перед пятилетним ребенком, отличаются от задач, которые решает взрослый. Поставить правильный диагноз, найти преступника, забить гол, обработать металл так, чтобы он превратился в определенное изделие, — все это задачи различающиеся, однако их решение требует выполнения важного предварительного условия: и рабочий, и медик, и спортсмен, и юрист должны пройти определенные возрастные стадии умственного развития.

Может показаться, что задачи, которые решаются в детском возрасте, элементарно просты, а те, которыми занят ум взрослого, исключительно сложны. Это не совсем так. Многие задачи, представляющие сложность для ребенка, мучительно трудны и для взрослого. За относительно короткий срок ребенок овладевает, причем успешно, языком, не изучая специально грамматики, не работая со словарем, не умея читать. Согласитесь, это не легко, в особенности если учесть, что параллельно он получает и перерабатывает огромное количество самых разнообразных сведений об окружающем мире и тоже без помощи каких-либо учебных пособий. Добавьте сюда немалое количество проблем, с которыми маленький человек сталкивается впервые в жизни, причем это такие проблемы, что важность их с годами никак не уменьшается: он узнает, что такое правда и неправда, храбрость и страх, радость, желание, запрет, разрешение, любовь. О любви ребенок узнает особенно много, причем о любви самой пристрастной и бескорыстной — родительской.

Заметьте, все эти ни с чем не сравнимые по значению вопросы раскрываются перед ребенком в процессе его общения с другими людьми — чужими и близкими, с ровесниками и отличающимися по возрасту. Ребенок учится общению в условиях, возлагающих на его ум и душевные силы очень серьезные обязательства. Он обретает умение общаться на всю жизнь. Навсегда очевидным остается для него и

значение общения. Оно становится важнейшим компонентом его человеческого существования. И здесь, в процессе общения, его способность постигать смысл, способность к решению задач, короче, его ум получает и конкретную квалификацию со стороны окружающих.

Ум человека во многом зависит от характера задач, которые ему приходится решать. Еще академик М. М. Покровский, основатель русской семасиологии (науки о значении слов), говорил о слове «умный» так: «Мы говорим, например, про человека, что он умный, если он способен размышлять; для крестьянина или лавочника умный — это пройдоха; матери и педагоги склонны называть умными послушных детей, хотя бы они были тупы». Почему же для одних умный — это пройдоха, а для других — послушный? Да потому, что пройдоха наилучшим способом решает задачи, встающие перед лавочником, а послушание — это весьма эффективный способ решать задачи, поставленные перед ребенком родителями и педагогами. В то же время послушание, как вы понимаете, это еще не ум, просто родители и педагоги знают куда больше ребенка, и, если они предлагают ему то или иное решение, тот или иной путь к решению, во многих случаях это разумное решение и правильный путь.

Невольно начинаешь задумываться над тем, что одно только решение задач — это все-таки еще не критерии ума.

Часто мы склонны принимать за ум развитую способность к решению так называемых неточных задач — таких, для решения которых требуется специальное умение ограничить проблему, т. е. из очень многих факторов быстро отобрать те, которые имеют главное значение для решения именно данной проблемы. В военном деле, при ведении судебного следствия, во время игры в шахматы способность к решению неточных задач выявляется с большой полнотой.

Тут, однако, выявляется и отличие этой способности от ума в собственном смысле слова. Так, выдающийся шахматист вполне может оказаться заурядным и даже неумным человеком, что сразу чувствуют люди, вступающие с ним в общение. И наоборот, он может быть остроумным, милым, оригинально мыслящим, что тоже проявится в общении с другими людьми. Важно здесь то, что его коммуникативные способности, ум со способностью к решению неточных задач прямо не связаны. Это тонко подметил Стефан Цвейг в своей «Шахматной новелле». Пересказывать ее нет смысла, но стоит посоветовать прочесть.

И не только к шахматистам относится то, о чем мы сейчас говорим. Дело в том, что ум неразрывен со своим носителем — человеком. Вот главное. Естественно, людям хочется, чтобы ум выступал в наиболее эффективной форме. Но в жизни не всегда так бывает: многие люди, очень умные, житейски непрактичны.

И ум не сводится к одному только решению задач. Конечно, задачи перед людьми ставит действительность. Но конкретные задачи и пути их решения не всегда отличаются очевидностью. Одно из главных качеств ума заключается в способности находить задачи и искать пути их решения. А уж какие человек находит задачи в окружающей действительности, какие ищет пути для их решения — зависит от того, что он за человек и что за люди его окружают. Один обнаруживает и решает задачи, существенные только для него, его личных целей. Другой же видит задачи, существенные для многих людей, даже для всего человечества.

Надо сказать, что и при постановке задач, и в поиске их решения общение с другими людьми играет важную роль. Тут следует различать коммуникацию «горизонтальную» и «вертикальную» — контакты с современниками и чтение текстов, без которых невозможно достичь уровня знания, отражающего достижения человеческой мысли за всю историю ее развития.

Увидеть задачу, не очевидную для других, найти новые пути решения старых задач, разве это не значит изменить что-то в сознании — в собственном сознании и через общение — в сознании других людей?

Вот теперь мы столкнулись с главным появлением сущности ума — с изменением. Изменение каких-то элементов мыслимой картины мира, изменение самой действительности требует познания законов природы и общества. Увидеть то, что следует изменить, и понять, как это сделать, — в этом прежде всего ум и заключается. А один, сам по себе, без других человек не может ничего ни увидеть, ни понять. Вот и выходит, что такое, казалось бы, индивидуальное, личное качество, как ум, на самом деле формируется и выражается в тесном взаимодействии человека с другими людьми.

В заключение несколько советов. Существует так называемый принцип Рассела. Формулируется он так: человек бессознательно превращает то, что он слышит, в то, что он может понять. Вас могут понять неточно, а то и неправильно. То, что очевидно для вас, может быть неизвестным другим. Поэтому доказывайте. Опирайтесь на факты.

Никогда не спешите. Сокращать можно, переходить на скороговорку — нет.

Стремитесь к дискуссии между слушателями. Это поможет им глубже уяснить суть того, о чем вы говорили. Не обходите молчанием вопросы, которые их тревожат. Помните: люди глубже всего вникают в предмет, который затрагивает их интересы.

Интеллект

Не вызывает никаких сомнений, что для того, чтобы понимать, одного только знания языка недостаточно (хотя знать язык и необходимо). Интуитивно очевидно, что надо знать что-то еще. Намеренно упрощая, скажем, что необходимо иметь набор взаимосвязанных сведений о предмете разговора; такая система сведений у советского ученого Юлия Шрейдера названа тезаурусом (что в переводе с греческого означает «сокровище»).

Тезаурус постоянно пополняется в процессе коммуникации, то есть по мере поступления новых речевых сообщений. От тезауруса во многом зависит понимание.

Представим, что поступило новое сообщение. Если тезаурус невелик, то и разобраться в этом сообщении человеку будет трудно, соответственно и тезаурус не очень увеличится за счет вновь поступившей информации. С ростом и развитием тезауруса будет расти и количество информации, которая извлекается из поступающих сообщений. Но когда рост тезауруса пройдет некую высшую точку, из вновь поступающих сообщений человек станет извлекать все меньше информации. В чем тут дело? А в том, что много уже будет зафиксировано в тезаурусе: человек будет сличать вновь поступающие сообщения с имеющимися в тезаурусе данными и констатировать, что нового для него, в сущности, не так много. Он уже знает часть, если не все, что ему сообщили. Более того, он сможет, сверяясь с достоверными фактами, подвергать сомнению и даже отвергать часть содержания поступающих сообщений.

Как видим, даже при таком предельно упрощенном подходе становится заметно, что в процесс приема и обработки информации вмешивается отношение к семантике сообщений, к их содержанию, к их смыслу.

Поступающая и перерабатываемая информация не сразу усваивается и «раскладывается по полочкам» тезауруса. Тут все сложнее. Зачастую то, что человек узнал, приводит его в состояние тревоги, напряженности — возникает так называемый когнитивный диссонанс.

Индивид находится в диссонансной ситуации, когда он понимает, что поступающая информация противоречит его установкам.

Величина диссонанса зависит от значимости этих установок для человека и от силы воздействия поступающей информации.

И наконец, диссонанс достигает значительного и остро ощутимого индивидом уровня только тогда, когда обстоятельства принуждают его к выбору одной из альтернативных позиций.

Думается, каждый читатель с легкостью подберет примеры диссонансных ситуаций. Ведь у нас самое не предсказуемое прошлое в мире. Установки, которые сформировались (и, как говорят психологи, фиксировались, то есть подтверждались и закреплялись годами), вдруг вступают в противоречие с вновь поступившим сообщением: известный в прошлом оппозиционер и раскольник вдруг оказывается мужественным, хотя и жестоким революционером. Более того, его воспоминания о каких-то исторических событиях провозглашаются достоверным источником знаний об исторической ситуации. Хорошо еще, если вы не учитель истории. А если вы именно учитель, и учащиеся осыпают вас вопросами, в то время как за последним столом в углу сидит завуч» ветеран, человек твердых убеждений — зашел послушать молодого специалиста (это вы)? Возникнет ли когнитивный диссонанс? Достигнет ли он весьма ощутимого уровня?

Вполне возможно, что вы испытывали когнитивный диссонанс в иных ситуациях, и вам нетрудно будет их припомнить.

Состояния, порождающие желание преодолеть тягостное ощущение непонятности, смутно угрожающее пошатнуть опоры, на которых стоит сама картина мира» знакомы каждой личности. И выход из таких состояний нередко связан с определенным интеллектуальным ростом индивида.

Чем это объяснить?

Внутренний мир человека с необходимостью включает в себя картину мира, которая слагается на основе полученной и переработанной информации. Формирование понимания цели и смысла жизни происходит в сознании индивида, но основа понимания заключается в деятельности людей. Иными словами, человек обретает понимание окружающей действительности, оценку того, что он пережил и узнал, осознает цель и понимает смысл своей жизни на основе взаимодействия с другими людьми. При этом велика роль общения, ибо именно с его помощью человек вступает в осознанный контакт с другими. В процессе общения формируется в его внутреннем мире и так называемая минимальная (или доста-

точная — это менее точное определение) структура знаний о действительности, структура, необходимая для практической деятельности.

Но и деятельность эта усложняется со временем, да не служит она одним-единственным предметом общения: круг интересов человека в принципе шире того, чем он непосредственно занят в трудовом процессе. В общении с неизбежностью проявляется отношение индивида к тому, что он узнал и понял. И выявляется определенная недостаточность знания, неполнота, а то и неточность картины мира, необходимость выхода на новый интеллектуальный уровень.

Иногда это не осознается годами. Для окружающих это уже ясно, для индивида — нет.

Иногда это осознается как кризис. Со всеми сопутствующими переживаниями: огорчениями, попытками срочно что-то изменить, прочесть, понять. Но чаще всего происходит не очень даже заметный для самого индивида его интеллектуальный рост.

Можно сказать, что это диктуется самими функциями интеллекта.

Попытаемся их перечислить.

Интеллект необходим человеку как субъекту процесса труда. Заметим в этой связи, что об «искусственном интеллекте» заговорили именно в связи с участием особого рода машин (роботов) в процессе производства. Сейчас пределы употребления слова «искусственный интеллект» сильно расширились. «Разумные машины» стали (или становятся) необходимым дополнением интеллекта человека.

Интеллект необходим человеку социально: для того, чтобы он мог исполнять обязанности и осуществлять права члена общества.

В правовом государстве это связано, в частности, с пониманием законов, и не только буквы их, но и общего смысла, «духа законов». Ведь существует принцип, по которому незнание закона не освобождает от ответственности.

Интеллект необходим человеку для того, чтобы вступить в общение с себе подобными. Интеллект является средством сближения индивидов, обладающих общностью интересов.

Рассматривая интеллект как свойство личности, свойство человека как сознательного существа, можно отметить, что благодаря интеллекту человек способен предвидеть различные — близкие и отдаленные — последствия своих действий, а также формировать свои цели и уметь строить предположения относительно целей других людей.

Интеллект позволяет мысленно перемещаться «в пространство возможностей», отвлекаясь от непосредственной действительности и обращаясь к прошлому и будущему. Иначе говоря, интеллект позволяет находить, перебирать и сравнивать различные возможности, варианты природных и социальных процессов, человеческих судеб.

Замечательно, что интеллект отображает действительность таким способом, который позволяет ее изменить. Эта его черта выражается прежде всего в решении задач.

Развитие интеллекта дает возможность индивиду высвободиться из-под давления обычая, неосознанно принятого порядка действий, традиционной оценки взглядов и поступков. Соответственно в интеллекте скрыта возможность социального риска (связанного с нововведениями и не только социальными; давно замечено, что любое изобретение меняет судьбу изобретателя).

Если мы рассмотрим признаки интеллекта в их совокупности, то несомненно заметим, что общим для них является способность узнать, постичь, понять.

Возможно, так и следует определять интеллект наиболее общим образом — как способность понимать.

При этом мы никак не отождествляем его с характеристикой «скорости умственных процессов». Дело, по всей видимости, не в скорости мышления, а в правильном выборе угла зрения, под которым следует рассматривать те или иные факты. Дж. Уорнок прав, когда он говорит о Копернике и Эйнштейне: «Они сыграли важную роль не как открывающие новые факты, а как нашедшие новые точки зрения на старые факты»⁶⁶.

При таком — функциональном — подходе к интеллекту он представляется реализованной или, точнее, реализуемой способностью понимать, работающим знанием.

Взаимосвязь понятий «интеллект», «наука», «знание» интуитивно кажется очевидной. В чем же она заключается?

Первоначально «наука» означала особого рода деятельность, выражающую способность ведать неизвестное для других, причем эту деятельность можно перенимать непосредственно у ученого человека⁶⁷. Знание же было именно тем,

⁶⁶ Warnock G. I. *Analysis and Imagination* // *The 'Revolution in Philosophy*. — London, 1956. — P. 121.

⁶⁷ Отсюда выражение «отдать в науку».

что можно накопить, сохранить и передать. Оттенки этого различия сохранились в семантике слов «наука» и «знание» посейчас. Наука есть нечто существующее при неперменном участии ученых, в ее существовании неизменно присутствует момент творчества. В семантике слова «знание» этого оттенка нет, знание готово для передачи, оно вообще «готово» по определению, знание — это продукт, а не процесс. Если же обратиться к семантике слова «интеллект» (от латинского *intellego*— понимаю), то в нем присутствует и момент наличного, работающего знания, и момент творчества, созидания, проникновения в ранее неизвестное. В то же время интеллект есть свойство личности, ее необходимый компонент.

Интеллект наш как ценность существует только в своих конкретных проявлениях и только исторически. И эти конкретные проявления исторически связаны с постановкой и решением проблем, значимых для человека. Мы привыкли (к этому нас приучила жизнь, в которой ценятся обещания, выхваляются достижения и осуждаются ошибки) ценить правильные решения проблем. Действительно, как их не ценить? Но вопреки твердо установившейся традиции скрывать или проклинать ошибочные решения отметим, что правы психологи, считавшие существенным признаком человеческого ума попытки, поиск отклоняющихся от программы вариантов деятельности. Результаты бывают блистательны, а бывают и невыносимо тяжелы. Поэтому так важно анализировать ошибки (по принципу Спинозы: «не плакать, не смеяться, а понимать») и работать на моделях, экспериментировать в формах, позволяющих снизить до минимума возможные отрицательные последствия. Но это уже проблема социального контекста, в котором функционирует интеллект — с одной стороны и с другой стороны — проблема личности, с которой связан интеллект.

Сформулировано все это несколько даже неуклюже, но прошу вас задуматься — это очень важно.

Судите сами. Мы только что поименовали интеллект «работающим знанием». Как оно работает? Знание наличное - уже имеющееся, содержит такие сведения о действительности, которые позволяют уловить тенденция ее развития, «достроить» в уме то, что непосредственно, «простым глазом», усмотреть в ней нельзя. Интеллект выполнил эту функцию, расширил границы знания. Но чье это знание, кому оно принадлежит, в чей духовный мир оно вошло как составная часть? Знание — сила. Но тот, чья сила не подкреплена решительностью, все равно что бессилён.

А если знание и решительное его применение начнут изменять мир — и так, что он изменится необратимо и страшно? Возможности человека выросли чрезвычайно быстро. Вырос ли сам человек?

Быть может, ответом на этот вопрос может послужить текст, который вы сейчас прочтете, и краткий комментарий к нему.

«...Если бы я оказался у истоков времени, если бы имел возможность окинуть оттуда взором всю человеческую историю до наших дней и, если бы Всемогущий повелел мне: выбирай время, в котором хотел бы ты жить, — я совершил бы мысленный полет из Древнего Египта через Красное море — к земле обетованной. Но несмотря на ее великолепие, не остался бы там. Я отправился бы в Грецию, чтобы взойти на гору Олимп. Увидеть Платона, Аристотеля, Сократа, Еврипида и Аристофана, обсуждающих великие и вечные вопросы бытия. Но я не остался бы с ними. Я шел бы дальше — к великим золотым временам Римской империи, чтобы увидеть жизнь ее при разных императорах и разных вождях. Но не остался бы там. Я пошел бы во дни Возрождения — увидеть великую миссию Ренессанса в культурной и эстетической жизни человека. Но не остался бы и в том времени. Я пошел бы дальше по дороге туда, где жил человек, именем которого я наречен, чтобы увидеть Мартина Лютера в тот самый момент, когда он вывешивает свои 95 тезисов на дверях храма в Виттенберге. Но и с ним я не остался бы. А пошел бы дальше к 1863 году — увидеть президента по имени Авраам Линкольн, который подписал Хартию вольности. Но не остался бы там. А пошел бы дальше в ранние 30-е годы нашего века, чтобы увидеть человека, который сказал, что больше всего на свете люди должны бояться страха (это Франклин Рузвельт. — А. Б.). Но я не остался бы и там. Как ни удивительно, я вернулся бы к Всемогущему и сказал: «Если ты разрешишь мне пожить хотя бы несколько лет во второй половине двадцатого столетия, я был бы счастлив». Это желание может показаться странным, потому что мир, в котором мы живем, перевернут вверх дном, а страна наша больна, на ее земле неспокойно. Это желание может показаться странным. Но я знаю, что звезды видны только тогда, когда небо темное. И я вижу Всевышнего. Он трудится в нашем двадцатом столетии, в наше время. Он трудится, и люди, как ни странно, откликаются на его труд, и кое- что происходит, кое-что меняется в нашем мире. Массы людей поднимаются, массы... Живут ли они в Йоганнесбурге, Южная Африка, или Найроби, Кения, в Акире, Гане или Нью-Йорке, в Атланте, Джорджии, в Джэк-

соне, Миссисипи или в Мемфисе, Теннесси, их возглас один и тот же: «Мы хотим быть свободными!» Есть и другая причина, почему я счастлив, что живу в нашем времени... Мы собираемся решить проблемы, которые люди пытались решить в течение всей своей истории, но не смогли...»⁶⁸.

Это отрывок из речи, которую произнес священнослужитель Мартин Лютер Кинг.

Как видите, знание истории человечества здесь работает на вполне ясную цель: показать, что путь человечества есть путь к свободе.

Этот текст убедителен.

Не менее убедителен и тот факт, что ровно через сутки Кинг был убит.

На надгробном камне его написано, что он наконец свободен. И во всех странах мира есть могилы, на которых стоило бы написать эти слова.

⁶⁸ Цит. по: Боровик Г. А. Пролог. — М., 1985. — С. 562—563.

Психология свободы⁶⁹

Брудный А.: Лекция называется «Психология свободы». Друзья мои, то, что свобода имеет очень большое значение, вам доказывать не надо. А вот по поводу, что такое психология свободы, существуют весьма различные мнения. И никакого конечного решения этого вопроса, вы, конечно, не ждите. Я лишь расскажу об определенных взглядах на этот вопрос и надеюсь, что мой коллега, с одной стороны, добавит что-то, а с другой – представит другие точки зрения на этот вопрос.

Для вас не ново, конечно, что русло, в котором течет человеческая свобода, образуют цивилизация и культура. Ребенок чаще слышит слово «нельзя», чем «можно». И это естественно, потому что, для того, чтобы человек почувствовал себя свободным, он должен ощутить и определенные ограничения этой свободы, задающие ей направление. Как это понять? Да просто: «не убий; не укради; не пожелай жены ближнего своего, осла его и имущества его...». Всем известны десять заповедей. Все они начинаются со слова «НЕ», со слова «нельзя». Так вот, чтобы человек почувствовал себя по-настоящему свободным, чтобы река желаний текла в нужном для него самого и человечества направлении, для этого он должен с самых ранних лет ощутить наличие определенных берегов свободы. И эти берега свободы, в нашем обычном речевом выражении выражаются словом «порядок».

И тут встает первая проблема, о которой мы должны сказать хотя бы несколько слов. В Латвии на памятнике свободы написано: «Порядок и свобода». А вот в одном из швейцарских кантонов на стелле, которая тоже отмечает факт свободы и, по-моему, факт основания кантона, написано: «Свобода и порядок». Что же должно стоять на первом месте: «свобода» или «порядок»?

Друзья мои, это великий вопрос, на который еще никто не дал достаточно удовлетворительного ответа. Несомненно одно – порядок, который ребенок начинает впитывать с самых ранних месяцев своей жизни, задан ему как-то извне, из семьи, наконец, из общества. И этот порядок, как выражался Выготский,

⁶⁹ В январе 2008 г. в рамках одного из проектов АУЦА было предложено провести совместную дискуссию с выступлениями А. А. Брудного и В.А. Коротенко по вопросам психологических аспектов феномена свободы. Как помнится, большая аудитория университета была полна. Послушать Арона Абрамовича пришли не только студенты и преподаватели самого АУЦА, но и представители гуманитарного знания других вузов и институтов Бишкека.

ребенком интериоризируется, усваивается, присваивается, и сами мысли его и желания обретают определенные границы.

Но живет человек не один, и живет он не в пустом пространстве. Мы сейчас находимся в Азии. Многие из нас родились в Азии и живут в ней. Как говорил Честертон: «Азия - это человечество в своей человеческой судьбе, величиной своей, множеством народов, высотой былых побед и глубинной темных раздумий, она очень похожа на то, о чем мы думаем, когда говорим: «Весь мир». Она, скорее, космос, чем континент. Таков мир, созданный человеком, и в нем немало прекраснейших человеческих творений». Согласно Рут Бенедикт, среди цивилизаций, которые зародились в Азии, есть такая общая черта, которая именно образует берега свободы. Какая же это общая черта? Рут Бенедикт здесь предлагает выражение «цивилизация стыда». В каком смысле? А в том, что человек не делает того, что ему стыдно делать перед другими. Казалось бы, во всем мире есть чувство стыда. «Не совсем так», - говорит эта выдающаяся женщина. Возьмем Азию: тут стыдно не дать, когда просят, а возьмем Европу – там человек, который просит, испытывает какое-то внутреннее чувство вины. Ну, просит человек займы, что ему, собственно говоря, стыдиться? Бывает – денег нет... И все-таки, всем нам знаком этот оттенок – вроде, я сам виноват, что у меня нет денег. Это – цивилизация вины.

Цивилизация стыда связана с тем, что людям стыдно не помочь другому человеку, стыдно поступить перед другими людьми так, что они его осудят. Цивилизация вины – другая цивилизация. Она строится на том, что другие люди могут быть сильнее, богаче, и они могут тебя осудить. И ты чувствуешь себя перед ними виноватым. Чего собственно бояться миллионеру, какое у него чувство вины?

Друзья, и здесь есть причины – никто из вас не сомневается в том, что и самый богатый человек на свете, может быть разорен в несколько дней, если другие богатые люди договорятся это сделать. Вы все это хорошо знаете. Сегодня объявляли по Euro-news, что во французском банке Général, украли 5 млрд евро. Причем говорят, что украл один человек. Как такое может быть? На всех этих событиях, которые сейчас происходят во всем экономическом мире, банк потерял 2 млрд, а тут какой-то никому неизвестный и вдруг ставший известным всему миру один человек виноват в том, что он украл, растерял, растратил! – 5 млрд евро. Это какой-то мелкий служащий. Ну, кто верит? Да никто не верит, ясно, что он взял на себя чужую вину, и под каким-то, видимо, давлением. Но это тот мир, в котором

чувство вины распространилось среди многих людей и, слава Богу, всегда есть на кого свалить.

Цивилизация стыда – иная. Японский самурай вгоняет в себя меч, потому что ему бывает стыдно перед другими людьми, он жить не хочет, потому что раз в жизни струсил, и это чувство из него не уходит, и он с этим жить не может. Это другая цивилизация и другой подход.

Спрашивается: значит, есть какие-то другие внутренние ограничения, налагаемые на свободу моих поступков? Это должны быть не просто любые поступки, а, наверное, те поступки, которые отвечают цивилизационным нормам общества, в котором мы живем. Что же, в обществе никаких преград что ли нет? Установили нам эти официальные нормы, а мы их усвоили? Нет, конечно, – есть преграды, это очевидно.

Каждый из нас знает: мы живем в мире, в котором чего-то всегда недостает. Всем нам недостает денег, влюбленному недостает возлюбленной, зданиям недостает высоты, квартирам недостает метража. Недостающее всегда есть в мире – это великая преграда для нашей свободы. Как преодолеть эту преграду? Наверное, надо сделать выбор пути, по которому мы преодолеем преграду к тому, чего нам не хватает.

Жан Поль Сартр говорит: свобода – это выбор. Вот если вы можете выбрать среди ряда вариантов – это свобода. И вообще, любому человеку можно сказать: «Ты – это твой выбор». Но что надо, чтобы сделать свой выбор? Наверное, надо иметь желание. А желание требует осознания того, чтобы это не было нечто смутное, неосознаваемое, тяжелое – давящая потребность. Потребность и желание – это вы знаете – разные вещи. Всякая потребность распадается на множество желаний. Каждый имеет потребность иметь крышу над головой. Но желание здесь позволяет одним людям добиваться одних размеров и высоты крыши, а другим людям – других. Проще говоря, для того чтобы иметь желание, требуется сознание – как минимум.

И тут мы сталкиваемся со второй проблемой. Первая уже обозначилась – она состоит в том, что свобода зависит от цивилизации, в которой мы живем. Вторая проблема – это необходимость обладать сознанием, которое диктует нам желания.

Вы знаете, слово «сознательный» в относительно недавние времена означало разные вещи. Во время революции оно означало «революционный»,

«непослушный», «свободный». Но прошло несколько лет, и слово сознательный стало означать «послушный», «дисциплинированный». Кто в этом случае самый сознательный? А тот, кто ни с кем не спорит, слушает, что ему говорят.

Наверное, значение этого слова зависит от того, что надо понимать под сознанием. Определений уйма, я, готовясь к докладу, насчитал 74, и это еще без особого углубленного изучения, так сказать.

Но одно меня поразило – и, наверное, это правильное определение – что сознание – это то, что от нас ожидают другие. А если у нас нет этого ожидания, или мы не выполняем это ожидание, нам говорят – «безумный», или «без сознания» или «он потерял сознание». А какие, собственно, главные признаки утраты сознания: вот некто лежит неподвижно, закрыл глаза... А, может, он спит? А то, что, сон – это бессознательное состояние, хоть и есть во сне сознание – про это все знают. Нет, тут все не так просто. Сознание — это то, что является социально желательным. А что является социально желательным?

Академик Крылов говорил по этому поводу следующее: «Если вы готовитесь к докладу, к выступлению, загляните обязательно в две книги: в Библию и в Наполеона», потому что и в Библии, и в письмах, и в высказываниях, записанных Наполеоном, вы всегда найдете что-то важное и нужное, то, о чем вы, может быть, раньше и не думали. И вот, с уже готовым текстом, с которым я сюда к вам пришел, заглянув как раз в Наполеона, я неожиданно нашел у него очень интересную мысль. Он говорит: «Ну, ясно же, как устроено общество: если ты не наверху, ты – внизу, тут сомнений нет. Но ведь надо бы, чтобы те, кто наверху делали то, что они *должны* делать перед обществом, тогда те, кто внизу смогут делать то, что они *хотят*. Но человечество до этого не поднялось», - сказал Наполеон – в жизни все наоборот: те, кто наверху, делают то, что они хотят, а те, кто внизу, то, что они должны». И это, конечно, тот недостаток общественного устройства, который зависит не столько от истории, не столько от экономики, сколько от самих людей.

Что значит «от самих людей»? А вот мы сейчас попробуем в этом разобраться. Согласно учению Фрейда, наш внутренний мир – напоминает огромный айсберг, а вы знаете, что лед легче воды. Поэтому, чтобы айсберг погрузился в воду, его нижняя часть должна быть больше верхней, и я даже могу сказать, что это основная часть айсберга погружена в воду, а та гора, которая торчит – это лишь одна седьмая часть. К чему это сравнение? К тому, что сознание, о котором мы только что говорили,

то, что заметно другим и то, что является социально желательным – собственно сознание – занимает, по-видимому, ну, грубо, одну шестую или одну седьмую часть нашего внутреннего мира. А остальное является бессознательным. Хорошо это или плохо?

Друзья мои, природа не знает таких критериев, она не может нам сказать кислород хороший, а азот плохой. Природа знает только факты. А факт заключается, по-видимому, в том, что бессознательное занимает очень большое место в нашем внутреннем мире. Но и не сводится весь наш внутренний мир к бессознательному. Бессознательное – это мир наших желаний, мир наших влечений, мир того, о чем мы в начале лекции говорили. То, чего мы стыдимся и вытеснено туда – в бессознательное. Это огромный мир, он не подобен памяти. О нем Фрейд сказал так: «Это то, что мы не можем вспомнить и то, что мы не в силах забыть». Это находится у нас внутри, глубоко в нашем бессознательном. И желания, страхи – они влияют на наше поведение. Я вам скажу больше, по-видимому, от этих влечений человеческая жизнь зависит даже больше, чем от внешних воздействий.

Итак – это бессознательное. Но есть и другая, верхняя часть айсберга, верхушка которого составляет «сверх-Я». Вот не «Я», а «сверх-Я», та самая часть моего внутреннего мира, о которой мы тоже говорили только что – это то, что мы усвоили от других людей. Это те самые воспрещения, та система запретов, которые мы не должны нарушать, чтобы существовало само общество. «Не укради», «не убей» и восемь других, но и другие запреты тоже там есть.

Значит, «сверх-Я» и в самом низу огромное «Оно». А где же «Я»? А «Я» между ними. «Я», - говорит Фрейд, - это самый великий дипломат на свете, с одной стороны, он выполняет все запреты «сверх-Я» - все требования общества, а с другой стороны – все желания, которые скрыты в глубине нашего бессознательного. Как это ему удается? Спросите себя сами – удается, оказывается...

Таким образом, внутренний мир человека, он не знает полной свободы, он полон борьбы и он изменчив. Но когда мы говорим о свободе, применительно к цивилизации – с чего мы начали – встает вопрос о том, насколько мы свободны в своем выборе перед другими людьми, перед обществом? Насколько мы сами делаем этот выбор, или он нам подсказан? То ли нашим бессознательным, то ли нашим «сверх-Я», а выбор делает «Я». Какой же выбор свободен?

Вы знаете, легко сказать, что наука не знает достаточно полного ответа на этот вопрос, что выбор – это процесс глубоко внутренний, личный, что выбор одного человека не совпадает с выборами других... Это все правда.

Но здесь мы должны поставить вопрос о желании. Ведь если я что-то выбираю – значит, желание есть. Но вот какое желание? Предполагается, что выбор по желанию – это тоже естественный, до известной степени не полностью осознанный внутренний выбор. Женщины, которые примеряют туфли в магазине, они знают, что это не простой процесс, и связано это не с тем, что нужно подобрать туфли по ноге, чтобы они не жали, а, скорее, с тем бессознательным чувством, что вот в этих туфлях нога будет красивее и длиннее. Это бессознательное чувство, но оно существует.

Так и многие другие наши чувства, не имеют полного реального, осознанного основания, но они – эти основания есть – и они частично погружены в глубину нас самих. Таким образом, можно предположить, что значение свободы заключается в том, чтобы мы свободно оценивали и реальность, и наше желание. Удастся ли нам это?

Вы знаете, я не знаю... Я думаю, что ни один человек этого не может и не сделает никогда. Правильно говорит Эрих Фромм, что у человека должен быть волшебный помощник. Этот волшебный помощник помогает ему сделать правильный выбор и правильно оценить свободу своих поступков. Кто этот волшебный помощник? Для ребенка – это мама или папа, для мужа – это жена. Проще говоря, это тот второй человек, без которого на свет не появляется третий, т. е. ребенок. А вы знаете, что если бы на свет не появлялись дети, то и нас бы здесь не было. Таким образом, от волшебного помощника зависит то, что в одиночку мы сами сделать никогда не сможем. И когда мы говорим о выборе, то это выбор не только крова над головой, о чем мы говорили, не обязательно выбор вещей, не обязательно выбор профессии, хотя это все очень важно, но это еще и выбор волшебного помощника. Человек его ищет и находит на протяжении жизни.

Я хотел бы заключить свое сообщение тем, что сказано у Платона, а он это заимствовал у Эмпедокла, о том, что некогда люди были гермафродиты, т. е. они были и мужчинами и женщинами одновременно. Затем по воле богов они были рассечены на две половины и эти половины были рассеяны по всей поверхности земли, и с той поры, одна половина всегда ищет другую, а когда она ее находит, у

них рождается тот, кто ищет в свою очередь свою половину. Есть ли основания у этой легенды в чисто генетическом плане?

Я думаю, об этом больше знает коллега Коротенко, он все-таки генетик, хотя и защищался по философии. Но я лишь хочу сказать, что и в этом вопросе, главным, может быть вопросе жизни, в вопросе выбора волшебного помощника человек не полностью свободен, ибо никто не знает, почему один полюбил другого. Тем более, как объяснить, что мы любим своих детей? Никакого это объяснения не требует. Любим и все. Что мы их заранее проектировали? Строили, как какие-то здания? Никогда. Писали, как книги? Никогда. Появились на свет – да полюбили. Это тоже самое, что с родиной, нам же перед рождением не показывают ряд стран, чтобы мы выбрали какую-то, которая нам больше всех понравилась бы, и мы сказали – вот наша Родина. Ан нет, такой свободы выбора мы лишены, мы просто рождаемся здесь и должны любить эту землю. Один остроумный философ по этому поводу заметил, что ему это глубоко не нравится, это все равно, что сказать человеку: «Ты должен любить эту женщину, потому что она твоя жена». А вот ты должен любить эту землю, потому что ты на ней родился. Ответ должен быть один: «А что, не правда, что ли?» Правда.

Я понимаю, что я вам нарисовал лишь общую картину, в которой течет поток желаний в русле каких-то ограничений и допущений, я обошел все политические вопросы, о которых мог бы, конечно, много говорить. Но, мне кажется, что главное для нас сейчас усвоить то обстоятельство, что внешняя свобода – это порождение нашей собственной внутренней свободы, которая не всегда осознана, но есть и требуется.

Спасибо.

Коротенко В.: Добрый день, уважаемые дамы и господа. Не простая у меня сегодня задача – рассуждать про высокие материи, тем более, вслед за Ароном Абрамовичем. Я счастлив, что мы работали долгое время вместе, и постараюсь построить продолжение заданной линии и, возможно, дать какие-то дополнительные краски в ту палитру, которую великолепно представил Арон Абрамович.

Сразу скажу, что постараюсь говорить, в некоторых оппозициях. Меня учили, что если метафорически представить мышление и понимание как некие действующие субстанции, то понимание проявится как нечто заполняющее пространство, тонкое и обволакивающее объект, в то время как мышление – жесткое, все

режет посредством бинарных оппозиций на ясные топы. Это такая методолого - метафорическая предпосылка, а дальше я хочу пойти в том же ракурсе, который задал Арон Абрамович.

Наша тема называется «Психология свободы». Психология свободы - это явление и наука, которая имеет отношение к внутреннему миру человека. В этом смысле первое разделение, которое сразу напрашивается, - это оппозиция внешнего и внутреннего, т.е. мира, который реализуются во вне, и всего, что происходит внутри. Надо сказать, что это вещи различные (внешнее и внутреннее), потому что согласно французскому исследователю, психоаналитику Жаку Лакану, никакого внутреннего без внешнего нет, потому что внутреннее появляется в процессе символизации вместе с языком. Т.е. собственно говоря, весь наш внутренний мир выстраивается со всеми его проблемами свободы, желания, выбора и так далее, тех нюансов, о которых говорил Арон Абрамович, исходя из того, что на нас «приживается» («приседает»), по терминологии Лакана, язык. Можно сказать, что язык живет своей имманентной жизнью, а в нас он реализуется. Внутреннее пространство, которое в феноменологии представляется как «ландшафт сознания», в нас появляется, формируется, когда мы после своего биологического рождения приобретаем язык под воздействием говорящего (человеческого) окружения.

Заметим эту важную посылку, что внутреннее психическое пространство появляется по подобию внешнего посредством языка. Более того, тот таинственный, сакральный и одновременно пугающий аспект внутреннего пространства – бессознательное, - по Лакану, также организовано в глубине своей как речь как язык⁷⁰.

Т.е. в языке уже содержатся как основания для реализации сознательных феноменов или осознаваемые нами семиотические процессы знаковозадавания, знакопонимания, знакоосмысления, так и другие семиотические процессы, которые не попадают в фокус сознания. Более подробно об этом можно посмотреть в работе В.Зинченко и М.Мамардашвили⁷¹. Эта дипластия также создает предпосылки для различения внешнего и внутреннего, а с другой стороны, ограничивает или наоборот расширяет пространство нашей свободы.

⁷⁰ Лакан Ж. Образования бессознательного. Семинары: Книга V (1957/1958) / Ж. Лакан; Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: ИТДГК «Гнозис», Издательство «Логос», 2002.

⁷¹ Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Изучение высших психических функций и категория бессознательного \ \ Бессознательное. Многообразие видения. – Новочеркасск: Сагуна, 1994. – С. 69- 77.

Чтобы прояснить вышесказанное, хочу прочесть два отрывка из стихотворений, которые, на мой взгляд, очень хорошо демонстрируют это различие. Почему я выбрал стихотворения? Готовясь к этой лекции, прочитал Гаспарова, который говорит, что поэзия - это есть упражнение для прозы⁷². Чтобы проза была более насыщена и сильна, надо пользоваться стихами.

Американский писатель Амброз Бирс в своем словаре афоризмов по поводу свободы сказал следующее:

Раб дождался свободы чайной,
И вот надела на него судьба
Вместо ошейника с именем хозяина,
Ошейник с собственным именем раба.

Очень интересное толкование дано в этом четверостишии: с одной стороны, судьба одевает ошейник, т.е. человек - раб по внешним причинам, но с другой стороны, она надевает ошейник с именем, а имя - это уже символическое, то, что относится в большой степени к внутреннему миру. Таким образом, это стихотворение – о своеобразной трансформации свободы внутреннего мира, которая порождает много сложностей, которые сегодня пытаются решить в рамках экзистенциальной психологии.

Целое направление в психологии – экзистенциальная психология с ее подсистемой - экзистенциальный психоанализ, в отличие от других направлений рассматривает свободу не столько как благо, сколько как проблему: на человека его свобода «сваливается» с приобретением собственного имени (языка), и человек имеет свободу, но вынужден выбирать и нести полноту ответственности за сделанный или не сделанный выбор.

Вдругом стихотворении нобелевского лауреата Иосифа Бродского показывается трактовка свободы как феномена исторического, событийного, а следовательно, внешнего:

Я не то что схожу с ума, но устал за лето.
За рубашкой в комод полезешь, и день потеряю.

⁷² Гаспаров М.Л. Записи и выписки. - Издательство: Новое литературное обозрение. – М., 2008.

Поскорей бы, что ли, пришла зима и занесла всё это —
города, человекoв, но для начала зелень.

Стану спать не раздевшись или читать с любого
места чужую книгу, покамест остатки года,
как собака, сбежавшая от слепого,
переходят в положенном месте асфальт.

Свобода — это когда забываешь отчество у тирана,
а слюна во рту слаще халвы Ширази,
и, хотя твой мозг перекручен, как рог барана,
ничего не каплет из голубого глаза.

1976

Можно увидеть разницу в том, что оба автора пытаются сказать о свободе. Бирс говорит о том, что свобода неразрывно связана с ответственностью, делая «свободный» выбор, стоит помнить, что ты становишься «рабом» этой свободы через ответственность за нее. Бродский считает свободой, «когда ты забываешь отчество у тирана», т.е. когда человек не находится под давлением социальных ограничений, предписаний, преград независимо от его внутреннего состояния, он может считать себя свободным.

Можно привести еще два афоризма. Один – Станислава Ежи Леца, выдающегося польского поэта и философа - про внешнюю свободу: *«Многие бумеранги не возвращаются, они выбирают свободу»*, т.е. свобода - это возможность не двигаться в заданной социумом траектории. Российский академик Петр Леонидович Капица дает другое определение: *«Чтобы быть счастливым, человек должен вообразить себя свободным»*. Здесь появляется связка между внутренним и внешним миром, т.е. с одной стороны, ты должен иметь возможность не двигаться в том направлении, в котором тебя вынуждает социум и социальные системы, с другой стороны, ты должен (если можешь) нести ответственность за этот выбор.

Чтобы двигаться дальше в нашем рассуждении, стоит сказать несколько слов о различении некоторых базовых понятий в философии и экзистенциальной психологии. Экзистенциалисты по-новому, в отличие от классической европейской философии, различают бытие, существование и сущность. Бытие ими представляется как некоторая непосредственная нерасчлененная целостность субъекта и объекта,

человека и мира. В качестве подлинного бытия, начального бытия выделяется само переживание, а именно – переживание человеком своего «бытия-в-мире». При этом бытие понимается как непосредственно данное человеческое существование, как экзистенция. Таким образом, в философии экзистенциализма бытие противопоставляется сущему (наличному существованию, данному в опыте) или сущности (застывшему, вневременному существованию), где центром становится не некое изолированное сознание человека, а сознание, точнее, духовно-психическое (сознание и бессознательное), взятое в неразрывном единстве с человеческим бытием: в центр ставится человек, его активность, его уникальность, возможности свободы, открываемые самим бытием.

В данном контексте процессы самопостижения приобретают другой смысл: когда человек может понимать или постигать себя как неповторимое существование (экзистенцию), он и обретает свободу. То есть человек приобретает свободу в момент выбора, выбора самого себя, выбора своей сущности, выбора своего пути. И этот момент выбора - и есть реализация свободы. Исходным пунктом такой трактовки было понимание Сартра, что свободный выбор, который делает человека из самого себя без причины, детерминированной внешним миром, тождественен тому, что мы называем судьбой. Это отношение судьбы как внешней проявленности нашего выбора, основанного только на внутренней (в этом смысле свободной) причинности.

Обратим внимание на технику перехода между внутренним и внешним, и мы с Ароном Абрамовичем в ряде дискуссий пришли к заключению, что таким переходом, своеобразным мостом можно рассматривать процесс рефлексии. Т.е. в самопознании мы можем найти единственное непосредственное понимание или подтверждение реальности бытия (по Декарту). Причем рефлексия - это некоторый акт, когда через внешнее я могу смотреть на свое внутреннее. Язык дается мне из вне, формирует мое внутреннее пространство и также дает возможность смотреть внутрь и изучать, что там происходит. Рефлексия также позволяет смотреть и структурировать внешний мир (например, общение с людьми, коммуникацию), т.е. это некоторый процесс, который освещает мое внутреннее через внешнее.

Здесь опять возникает вопрос: свободен ли я в формировании фокуса этой рефлексии, что ее задает - социальная среда или все-таки я сам выбираю? Теоретически можно сказать, - да, мы можем сами выбирать. Часто ли мы это

делаем? Скорее всего, нет, потому что больше идем по каким-то накатанным путям.

Здесь можно выделить несколько проблем. С одной стороны, само существование в осознанном смысле, говорят экзистенциалисты, связано с некой болью. Боль от чего? Боль от того, что это существование прерывно. Т.е. и желание есть, и язык позволяет думать о существовании как о непрерывном процессе. Например, как отмечает Арон Абрамович, в любви к детям, в которых мы каким-то таинственным способом видим продолжение своего существования. В этом продолжении существования в детях мы справляемся с болью от ограничения бытия, т.е. первая проблема бытия, которая встает в экзистенции - это неизбежность смерти.

Другая проблема связана с тем, что свобода дает возможным сделать нашу жизнь такой, как мы хотим, но это больно и тяжело, гораздо легче сослаться на обстоятельства, что за нас что-то сделали, страна приняла то или иное решение, академический совет сделал то-то, а я здесь только некоторый элемент чьего-то чужого выбора. С осознанием себя как существа, ответственного за свой выбор, мы приобретаем эту новую боль.

Еще одна, на первый взгляд, странная проблема, связанная с тем, что если мы сейчас задумаемся о собственно смысле нашего существования, то вряд ли у нас будет достаточно ясный ответ. Проблема в том, что такого очевидного смысла существования нет, и мы должны его породить. Необходимость порождения смысла нашего существования добавляет нам некоторые новые аспекты проблем, болей и т.д.

Можно привести массу способов, которые помогают нормальным людям уходить от этой боли существования. Почему я ввожу деление «нормальные / ненормальные», потому что у тех, кто с этим справляется, жизнь как бы более-менее течет, а есть люди, которые не справляются, они попадают в другое пространство, и мы считаем их уже людьми с какими-то психическими отклонениями. Хотя мир этих безумцев, он вполне может быть осмысленным миром, он также имеет смысл.

Экзистенциальный анализ, опираясь на знание о боли существования, исходит из посылки, согласно которой подлинно личностное в человеке раскрывается только тогда, когда он освобождается от причинных связей в материальном мире, и направлен на то, чтобы помочь человеку с какими бы то ни было отклонениями осознать себя свободным существом, способным к самодетерминации.

Психическое заболевание - это следствие утраты непрерывности

самовосстановления. Это крайняя степень неподлинности, некоторого разрыва, удаленности от этой свободной возможности трансцендировать и брать на себя ужас за бытие. Я вынужден говорить про психоаналитические вещи именно в контексте того, что каждый из нас может оказываться в невротических состояниях, и надо себя как бы улавливать в этот момент. В каких-то ситуациях мы можем терять вероятность бытия и резко сужать векторы или коридоры свободы, которые представляются как возможности, т. е. если мы заужаем возможность или если мы видим ее завязанной вокруг определенных вещей, стоит отклониться и посмотреть более широко.

Здесь еще надо вспомнить о лакановской трактовке, что именно свобода отличает нас от животных. По его мнению, то, что отличает человека от животных подчинено внешнему миру и поэтому как бы застывшее, превратившееся в «застопорившуюся машину». Животный мир - это область Реального, и там происходят реальные процессы, а человеческая сфера - это сфера символического. Свобода реализуется в языке, в художественном творчестве, во внутреннем мире, благодаря чему мир символический, как бы надстраивается над миром реальным, т.е. он его может даже границами превосходить, где-то сужаться, но где-то и превосходить. В этих внутренних проявлениях творческих актов и во внутреннем осознании боли бытия и принятии ответственности за свою жизнь, - можно находить акты свободы.

В части рассуждения о социальной жизни и свободе, о том, как свобода реализуется в социопрактиках, рассмотрим примеры из фильмов, в частности голливудского фильма «300 спартанцев». Давайте подумаем, на чем зиждется жизнь спартанцев в фильме. С точки зрения современного цивилизованного человека, достаточно абсурдными видятся представления спартанцев о свободе и чести, которые основываются на некоторой очень жесткой и военной дисциплине, допускающей, чтобы слабых и детей просто сбрасывали со скалы и убивали. Очень странное социальное проявление свободы. Но можно на это посмотреть таким образом, что абсурдность этого полагания – и есть цена свободы. Ведь свобода — это не значит, что мы ничего не должны платить за ее реализацию. Потому что, помните, как в праве: «мое право заканчивается там, где начинаются права другого». Здесь появляются самые сложные и тонкие ограничения для моей

свободы, т.е. она не дается мне изначально и в этом смысле мы должны понимать, что социальная свобода обретается в тяжелой борьбе, в которой каждый должен быть готов поставить на карту все. И в этом смысле спартанская дисциплина, в контексте фильма, - это не только противопоставление афинской, так скажем, либеральной, свободной демократии, а это неотъемлемое существование или как бы неотъемлемая свобода. То есть свободный разум может появиться только в системе жесткой самодисциплины. И это истинная свобода – это не та, которая позволяет выбирать с некоторого безопасного расстояния: хочу - выбираю, хочу - нет. Так можно говорить, например, когда нам предлагают: клубничное мороженное или шоколадное. Этот выбор не является выбором свободы. Этот выбор реализации желания, здесь острота ответственности не проявляется. А когда же она появляется?

Проблема в том, откуда появляется тезис, что подлинная свобода может не отходить от необходимости, и человек только тогда начинает выбирать по-настоящему, когда его выбор становится вопросом жизни и смерти. Причем жизнь и смерть здесь можно рассматривать не только в плане физического существования, но, например, и в плане существования как внутреннего субъекта. Проблема в том, что мы можем очень по-разному относиться к себе как внутреннему субъекту; как данности, которая дается навсегда; или как к постоянному процессу, который в результате наших речевых актов, жизненной деятельности, столкновений и так далее, постоянно пересобирается заново. Наша свобода внутренне проявляется в такой пересборке субъекта, а внешне мы можем говорить, что она проявляется, когда мы берем на себя ответственность за решение: жить этому или не жить, существовать этому или не существовать.

Вопросы

Из аудитории. Султаналиева, доцент кафедры журналистики БГУ. Вот вы подчеркнули, что внутреннее реализуется в языке. У меня такой вопрос, скажите, бессознательное и внутреннее, как реализуются у тех, кто владеет не одним, а несколькими языками? У того же писателя Иосифа Бродского, Мара Баджиева, Чингиза Айтматова.

Брудный А. Точная формулировка вопроса о том, как структурируется

бессознательное как язык?

Коротенко В. Давайте я попробую ответить. Проблема в том, что в моем тезисе или у Лакана, язык – это нечто большее, чем один язык, в данном случае это некоторая возможность связывать означающее и означаемое. Т.е., язык как система, которая работает между двумя этими не связанными полями, т.е. ведь совершенно нет очевидности, что этот предмет называется бутылка и т.д. Так вот, я думаю, что люди, которые владеют несколькими языками – поле их внутреннего мира гораздо более структурировано и захватывает гораздо большее пространство свободы и возможности выбора, если говорить в контексте нашего выступления.

Брудный А. Я бы добавил. Пожалуй, вы знаете, есть такие вещи, которые почему-то запоминаются только на том языке, на каком они сказаны. Вот мы не договаривались, а я сегодня... Вы знаете, Саади – великий поэт. Я реально персидского языка совершенно не знаю, ну какие-то отдельные слова. Но когда он говорит: «Хардамас омух меравад нафаси чон мегах михабад намангнабаси» - «Ежеминутно уходит из жизни по одному дыханию, а когда мы заметили их уже почти не осталось». Или, я как раз это запомнил хорошо: «Мункалиб дар дарунезамейиносчахавардарад ас шабонедорос?» - «Тот, кто нежится в теплой постели, что он знает о длинных ночах?» Вы знаете, это по-русски конечно тоже звучит, даже смысл передается, но здесь есть такая музыка, без которой это... как-то не то... Ну, как мы знаем многие песни, к примеру, которые хорошо звучат только с мелодией. Так вот и эти слова о том, что человек нежится в теплой постели, он не может понять, что такое длинная ночь. Это хорошо звучит только тогда, когда он говорит, - «чахавардарад ас шабонедорос» - это как музыка. С этой точки зрения, я думаю, правы были наши недавние предки, которые изречения запоминали на латинском языке, на греческом – они там звучат, по-настоящему, звучат. Недавно я читал одну книжку, вы не рассердитесь, если я приведу пример? Дело в том, что в древнем Риме, когда поступали какие-то анонимные письма, ну вы представляете, компромат всякий: грязные заявления, доносы на жену, ну, всякая гадость. Так древние римляне говорили: «Пуне солес нон русете». Проще говоря, - пусть он это сунет туда, куда солнце не светит. Это очень верно. По-русски звучит грубо, а по латыни очень точно. Так и многие слова, сказанные на другом языке – они звучат только в рамках этого языка той настоящей музыкой. Как это: «Кимге айтам куну туну, кимге барам куну туну», или можно переставить: кимге – скажу, к кому

пойду. По-киргизски это хорошо очень звучит. Ну а по-русски, говорить нечего есть просто замечательные стихи – точные красивые, их приводил мой коллега, очень красивые, поразительно красивые. Но ведь главное, наверное, в смысле. Сегодня приходил Кубатиев, мы с ним вспоминали стихи Шварца, и у него есть такое очень странное стихотворение, которое называется «Самоубийство». Он говорит:

Когда все чувства замолчали,
Меня хвостатые спасли,
В моей руке предмет печали,
Его мне черти принесли.
Вползая в розовое мясо,
Пройдет железа нежный свет,
Я был певец другого класса,
Других уж нет, пропал и след.
Прощайте клумбы, тети, дети
И ты, что смотришь не спеша,
Как в небесах в лазурном свете
Летит бессмертная душа.

Здорово, правда, поразительно! Нет, друзья, здесь очень много музыки... В этом смысле неисчислимы вред школы, которая нам всякие дурацкие стихотворения вдалбливала в голову, и с тех пор их уже никто и читать уже не хочет, и слушать. На самом деле, многие тексты стихотворные больше значат, чем серьезные прозаические тексты. Это замечательные формулы – четкие, ясные. Типа:

И неимущим и богатым мы одинаково нужны,
Сказал патологоанатом и вытер скальпель о штаны.

Смех в аудитории.

Брудный А. А что, не правда что ли?!

Из аудитории. Павел, факультет журналистики. Арон Абрамович, как Вы думаете, почему в странах с цивилизацией вины – западных странах – те, что наверху, чаще лучше справляются с обязанностями, с тем, что они должны, чем в

странах с цивилизацией стыда?

Брудный А. Я не думаю, что такие представители цивилизации стыда, как японцы, справляются хуже со своими делами, чем представители многих западных стран. Говорят, что Япония на себе несет сильный отпечаток западной цивилизации. И это конечно верно, но нельзя отрицать и того обстоятельства, что внутренняя структура японской литературы, желания людей, даже самой красоты людей – другая. Теперь насчет самой вины, да бывает, что и хуже справляются, а потому что там действует принцип «не пойман не вор». Разве не с этим связано понятие вины, не поймали, он, вроде, ни в чем не виноват, т. е. он не стыдится, на самом деле, других людей. Не поймали его – ну, это вы дураки, а я умный. Так ли надо жить? Наверное, нет.

Из аудитории. Вы говорили, что самурай испытывает чувство стыда и за это он убивает себя. Здесь получается прикрытие? Честь, отвага? Или это можно назвать социальными нормами и обусловить, или все-таки здесь есть какая-то грань?

Брудный А. Я думаю, что какая уж тут социальная норма, если он вспорол себе живот, и у него выпадают кишки наружу. Это вопрос такой, я бы сказал, биологический и психологический, на самом деле. Это можно на западе 10 лет в тюрьме отсидеть, а потом снова стать миллионером. А здесь человек вспорол себе живот – струсил – все, не живи больше! Тут трудно, конечно, отличить это от долга перед обществом. Сегодня мы на психоанализе, говорили про «Сексплозию» Лема. У него есть такая новелла ироническая, о том, что благодаря взрыву какой-то там атомной бомбы, люди получили неизлечимую психологическую травму и перестали получать удовольствие от сексуальных отношений. И что же произошло? Во всем мире люди бросили это дело, кроме японцев. Потому что эти люди знают, что такое долг перед Родиной.

Из аудитории. Скажите, как управлять бессознательным? Вот большой процент, сравнение с айсбергом, нами управляет бессознательное. Сознательное мы понимаем, как ученик выводит букву – это сознательное, но когда он пишет – это уже бессознательное проявление в нашей жизни. Как управлять между двумя этими крайностями?

Брудный А. Ну, в этих вопросах, скорее специалист коллега Коротенко, но я лишь скажу то, что, скорее, нами управляет бессознательное, чем мы управляем бессознательным, а то бы мы жили совсем другой жизнью, в другом

обществе.

Коротенко В. Про учиться управлять бессознательным быть может и не надо. Все-таки, самое главное здесь, представление о множественности протекания события, о том, что наша жизнь одновременно может разыгрываться как бы на нескольких сценах. Это великое открытие Фрейда, которое он выражает в виде метафоры «другой сцены», где происходящее или говоримое вписывается в другой контекст, и в этом смысле получается совсем другой сценарий. И тогда Жизнь можно представить как пересечение в «здесь-и-сейчас» нескольких таких сценариев, одни мы считаем сознательными, но присутствуют и другие, и теперь у них тоже есть имя - Бессознательное, но для чистоты картины стоит еще проговорить про Сверхсознание (фрейдовское - «Супер Эго»). Далее стоит сослаться на французского психоаналитика Ж.Лакана, который рассматривает человеческую психическую жизнь как семиотический процесс, т. е. процесс означивания и переозначивания происходящего, как во вне, так и внутри. Т. е. в этом смысле сознание означает и собирает объекты/процессы в одном символическом регистре семантического поля, а бессознательное – в другом. Получается, что и фиксация событий, и самое главное смысла, для сознания и бессознательного происходят по разным семиотическим законам. И понимание этого дает нам ключи некоторой стабилизации ситуации, а в определенных случаях и к управлению.

Еще один тезис - здесь важно думать о тех сценариях, которые реализуются в бессознательном, и о тех типах отношений, которые нам демонстрируются через поведение, нормальное или дезадаптивное. О них можно думать позитивно, негативно, принимать, не принимать. И в этом смысле я тоже понимаю грань собственной свободы, т. е. если я осознаю свое бытие и свой выбор, при этом понимаю сценарий, который реализуется в моем психическом «внутреннем пространстве», например, языком, культурой или неким проявлением «другой сцены» (в этом смысле бессознательным) - это один тип выбора, с другой стороны, я осознаю свое бытие и понимаю те типы сценариев, которые разворачиваются в социуме, и делаю по отношению к ним осознанный выбор.

Из аудитории. Во время презентации Вы постоянно говорили о разделении цивилизаций. Что в одной цивилизации понятие свободы трактуется исходя из того-то, в другой исходя из того-то. А как жить сейчас в контексте глобализации, когда символы и знаки свободы переносятся с одной цивилизации в другую?

Брудный А. Это законный вопрос, дорогие коллеги. Сейчас так много

говорят о глобализации. Разве не Японию первую затронула глобализация? Да первой, наверное, затронула глобализация Японию. Разве от этого японцы сильно изменились? Это еще большой вопрос. Я даже думаю, что киргизская девушка, она и в джинсах остается киргизской девушкой. Ведь глобализация, в сущности, это проблема вещей. Проблема вещей, которые затопили весь мир и в этом смысле глобализация в очень большой степени экономическая проблема. Вот тут вопрос выбора, что мы выберем, что нам больше подходит, какие желания, в общем – рыночная экономика играет огромную роль. Но что касается психологии, тут вопрос более сложный. Конечно, вы скажете, – а телевидение, а Интернет, разве люди не видят эти фильмы, не читают эти книги. Ну, конечно, насчет книг – конечно, не читают, это больше разговоры. А фильмы – да, смотрят. Однако, может быть, вы и сами замечали, что далеко не все досматривают даже до конца. А я уж не говорю, что скоро наступит, уже наступает цивилизация дисков. А диск, вообще, можно только кусочек самому себе показать, который интересен, и все дела, зачем же я буду всю эту муру смотреть. Нет, здесь я думаю глобализация нам говорит о мире вещей, о значении вещей, и, конечно, это играет очень большую роль, но я не думаю что представления о чести, свободе, славе, добре и зле, что все они так существенно изменятся в обстановке глобализации. Мне кажется, что это некоторые страхи, которые возникают при виде изменившегося внешнего вида людей и вообще изменившегося быта. А что касается нас самих внутри, возможно, это у меня возрастное, но мне кажется, что те, кого я вижу сейчас, те, кто ходит ко мне на лекции, те, кто сдает мне экзамены, они мало отличаются от тех, кого я знал в годы своей юности. Они такие же смелые, красивые, умные. Они себя иначе ведут, может быть, но это ведь внешняя форма поведения, а мы – то говорим о психологии, о том, что внутри, а внутри они, по-моему, такие же, в общем, на мой взгляд, хорошие люди. Конечно, испортить можно все. Был такой замечательный писатель, лауреат нобелевской премии – Андре Жид, и вот ему сказали – все-таки народ, вот тот, на кого надо опираться, народ, он состоит из лучших людей. Он послушал, а был он очень честный человек, и говорит – знаете, по-моему, народ меньше испорчен, чем остальные, но деньги его также испортят, также, как и всех других. Доля истины тут есть.

Коротенко В. Арон Абрамович, а можно добавить кусочек сюда. Мне кажется,

девушка затронула очень важный вопрос. А на самом деле, что же транслируется в глобализации? Арон Абрамович частично ответил на этот вопрос. Но вопрос в том, сохраняется ли разлом между цивилизациями, или, скажем, барьеры, или они сегодня приобретут другое значение? Сегодня этот вопрос остается открытым, потому что есть модель того, что несмотря на глобализационный процесс, цивилизационный накал, как раз-таки, очень высок сегодня в мире. И в этом смысле я думаю, что помимо вещей то, что не транслируется – это, в первую очередь, содержание рефлексии, того, как мы сами себя представляем. В джинсах или без джинсов это можно, собственно говоря, представить, это такая консьюмеристская рефлексия, она транслируется, и пожалуйста, мы ее имеем. А вот другие виды отражений или другие виды представлений о самих себе, они чаще всего находятся в культурах и в этом смысле подпитывают цивилизационные различия, которые есть. И здесь очень важен еще один момент – это представления о психологическом субъекте, собственно говоря, о том, опять же, возвращаясь, *кто* делает выбор? Например, в европейской традиции мы можем говорить о том, что это некоторый субъект, наделенный склонностями, которые он хочет реализовать. И в этом смысле, так ли это на Востоке? Что, собственно говоря, является субъектом? Мы тоже пытались сегодня обратиться туда, и это вопрос именно к психологическому субъекту, и что он пытается реализовать в своих наклонностях и потребностях? И здесь – это попытка ответить или размышлять в том створе, который девушка своим вопросом обозначила.

Из аудитории. Я хотел немного подискутировать. Как соотносятся порядок и ограничения? И второй, более провокационный вопрос: не кажется ли Вам, что ограничения способствуют расширению свободы или хотя бы ее реализации? Потому что в Ваших терминах: они структурируют то пространство, в котором человек существует.

Брудный А. Будем говорить, мы тут, как это говорится, сочтемся славой, ведь мы свои же люди. Так вот, друзья мои, все социальные учреждения, структуры и прочее на свете, обладают особым свойством: они стремятся расширить свою компетенцию. Вот дайте человеку хоть немножечко возможность ограничивать других людей – он сразу же начнет их ограничивать еще, еще, еще и будет получать от этого истинное удовольствие. А разве государство, которое нам задает порядок, и оно такое, в этом смысле, хорошее, разве оно не стремится нам наложить

определенные ограничения и на то, и на это? Я правильно понял ваш вопрос? В том смысле, что те, кто устанавливает порядок, те безусловно стремятся вывести его за социально полезные границы до того уровня, который доставляет им удовольствие. И такой факт, конечно, имеет место, что тут скрывать. Я еще удивляюсь тому, что мы сейчас очень свободно тут сидим и общаемся. Я скажу больше, я год назад выступал в МГУ, потом у нас там была свободная беседа, вот как сейчас здесь, и вы знаете, у нас это как-то свободнее немножечко...

Коротенко В. У нас или у них?

Брудный А. У нас, у нас.

Коротенко В. Можно я добавлю. Мысль, раз она свободная, то мысли, может быть, сами себе помогут разобраться, потому что это тоже очень интересно. Ну, первое что возникло – это ленинские слова, помните: свобода – да, но для кого и для чего? В этом смысле: порядок – да, но для кого и для чего? Я так зерно вопроса уловил: порядок сужает ли наше пространство свободы выборов или как бы расширяет, да?

Из аудитории. Структурирует. Дает возможность реализовать свободу.

Брудный А. И влияет на процессы профессиональные, и даже на экономические, и на процессы выбора тех или иных товаров. Несомненно, да влияет.

Из аудитории. Просто, Арон Абрамович, я договорю. Я говорю о том, что советский период никак не характеризуется свободным. Но он был полон открытий везде и во всем. А пятнадцать лет свободы, скажем, что-то я не слышу ни о чем таком.

Брудный А. Я вам скажу больше, на Западе, да и в России уже русскую литературу периода Брежнева – застой знаменитый – считают золотым веком русской литературы – замечательные произведения литературные, о науке я даже не говорю, вы это сейчас подтвердили. Здесь вопрос чрезвычайно интересный и сложный, потому что мы же не знаем, чего народу больше на самом деле нужно: открытий или нормальной жизни.

Из аудитории. Капицу как раз вы цитировали, я физик по первому образованию. Вот человек все время возвращается в тюрьму и счастлив. Помните, да?

Коротенко В. Потому что свобода связана с проблемами. Мы же пытались сказать, что и с болью существования. Т. е. если слишком все неструктурировано, и ты можешь ходить куда угодно и еще понимаешь, что это твоя проблема ходить

куда-то там, тут возникает куча ситуаций. Но в онтологическом смысле я все-таки склонен поговорить по Маркузе, который помните, когда фашисты завоевали Францию, сказал: «Да здравствуют фашисты! Они дали французам свободу». Потому что фашисты нарушили прежний порядок и теперь французы ходить будут не по тем клеткам и не в той упорядоченности, которая была на предыдущих клетках, а по некоторым другим. И в этом смысле, может быть, без свободы, (не знаю как Арон Абрамович), жить-то, может быть, и легче с точки зрения упорядоченности и некоторой простоты и комфортности, а со свободой же приходится носиться.

Из аудитории. Знаете, я говорю не о комфорте, а о том, что ограничения или порядок нужен для того, чтобы ваша свобода не ограничивала свободу другого.

Коротенко В. Это да, это правда.

Брудный А. И более того, я в обстановке суженной свободы могу порождать такие мысли и идеи, которые в другой обстановке не возникнут.

Из аудитории. Назгуль Турдубекова, Молодежная правозащитная группа. У меня такой вопрос: сейчас ситуация такая, что, скажем, у нас люди, которые думают, что прожили 15 лет в атмосфере свободы, у них в голове у всех модель, что мы живем в свободной стране. Но сейчас такова ситуация, что пошли резкие ограничения. Возможно ли теперь сделать обратный процесс, т. е. загнать людей в модель несвободы, и какие последствия тогда будут?

Брудный А. Т. е. вернуть их в мир, в котором свобода ограничена?

Из аудитории. Да, потому что сегодня я уже читаю, что пошли и ограничения на свободу в Интернете, теперь запрещают даже на площади собираться, завтра запретят везде...

Брудный А. Скажите, а у вас кошка есть?

Из аудитории. Кошки нет, собака есть.

Брудный А. Я почему задал этот вопрос. Мы кошку выпускаем, и она свободно гуляет целый день, а вечером приходит обратно в тот стесненный мир, в котором ей отведен коврик в передней, где она сидит и мурлычет. Т.е. я хочу сказать, что возвращений назад в истории человечества было очень много. Я не хочу говорить о политических вопросах, это можно понять неправильно. Но то, что мы, несомненно, можем вернуться в такие процессы, которые изменяют нашу жизнь сравнительно с существующей сейчас, я думаю, достаточно посмотреть на телевидение первого канала Москвы. Мы с вами не особо на это обращаем внимание, а Ден Дэвидсон,

я вам сошлюсь на него, он посмотрел и говорит – просто московское телевидение, ну, 70-й или там 75-й год. А ведь, похоже, правда, как тогда было: все о нем, все о нем и немного о погоде. Вот видите, я пошутил, а ведь сейчас так пошутить в Москве я бы никому не посоветовал.

Коротенко В. Да и здесь уже, в этом смысле...

Ведущий. Давайте на этом закончим. Хорошо, что вы пришли.

Алодисменты.

Брудный А. Друзья мои, я вам очень благодарен за действительно очень внимательное и серьезное отношение к тому, что я рассказывал, сумбурно и не делая достаточно четких выводов.

Коротенко В. А про свободу кто может делать достаточно четкие выводы, Арон Абрамович?

Брудный А. На то она и свобода.

ОБЩЕНИЕ

Общие представления относительно общения

Общение между людьми привлекает ныне внимание философов, психологов, социологов. И это не удивительно: вся человеческая жизнь пронизана общением. Все человеческие чувства — любовь, печаль, гнев, радость — находят выражение в отношениях с другими людьми. А как осуществляются отношения между людьми? В общении.

Человеческая деятельность чрезвычайно многообразна, всех конкретных форм ее и не перечислить. Но есть такая форма деятельности, которая обеспечивает все остальные. Человек трудится вместе с другими людьми, и чтобы труд был согласованным, координированным, тесная связь данного человека с другими совершенно необходима. И наконец, общение — это процесс, в который вовлекаются гигантские массы людей, процесс, вне которого немыслима ни общественная психология, ни общественная идеология. Общение делает достоянием других людей мои чувства, мои мысли, мои намерения. Благодаря общению мы узнаем о том, чем живут наши близкие, что волнует миллионы людей, внук узнает о молодости деда, подчиненный получает указания от руководителя, врачи раздумывают о том, почему страдает больной, влюбленный начинает понимать, что радует его любимую. Но не только. Разве, слушая радио, не сводя глаз с телевизионного экрана, читая газету, посещая кино, мы не включаемся в процесс общения? Конечно, да.

Вот мы и затронули один из важных вопросов теории общения, касающийся обращенности сообщений. Все, что мы услышим за день, что прочтем, обладает некоторым адресом, к кому-то обращено. Слова отца, письмо жены, записка, которую вы получили, находясь в президиуме собрания, — все это адресовано прямо и непосредственно вам, а статья в газете или телевизионная передача имеют очень широкий круг адресатов.

Если мы будем считать сигналами (как предполагают кибернетики) все, что может быть воспринято и что несет нам информацию, то сигналы эти могут быть

подразделены на две основные группы: сигналы личной обращенности и сигналы коллективной обращенности.

Стоит задуматься над тем, какие сигналы преобладают.

Если обратиться к истории вопроса, то преобладание сигналов личной обращенности некогда было вполне очевидным. Действительно, представим себе человека прошлого. К нему часто обращались лично, и это естественно, но когда к нему обращались как к члену группы? Может быть, в школе, когда учитель объяснял урок целому классу? Но и то в случае, если он учился, а ведь даже в исторически недавнем прошлом в школу ходили очень немногие. Может быть, в армии, когда старшина обращается ко всем солдатам взвода или роты? Но и это относится только к мужчинам, и то не ко всем. Сигналы коллективной обращенности человек также слышал, будучи участником разных обрядов и религиозных церемоний, но и здесь: кто был участником таких обрядов, а кто не был. Коллективная обращенность прежде всего присуща художественному творчеству, и когда сказитель-чтец исполнял перед слушателями эпические произведения, то послушать его сходились стар и млад. Но и это случалось не так уж часто.

О кино, радио, телевидении мы не говорим. Они возникли и получили бурное развитие за исторически короткий срок — менее ста лет. Книгопечатание и периодическая пресса, конечно, «старше». Но и книгопечатание не столь уж древнего возраста, а главное — абсолютное большинство людей в обозримом прошлом еще не умели читать. В средние века, например, грамотные вообще были наперечет, даже среди власть имущих. Бывало и такое: приходит королевский вестник к какому-нибудь барону, объявляет содержание указа. Указ у него в руках, но это просто лист пергамента с королевской печатью, пустой лист, текст его вестник заучил наизусть. Ведь печать барон знает (значит, вестник облечен доверием), но читать, увы, не умеет.

Понятно, что в силу исторических условий сигналы личной обращенности заметно преобладали в жизни людей.

Но с тех пор все изменилось. Изменения вначале были довольно медленными, но уже в XX веке набрали темп. Трудно представить жизнь современного человека без кино, радио, телевидения. Гигантские шаги сделало распространение грамотности, и Советский Союз, в котором за исключительно короткий срок была преобразована вся духовная жизнь населения, служит в этом примером для развивающихся стран.

Есть ученые, которые считают, что в жизни большинства людей количество

сигналов коллективной обращенности ныне превысило количество сигналов личной обращенности. Разумеется, коллективное обращение — показатель не решающий, значимость сигналов и их количество — вещи взаимосвязанные, но все-таки разные. И тем не менее баланс сигналов личной и коллективной обращенности в жизни человека для науки и практики очень интересен. Он отражает взаимодействие двух форм коммуникации: аксиальной и ретиальной. Но прежде чем мы разберемся в том, что это такое, остановимся на особенно важном для нас термине — «коммуникация».

Коммуникация — понятие очень широкое. Коммуникация — это направленная связь, т. е. связь, которая выражается в передаче сигналов. Все на свете взаимосвязано, и коммуникация — один из видов всеобщей связи, быть может, самый сложный. Ведь передача сигнала — это необязательно осознанный, осмысленный процесс. Коммуникация имеет место всюду в управляемых системах, например, в человеческом организме, в обществе. Есть даже предположение, что где-то в просторах Вселенной коммуникация соединяет друг с другом гигантские небесные тела, и метафора Лермонтова «и звезда с звездой говорит» обретает, таким образом, новый, неожиданный смысл.

Но об этом потом. Вначале остановимся на тоже неожиданной параллели между процессами, происходящими в обществе и живом организме. Безусловно, эти явления различные — общество и организм! Но академик А.А. Ухтомский провел параллель между отдельными сторонами этих явлений, и последующее развитие науки показало, что он был прав.

Ухтомский рассуждал следующим образом: радист в определенных ситуациях посылает сигнал, адресованный «всем, всем, всем». Конечно, не для всех людей на земле так уж важно это сообщение, но все радисты к нему прислушиваются, а среди них те, которым оно очень нужно. Так и в живом организме есть вещества (они называются инкреты), которые из желез внутренней секреции поступают прямо в кровь. Кровь омывает все без исключения органы живого организма и среди них те, которым данный инкрет необходим для развития и правильного функционирования. Теперь возьмем передачу сигналов по иному принципу. Можно передать точно адресованное сообщение какому-нибудь органу. В организме этим ведает нервная система. Всюду, куда заходят нервные окончания, может прийти импульс из центральной нервной системы, адресованный именно в данную точку организма.

А существует ли практика точно адресованных сообщений в человеческом

обществе? Разумеется. Когда вы обращаетесь к конкретному собеседнику, пишете письмо, посылаете телеграмму, записку, вы обычно имеете в виду одного определенного человека. Заметьте: радио, телевидение или, скажем, кино функционируют по иному принципу. Все, кто могут услышать радиопередачу, увидеть фильм, посмотреть телевизор, — все могут стать адресатами сообщения. Но не всех оно может заинтересовать, кто-то может посмотреть передачу невнимательно, кто-то переключить телевизор на другую программу, а тот, кому передача интересна и нужна, обязательно досмотрит ее до конца и даже заранее выберет интересующие его материалы по программе.

Вот мы и познакомились с двумя основными типами коммуникации. Аксиальная коммуникация (от латинского «axis» — ось) соединяет тех, кто отправляет и получает точно адресованные сообщения. Ретиальная коммуникация получила свое название от латинского слова «rete» — сеть, невод⁷³. Как количество рыбы, попавшей в сеть, зависит от того, куда сеть была заброшена, и от размера ее ячеек, так и количество получателей ретиально направленного сообщения зависит от того, находились ли они в зоне передачи, и от их внимания к содержанию сообщения.

Это деление коммуникации на два основных типа более или менее условно. Тут есть свои тонкости, но в общем, оно достаточно приемлемо.

В процессе общения человек приучается смотреть на себя глазами другого человека. Ведь если я выражаю свои мысли, я заинтересован в том, чтобы другой человек, мой собеседник, их правильно понял. И я невольно прислушиваюсь к своим словам, а если это постоянный собеседник, то и приучаюсь смотреть на себя его глазами. Постепенно мой внутренний мир оказывается как бы населенным другими людьми. Пусть моего друга и нет рядом — я стараюсь выражать свои мысли в той форме, которую он одобрил бы и оценил.

Процесс коммуникации обладает большим социальным значением. Он не безразличен для общества. Общество стремится как-то регулировать этот процесс и, в зависимости от его содержания и социального значения, пресекать, поощрять, разрешать, иначе говоря, подтверждать своей санкцией его существование. Так, общество дает свою санкцию на существование семьи, обращая внимание на собственно коммуникативную сторону дела. Смена фамилии, совместное проживание — все это факторы, играющие свою коммуникативную роль.

⁷³ В наши дни с появлением социальных сетей, таких как, например, Фейсбук и Инстаграм, влияние ретиальной коммуникации перешло на качественно новый уровень и приобрело особую значимость (*Прим. редактора*)

Как мы уже отмечали, общение разворачивается и вне пределов малых групп. Средства массовой информации (их называют также средствами массовой коммуникации) вовлекают в сферу своего действия огромные массы людей. Массовая коммуникация — это сильно технизированная ретиальная коммуникация. Ретиальная коммуникация возможна и в небольших группах людей.

Учитель может обращаться к классу, а директор — к общему собранию коллектива и без помощи каких-либо технических средств. Но чтобы сообщение стало достоянием десятков и сотен тысяч людей, а зачастую и миллионов — для этого требуются технические средства.

Без коммуникации нельзя согласовать действия, направленные на достижение какой-то совместной цели. Поэтому коммуникация так важна. Без нее не смог бы развиваться подлинно человеческий труд — труд коллективный. В процессе труда и общения человек совершенствовался, развивался его язык, усложнялось мышление, все более многосторонним и глубоким становилось познание окружающего мира. Менялось и общество, в котором люди жили. Три начальных функции коммуникации выявлялись все отчетливее.

Первая функция — активационная. Функция побуждения к действию в определенном, осознанном направлении. Призыв. Приказ. Девиз. Их значение знакомо каждому с пионерского возраста. И с еще более раннего возраста знакома другая функция коммуникации — интердиктивная. Это функция воспрещения. Очень важная функция. Ныне покойный Б. Ф. Поршнев, доктор философских и исторических наук, человек, который мыслил необычно и продуктивно, был убежден: первое, что начинает понимать ребенок, это «нельзя — можно». Никакого другого понимания в его младенческой жизни еще не требуется. Но вот когда что-то нельзя делать, это надо запомнить, это надо понять.

Затормозить все возможные варианты действия, кроме одного, необходимого, главного — существенное условие продуктивности работы. Лишнее не только бесполезно. Лишнее мешает. Как говорил А. А. Ухтомский, только торможение придает системе тел значение механизма. Это поистине «золотое правило». Задумайтесь над ним. А чтобы его легче было понять, разберем простой пример: если бы половинки ножниц соединились шарниром и могли свободно двигаться по отношению друг к другу, а проще — вихляться, это помогло бы выполнению основной цели, для которой созданы ножницы? Нет, не помогло, а помешало бы. Ножницы хорошо режут только

потому, что их заточенные части движутся и соприкасаются в одной плоскости. Все остальные движения воспрещены.

Активизационная и интердиктивная функции коммуникации взаимосвязаны очень прочно. Нескольким особняком стоит третья из основных функций коммуникации — дестабилизирующая. Как заметил немецкий марксист Георг Клаус, жизнь людей развивалась так, что человек делал свое дело и вместе с другими людьми, и против других людей. Да, борьба с неизбежностью сопутствовала общественно-практической деятельности людей, и она, борьба, породила особую функцию коммуникации.

Когда бойцы идут в атаку с криком «ура», звук голосов не только воодушевляет атакующих, но и вселяет страх в сердце противника. В последнем качестве коммуникация выполняет дестабилизирующую функцию. В быту эту функцию, например, выполняют угрозы, проклятия, которые зачастую дают возможность «отвести душу» таким не слишком достойным способом, а иногда они отвечают еще более низменной цели — оскорбить другого. Вопрос о том, насколько вообще допустимы в личном общении между людьми подобного рода явления, развернутого ответа не требует. Каждому и так ясно, что оскорблять других людей не следует. Тем более не следует им угрожать. Когда человека оскорбляют, когда ему грозят, он с особенной ясностью ощущает, как недопустимы вообще и нехороши подобного рода действия. К сожалению, люди склонны забывать об этих вполне отчетливых ощущениях, иначе дестабилизирующие средства коммуникативного воздействия давно исчезли бы из частной жизни. Пока этого не произошло, но любой из нас может приблизить наступление такого момента.

Надо сказать, что еще недавно угрозы и проклятия свидетельствовали отнюдь не только о невыдержанности и плохом воспитании. На них смотрели куда более серьезными глазами — глазами людей, глубоко погруженных в мир суеверий.

И странный это был мир. В нем сила слова (а слово, и правда, обладает огромной силой) становилась чудовищной. Так, древние исландцы считали, что такой громадной силой обладает «нид». Когда-то словом «нид» называли отрезанную лошадиную голову, насаженную на жердь. Голова «глядела» в сторону, где жил враг, а на жерди вырезывалась магическая надпись в стихотворной форме. Потом уже нидом стали называть эти страшные стихи. И они действительно очень сильно действовали на тех, кто в них верил.

В одной из исландских саг действие «нида» описывается так. Некто Торлейв пострадал от вражды норвежского вельможи Хакона, который погубил корабль и товарищей Торлейва. Тот, переодевшись нищим, проник в палаты вельможи и попросил разрешения прочесть стихи. Вельможа не знал, что перед ним Торлейв — человек, обладающий сильным поэтическим даром, и разрешил. Торлейв прочел стихи — то был «нид». В палатах, казалось, потемнело, все оружие словно само пришло в движение, падали убитые и раненые, вельможа потерял сознание и долго болел впоследствии⁷⁴.

Конечно, это легенда, преисполненная наивной веры в чудодейственную и страшную мощь поэтического слова. Но она заслуживает того, чтобы над ней задуматься. Она говорит нам об эпохе, в которую слова «сильный поэт» понимали не в переносном, а в самом прямом смысле. Тогда в Исландии законодательным образом запрещали сочинять стихи о женщине — считалось, что они могут оказаться «слишком сильными», околдовать ее.

Те времена давно прошли. Но их изучают, и весьма тщательно, не только историки, литературоведы, но и психологи. Свидетельства мощи слова не следует расценивать исключительно как вымысел.

При определенных условиях, и прежде всего когда словам собеседника придается жизненно важное значение, слово может оказать на человека такое воздействие, силу которого просто трудно преувеличить.

Возьмем, например, слово врача. По понятным обстоятельствам больной придает слову, жесту, мимике врача особую важность. Тактика общения врача с больным включает в себя незыблемое правило: «ничего лишнего!». Любой лишний жест может привлечь к себе внимание больного и быть неверно истолкован. Усмешка врача может показаться подавленному, напряженному больному скептической — и вот он уже не верит оценкам врача, ему уже кажется, что врач и сам не верит тому, что говорит. Рассматривая рентгенограмму, врач проворчал себе под нос: «Никуда не годится!», он говорил с собой, он имел в виду качество снимка, а больной вполне мог подумать, что эти невольно вырвавшиеся слова относятся к состоянию его здоровья, и на самом деле начинает чувствовать себя хуже. Есть даже ятрогенные, т. е. внушенные неосторожным словом врача, заболевания. Встречаются они редко, но все же встречаются, и это печальное свидетельство силы слова. Дело в том, что слово бывает сильно и там, где слаба защита от него.

⁷⁴ О замечательной культуре исландского народа прекрасно написано у М. И. Стеблин-Каменского в кн.: Культура Исландии. — Л., 1967, откуда мы и заимствуем этот эпизод.

В процессе общения мысль выражается в текстах. Понятие «текст» в теории общения употребляется в несколько ином значении, нежели в обычном разговорном языке. Обычно под текстом мы склонны подразумевать тексты письменные, даже печатные. А текст — это любое последовательное выражение некоторого содержания, не обязательно письменное. Тексты могут быть и устные. Более того, тексты могут включать в себя не только произносимые или написанные слова. Жесты, мимика, рисунки, условные знаки могут быть органической составной частью текста как выражения мысли. На языке теории текст — это адресованное, компактное и последовательное выражение некоторого содержания, развернутое по стреле времени (т. е. имеющее начало и конец) и обладающее смыслом, в принципе доступным пониманию.

Теория общения рассматривает текст в пяти отношениях — трех главных и двух дополнительных.

Во-первых, текст рассматривается в отношении к действительности, которая в нем отражена. Таким способом мы судим, например, о том, истинным или ложным является содержание текста, точно ли оно передает факты и т. д.

Во-вторых, текст рассматривается в отношении к людям, которым он адресован и которые должны его понять. Здесь особую роль играет форма выражения мысли.

В-третьих, текст рассматривается в отношении к его автору. Каковы были его мысли и намерения? Как он их выразил? Почему он вступил в общение? Текст позволяет узнать о его авторе многое, а это, в свою очередь, помогает нам глубже разобраться в содержании текста.

Таковы три основных отношения, существенные для правильного понимания текста.

Для большей полноты анализа учитываются еще два момента. Первый. Как связан данный текст с предыдущим и последующим? В какой мере он им соответствует, а в какой — противоречит? Ответ на эти вопросы желателен для правильной оценки текста.

Второй. Какова конкретная обстановка, в которой был создан и воспринят текст? Каков его локальный план? Эти вопросы тоже заслуживают всяческого внимания.

Смысловое восприятие текста зачастую целиком зависит от локального плана. Локальный план — это определение места, в котором фиксировано выражение смысла. Так, если слова «три рубля», написанные на этой странице, и те же «три рубля» на денежной купюре совпадают по лексическому значению, грамматической форме,

то по смыслу они весьма различаются. Локальный план, в который вписываются эти слова, совершенно разный. В одном случае это часть текста, в другом случае перед нами сама сумма. Значение слов здесь различается по месту фиксации их значения.

Это очень краткий текст, но значимость его и ему подобных весьма велика. Он отражает многие существенные социально-экономические факторы жизни страны: многонациональный характер советского народа (текст напечатан на языках всех союзных республик), важную роль русского языка как средства межнационального общения (особо выделен текст на русском языке), состояние экономики нашего социалистического государства.

Тексты оказывают столь серьезное влияние на мысли и поступки людей благодаря кардинально важному условию их функционирования, а именно благодаря пониманию.

Язык потому и является важнейшим орудием человеческого общения, что он делает доступными пониманию мысли и чувства людей. Нет сомнения в том, что языковая форма выражения чувств и мыслей — не единственная, это доказывает вся история изобразительного искусства. И все-таки язык по достоинству занимает первое место среди средств человеческого общения. Он обладает высокой надежностью и эффективностью. Ничто не в силах полностью его заменить.

В течение сотен тысяч лет скорость движения человека по поверхности планеты менялась очень мало. Конечно, конный передвигался быстрее пешего, а ладья под парусами двигалась быстрее, чем гребное судно. Но и только. Когда-то Наполеон, обращаясь к своим солдатам, сказал: «Сорок веков смотрят на нас с высоты этих пирамид!». При этом ни он, ни его солдаты не задумывались над тем, что французская армия передвигалась с той же скоростью, что и египетская сорок веков тому назад. А ведь скорость движения людей — это скорость движения гонцов, т. е. скорость передачи сообщения.

Время и пространство долгие века разделяли людей, и лишь в XIX веке электрический телеграф стал эффективным средством связи между ранее разобщенными городами.

Кстати, у знакомого всем телеграфа был предшественник — оптический телеграф. Ряды его башен тянулись от одного города к другому, а на их верхушках располагались подвижные стержни: они поднимались, опускались, словно бы жестикулируя, в точном соответствии условной азбуке. Оператор-телеграфист на каждой соседней башне

повторял увиденные условные знаки. Так распространялись сообщения.

Яркое и забавное описание того, как работал оптический телеграф, можно найти в знаменитом романе Александра Дюма «Граф Монте-Кристо». Там же, кстати, показано, насколько ненадежно было это средство передачи сообщений. Башни оптического телеграфа находились на расстоянии прямой видимости. В тумане видимость, естественно, ухудшалась, ночью вообще ничего не было видно, хотя к стержням телеграфа и приделали в свое время фонари.

Но не только дождь и снегопад мешали передачам. Мешало и то, что в передаче участвовало большое количество операторов. А еще в Древнем Риме знали, что человеку свойственно ошибаться, и чем больше людей участвуют в процессе передачи сообщения, тем выше вероятность ошибки. Ошибка наименее вероятна там, где в передаче сообщения участвуют только два человека: передающий и принимающий. Мы уже не говорим о том, что ошибка оператора может быть и умышленной, а передача сообщения по оптическому телеграфу была все-таки очень медленной — на современный, конечно, взгляд.

Но вот наступила историческая минута, когда одного человека спросили: «Если электрический ток идет по проводам, то чем дальше протянут провод, тем больше времени уходит на движение тока?» Ответ был такой: «Нет. Практически и короткий, и длинный провод передадут ток с одинаковой скоростью». И тот, кто дал этот ответ, подумал, что было бы очень удобно для передачи сообщений прерывать течение тока, он будет то гаснуть, то возникать снова, точка за точкой... Так Морзе пришла в голову мысль об особой азбуке, которая сыграла важную роль в развитии электрических средств связи.

По проводам, подвешенным на фарфоровых изоляторах, телеграммы шли над сушей, в гуттаперчевой оболочке провода легли на дно морей и океанов, связав между собой материки. И все-таки идеальной была бы такая связь, которая не требовала бы вытянутого в ниточку Канала связи. Прервать проводную связь в принципе очень легко. Стихийное бедствие — упал телеграфный столб, порвался провод — и связь прервана.

Радикальный переворот в технике передачи сообщений произошел, когда Александр Попов впервые в истории передал по радио два слова: «Генрих Герц». Расстояние, на которое они были переданы, было невелико, но принцип был найден. И вскоре он был реализован в чрезвычайно серьезных условиях. Поздней осенью

1899 г. во время шторма у острова Гогланд в Финском заливе сел на камни русский броненосец. Попов организовал радиосвязь на расстоянии уже около пятидесяти километров между островами и берегом. Поддерживалась она устойчиво, и в конце концов броненосец удалось спасти.

Немало изобретателей совершенствовали открытый Поповым способ передачи сообщений, об их трудах свидетельствуют приемники и телевизоры, ныне имеющиеся едва ли не в каждой семье. Но когда мы включаем приемник, писк морзянки на любом из коротковолновых диапазонов напоминает нам о том, как над Балтийским морем шли первые радиосообщения.

Какое же значение для будущего людей имеет развитие технических средств общения? Очень большое.

Если рассматривать общение между людьми в дальней перспективе, то можно отметить следующие основные цели, к которым направлено его развитие.

Прежде всего желательно, чтобы техника позволила когда-нибудь каждому человеку на Земле вступить в контакт с любым другим человеком вне зависимости от разделяющих их расстояния и времени. Осуществимо ли это технически? Да, даже на современном уровне развития техники. Но лишь в принципе. Соответствующее средство связи уже имеется и достигло высокой степени развития — это радио. Уже есть и технические средства связи — приемники и передатчики, которые могут быть очень малого размера, что весьма важно, поскольку маленькое приемно-передающее устройство человек мог бы всегда носить с собой. Но есть и тысячи сложностей, затрудняющих реальное осуществление проектов «всеобщей радиосвязи», выдвигаемых еще с 20-х годов. Эфир и сейчас очень плотно занят передачами самого различного назначения.

Есть свои сложности и с достижением второй важной цели общения, которая заключается в том, чтобы связать каждого человека с центрами обеспечения безопасности. Представьте себе, например, центр охраны здоровья, куда по определенным каналам связи постоянно поступают сведения о температуре, пульсе, кровяном давлении и т. п. каждого прикрепленного к центру человека. Ясно, что для профилактики многих опасных для здоровья и жизни состояний такая форма связи была бы просто бесценной. Возможны и другие системы обеспечения безопасности, например, автоматическое оповещение противопожарной службы об опасных колебаниях температуры во всех жилых домах, учреждениях и предприятиях или

предупреждение всех без исключения граждан об угрозе стихийного бедствия и т. д. Сейчас эту функцию выполняет радио, но радиоприемник может быть и выключен, а аппаратура центров обеспечения безопасности должна быть постоянно действующей и оповещать человека тогда, когда центр считает это необходимым.

Третья цель, быть может, не менее существенна, чем две предыдущие, хотя ее значение осознается не всеми и не сразу. Смысл ее в том, чтобы поставить каждого человека в ситуацию оптимального выбора программы. Каждому из нас известна ситуация, когда человек, взяв в руки программу радио и телевидения, отмечает интересные ему передачи. Представим теперь, что он может выбирать не между пятью или десятью программами, а между пятьюдесятью или даже ста. Первое ощущение: это необычайно много. Но выбирая книгу в библиотеке, вы осуществляете оптимальный выбор, просмотрев сто, а то и больше названий. Возможно ли нечто подобное для телезрителя? Да, возможно, но при двух существенных условиях.

Во-первых, должна измениться сама техника телепередач. Вполне допустимо, что для этой цели будут применены оптические и кабельные средства, с помощью которых возможна одновременная передача значительного количества программ. И во-вторых, должны измениться и сами программы, и средства их приема. В этом отношении очень многое обещает развитие голографии с необычайной яркостью и чистотой тонов стереоскопического изображения.

Но все же выбор между подобными программами будет зависеть от главного — от их содержания.

Глубина содержания и разнообразие форм сами по себе предъявляют немалые требования к внутреннему миру слушателей и зрителей. Ситуация оптимального выбора предусматривает еще одну исключительно интересную возможность — выбор книги. С развитием многопрограммной техники передач каждый телезритель сможет просто увидеть перед собой какую угодно страницу из любой хранящейся в библиотеке книги. Телепередача, таким образом, создаст новые возможности для чтения.

Более того, существуют аппараты факс, применение которых дает возможность с помощью самой обыкновенной проводной связи, телефонной, в частности, воспроизводить тексты. Позвонили, какой документ, статья, страница книги вам нужны, и буквально тут же факс выдаст вам вполне удовлетворительную копию. Создаются книги, в обложке которых есть карман для видеодиска: это подвижные цветные

и говорящие иллюстрации. Несть числа возможностям коммуникативной техники, усиливающей интеллектуальный потенциал человека. О значении банков информации с подключением к ним персональных компьютеров я уже не говорю, об этом написано достаточно много. Самое главное — преодолеть отставание в этой области. К сожалению, оно еще очень большое.

Следующая, четвертая, цель развития общения многократно описана в научно-фантастических романах. Наиболее ярким примером, пожалуй, будет «Туманность Андромеды» И. Ефремова. Это — установление двусторонней связи с инопланетными цивилизациями. По всей видимости, подобного рода связь гораздо более вероятна, нежели непосредственный контакт с представителями иных цивилизованных миров. Расстояние до них, надо думать, чрезвычайно велико, и с ними легче осуществить информационную связь. В чем это может выразиться? В том, что мы получим адресованное именно нам сообщение (что наименее вероятно). В том, что будет услышано сообщение, адресованное некоторому множеству цивилизованных миров. И наконец, в том, что мы перехватим сообщение, адресованное одним цивилизованным миром другому. Этот вариант представляет особый интерес.

Есть немало доводов в поддержку остроумной гипотезы, согласно которой мы не получаем никаких сообщений от иных миров просто потому, что их много и они заняты общением друг с другом, а Земля — «маленькая, замерзшая с двух концов скорлупка», затерянная где-то в галактических далях, — их мало интересует. Есть и противоположное мнение, его сторонники утверждают, что жизнь и человеческая цивилизация — явления в космосе едва ли не уникальные, и в нашей Галактике равноценного нам партнера для общения может даже и не быть.

Прогнозов тут хватает и оптимистических, и пессимистических. Одно можно сказать с уверенностью: интерес к исследованиям в этой области не угаснет никогда. Маркс выдвинул и обосновал чрезвычайно важное для теории общения положение о том, что человек узнает о том, кто он, и что собой представляет, из общения с другими людьми. Образно выражаясь, один человек смотрит в другого, как в зеркало. Так вот, человечество появилось на свет без зеркала в руках. И всегда будет его искать.

Обратите внимание на то, что реализация возможностей общения дает следующие результаты.

Во-первых, налаживается совместная деятельность людей. Ее уровень эффективности повышается.

Во-вторых, в процессе общения происходит известное сближение его участников. Растет взаимное доверие, складывается определенное мнение друг о друге, формируются связывающие людей отношения.

Третьим существенным результатом общения является так называемый клиринг (от англ. «clearing» — выяснение). В чем он заключается? Его суть состоит именно в том, что в итоге общения проясняются вопросы, ранее казавшиеся запутанными. И не только потому, что участники общения узнают что-то новое, хотя это тоже очень важно. Тут играет роль еще и то, что общение будит мысль. В живой дискуссии приходят в голову и новые соображения и вообще сам ход размышлений становится иным. История науки, техники, общественной жизни знает немало идей, зародившихся именно в процессе общения.

Но главное все-таки — деятельность. Важным условием эффективности совместной деятельности людей является понимание ее смысла. Вот что писал о смысле человеческой деятельности Антуан де Сент-Экзюпери — летчик, писатель, мыслитель. Он написал это в 1939 г. перед войной:

«Мы хотим свободы. Тот, кто работает киркой, хочет, чтобы в каждом ее ударе был смысл. Когда киркой работает каторжник, каждый ее удар только унижает каторжника, но если кирка в руках изыскателя, каждый ее удар возвышает изыскателя. Каторга не там, где работают киркой. Она ужасна не тем, что это тяжелый труд. Каторга там, где удары кирки лишены смысла, где труд не соединяет человека с людьми». Человека соединяет с другими людьми понимание смысла того, что он делает.

Общение сегодня

Из предыдущего раздела явствует, что существование интеллекта как такового еще не служит твердой гарантией самосохранения человеческого рода. Новые выдержки из книг и речей показали бы вам, что создатель «Фау-2», мощных ракет, разрушавших Лондон во вторую мировую войну, Вернер фон Браун верил в бессмертие души не в меньшей степени, чем священник Кинг, и мечтал о запуске ракет в мировое пространство. Успехи в области математических наук и гуманитарных наук свидетельствуют об определенном уровне развития интеллекта, но отнюдь не обязательно о любви к ближнему, верности, чувстве чести и вообще о благородстве души. Одним словом, интеллект и даже творческий дар — это далеко не все, что следует ценить в человеке. Но у общества свои критерии, оно венчает премиями и прочими наградами достижения в несколько иной сфере, нежели человеческие отношения. Между тем для жизни индивида эти отношения значат очень многое. Да есть в глубине души и то, что человек ценит превыше иного. Как сказано у одного современного мыслителя, «есть вещи, знать которые важнее, чем любить, например, электрон, космос и правописание. Есть вещи, любить которые важнее, чем знать, например, Родина, Бог, полуоткрытые девичьи губы и уже зажмуренные глаза». И верно. Отсюда, ясное дело, не следует, что знание заслуживает какого-либо пренебрежения. Просто у него есть свое место в сознании личности. Как и у любви.

Любовь составляет важнейшую сторону межличностных отношений и один из базисных элементов общения между людьми. Как и всякое чувство, любовь — не самый подходящий предмет для рационального анализа и классификаций. Заметим лишь, что издавна различают чувство нисходящее (*amordescendens*), включающее защиту слабейшего, восходящее (*amorascendens*) — таково, например, чувство детей к родителям, и взаимное (*amoraequalis*), которое традиционно считается высшей формой отношения между мужчиной и женщиной.

Психологи, однако, показали, что все это лишь стороны одного чувства, которые выступают на передний план (или уходят вглубь) в различных семейных и вне-семейных обстоятельствах. Значение этого чувства и соответствующих ему форм

общения настолько велико для индивида, что среди воспоминаний оно зачастую занимает доминирующее место. И это объясняется не просто силой прошлых переживаний — как раз многое из пережитого бывает вытеснено, не вспоминается.

Ряд отечественных психологов располагает многочисленными экспериментальными подтверждениями гипотезы, согласно которой память — это механизм, выбирающий из прошлого то, что так или иначе может «сработать» в будущем: предвидимое (и не обязательно осознанно предвидимое) будущее как бы управляет сохранением того, что может пригодиться в достаточно вероятных обстоятельствах. При этом не так уж просто объяснить, зачем необходимы воспоминания именно этого рода — о любви.

По всей видимости, они играют какую-то роль в сохранности личности, в том, чтобы человек мог оставаться самим собой в непростых, как сейчас принято выражаться, обстоятельствах.

Конечно, одних воспоминаний для этого мало: необходима и внутренняя убежденность, и общение с другими людьми.

Важность общения не только в том, что обмен информацией есть необходимое условие совместной деятельности. Уже возможность обмена информацией нужна для того, чтобы личность существовала. А эта возможность не сводится просто к знанию родного языка: она имеет место - в том случае, когда носитель родного языка обладает и соответствующим языковым окружением, когда ему есть с кем общаться.

Общение, само собой разумеется, включает в себя передачу информации. Но если обратиться к самой сущности процессов общения, то может привлечь внимание такое определение: общение — это отношение людей к действительности, выраженное через передачу информации от человека к человеку.

Общение полифункционально. Основная рабочая функция общения — инструментальная, она выражается в обмене информацией, существенной для управления и совместного труда. Синдикативная функция находит выражение в сплочении малых и больших групп в процессе общения. Трансляционная функция лежит в основе обучения и состоит в передаче знаний, способов деятельности, оценочных критериев. Для межличностного общения особо существенную роль играет функция самовыражения, ориентированная на поиск и достижение взаимного понимания.

Основное условие психологической эффективности общения заключается в том, что его участники должны быть убеждены, что говорят и слышат (или пишут и читают) правду. Это убеждение естественно сопряжено с критическим отношением ко лжи.

Что же собой представляет ложь? Это феномен общения, состоящий в намеренном искажении действительного положения вещей. Ложь чаще всего находит выражение в содержании речевых сообщений, немедленная проверка которых затруднительна или невозможна. В отличие от добросовестного заблуждения ложь представляет собой осознанный продукт речевой деятельности, имеющей целью ввести участников общения в заблуждение. Как правило, ложь вызвана стремлением добиться личных или социальных преимуществ в конкретных ситуациях. Характерно, что индивид неосознанно расценивает свою ложь как нечто неустойчивое и временное; отсюда интенция первоначально измышлять ей новые подтверждения, а позже полностью замалчивать. Если социально-психологически ложь всегда является средством, то в сфере психопатологии она выступает как цель мифоманов — психопатов, испытывающих чувство удовлетворения от самого процесса введения окружающих в заблуждение.

Мне, как и вам, приходилось сталкиваться с так называемой «ложью во спасение» и, признаюсь с полной откровенностью, я не в силах осудить ее столь безоговорочно, как это делают некоторые публицисты. Конечно же, о жестокости правды чаще всего говорят те, кто не испытал жестокости лжи. Но я не принимаю точки зрения медика, отстаивающего необходимость сообщить больному о том, что его дни сочтены («чтобы он успел принять правильные решения»), и тем самым лишить его надежды, обращая его действительно последние дни в пытку, которую закон не предусматривает даже для приговоренных к смерти. Нельзя не задуматься и над словами поэта о возвышающем нас обмане — применительно к жизни и деятельности выдающихся исторических лиц, которые невольно, уже самой силой общественного мнения обращаются в символы достоинства своей родины, народа, а то и всего рода человеческого.

Тут все очень сложно. Но это уже выходит за рамки избранной нами темы.

Ложь, как видите, — это понятие, чей объем выходит далеко за рамки межличностных отношений. Нередко обвинения во лжи в завуалированной или прямой форме слышатся в острой полемике. И это касается, в частности,

обсуждения вопросов, имеющих идеологический характер, вопросов, чья специфика порождена самой структурой общества, его организацией.

Принцип иерархически организованного общества прост: если ты не наверху, ты внизу.

Идеология отражает действительность, выражая и концентрируя интересы людей, этой действительностью порожденные. Печали и чаяния тех, кто внизу, гордыня и лицемерие тех, кто наверху, — все это обретает идеологическую форму. Идеология сродни пониманию и вне понимания не существует. Но глубина и полнота понимания идеологических проблем прямо зависит от перспективы реализации классовых интересов, которые эта идеология выражает. Бывает и так, что эта перспектива давит на понимание, искажает его. Идеология дает оценки, образно говоря, наклеивает этикетки, но это тот случай, когда этикетка на товаре обманывает и самого продавца. Мы склонны отождествлять действительность, то есть то, что есть на самом деле, с тем, как она отражена в сознании, и вот отраженная действительность становится кривым зеркалом наших мыслей. Так что не всегда надо спешить с обвинениями во лжи. Бывает, что в дискуссиях заблуждаются обе стороны, как бывает, что и в конфликте участвуют не хищник и жертва, а два хищника, которые становятся жертвами друг друга.

«Что такое человек, раз он может понять мир? И что такое мир, раз человек может его понять?»⁷⁵ — спрашивает американский ученый Стивен Тулмин. На этот вопрос могут ответить только наука, искусство и личный опыт, вместе взятые; и полным ответ никогда не будет. Но сама постановка вопроса напоминает нам, что в первооснове своей проблема понимания — философская. И она, безусловно, связана с учением Сократа о том, как вопрошать и отвечать, с наукой понимать собеседника и предмет обсуждения. Продуктивное обсуждение есть в основе своей достаточно точная постановка вопросов и совместный поиск достаточно полных правильных ответов. Отнюдь не случайна диалогическая форма многих классических трудов, в которых обсуждаются философские и методологически значимые естественнонаучные проблемы. Эта форма не только впечатляюще воздействует на читателя — она способствует углубленному пониманию сущности поставленных проблем.

⁷⁵ Тулмин С. Человеческое понимание. — М., 1984. — С. 31.

Диалог — это не только вопросы и поиск ответов, не только обмен репликами, но и те, кто в этом диалоге участвуют, это поистине текст в лицах. Но даже если отвлечься от собственно диалогической формы изложения — разве не присутствует она в скрытом, свернутом виде в пестрящих цитатами текстах? Разве тот, кто ясно обозначил, что произносит слова другого, не воплощается в того, кто эти слова впервые произнес? Разве полемика и обращение к авторитету — две необходимые особенности философских трудов — не модификация диалога?

А каждодневное общение людей, в котором реализуется огромной силы витальный⁷⁶ потенциал обыденного сознания? В нем сосредоточены и переплетены все восемь экзистенциальных благ, которые не могут быть отлучены от человеческого существования: жизнь, надежда, любовь, дети, милосердие, удача, воспоминания и сны. Этим тем не может обойтись общение с близкими — и не только с близкими людьми.

А каков круг общения современного жителя города и деревни?

Житель деревни средней величины в течение дня встречается лицом к лицу до 40 человек, житель города, население которого превышает 1 млн. человек, — до 1100 человек⁷⁷. Но житель деревни видит в день больше родных, близких, знакомых, чем горожанин; зато горожанин компенсирует этот дефицит общения телефонными разговорами, занимающими не менее 17 минут в день, если телефон находится в его личном пользовании. Обратите внимание: это общение с людьми, к которым, возможно, не так уж просто и быстро можно добраться. Люди, непосредственно горожанина окружающие, даже не всегда ему известны.

«В государственном доме в среднем число соседей из других квартир, известных друг другу в лицо, — 5 человек; известных по фамилии (имени) — 3 человека, по месту работы или профессий — 2,5 человека, известных с моральной стороны — 2,2 человека»⁷⁸.

При этом нельзя сказать, чтобы индивид не стремился к общению. Он испытывает это стремление, когда оно разбужено. Человек испытывает потребность в коммуникаторе — в том, кто с ним общался бы. И только когда эта

⁷⁶ Витальный — жизненный, придающий жизнеспособность, исполненный жизненной силы.

⁷⁷ В 1987 г., по данным «Аргументов и фактов» (1988. — № 1. — 1—8 янв.), в СССР было 23 таких города, в США — 18, в Китае — 11, Японии — 9.

⁷⁸ См.: Баранов А. В. Социально-демографическое развитие крупного города. — М., 1978. — С. 117.

потребность реализована, он пробует войти в роль коммуникатора сам⁷⁹. И обычно это ему удается. Но тот, кто ощутил в себе призвание коммуникатора, не может с ним расстаться. Не случайно профессии политика и актера были совмещены в президенте Рональде Рейгане.

Само собою разумеется, что массы бывают увлечены не столько коммуникатором, сколько тем, о чем он говорит, предметом общения становятся его идеи. Но какова бы ни была сила этих идей, сами по себе они достоянием масс стать не могут. Требуется коммуникативная направляющая система, благодаря которой распространяются общения. Коммуникативная направляющая система отнюдь не всегда технизирована. Это может быть серия встреч, митингов, выступлений в законодательных органах. Практика общественных движений, охватывающих широкие слои населения, свидетельствует, что рассредоточенная группа коммуникаторов способна за поразительно короткий срок добиться заметных сдвигов в сознании и деятельности масс. И тем не менее, как это в свое время показал В. И. Ленин, функцию коллективного организатора может взять на себя при определенных условиях только печатный орган⁸⁰, способный распространять информацию и идеи, сохраняя неизменно точную форму их первоначального выражения. Тем самым формулировки ведущего коммуникатора или ведущей группы приобретают необходимую устойчивость в процессе трансляции. Понимание текстов и трансляция их смысла оказывают значительное влияние на возникновение и развитие идеологической групповой общности между людьми.

Сторонники так называемого целевого подхода считают, что коммуникатор всегда руководствуется целью определенным образом воздействовать на участников общения. Даже естественное желание добиться того, чтобы текст был понятен, уже предполагает в неявной форме воздействие текста на тех, кто его понимает. Практически тексты всегда ориентированы на определенные категории читателей, установка же на воздействие, в какой бы форме она ни осознавалась коммуникатором, не является только его личным делом. Коммуникаторы лишь трансформируют определенную потребность, которая существует социально, и отвечают на эту потребность своей деятельностью. При этом вовсе не обязательно,

⁷⁹ Это самым тесным образом связано с тем, что язык ребенок усваивает в общении с родителями и образ этих первых коммуникаторов продолжает жить в его подсознании. Он и порождает не всегда осознанную потребность в строгом и мудром Отце. И всепрощающей любящей Матери.

⁸⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 6. — С. 160—171.

чтобы установки коммуникатора возникли как простая интериоризация установок, доминирующих в группе, которую он представляет. Когда речь идет о средствах массовой коммуникации, следует иметь в виду, что направляющая коммуникативная система (радио, телевидение) задает установки среди относительно широкого круга лиц. Часть из них, обладая определенным авторитетом, выступает в качестве так называемых лидеров мнения.

Население планеты в настоящее время перешло пятимиллиардную отметку. Уже возникло заметное расхождение между распространением грамотности и динамикой развития средств массовой коммуникации: многие люди, лишенные зачатков образования, являются не только радиослушателями, но и телезрителями. Генерализованные системы распространения информации насчитывают, по данным ЮНЕСКО, полтора миллиарда радиоприемников и репродукторов и свыше 600 млн. действующих телевизоров, которые принимают передачи 25 500 радиостанций, телевизионных центров и ретрансляторов. Регулярно работают международные телевизионные системы, такие, как «Интервидение», «Евровидение», «Интельсат». Практически каждый телевизионный экран работает не менее чем для двух человек, и общий объем времени, которое занимает у населения Земли коммуникация (личное общение, чтение книг, газет и журналов, просмотр телепередач, радиослушание), вполне сравним с общим объемом трудового времени.

Среди современных ученых растет убеждение, что неотъемлемой частью ноосферы (в терминологии В. И. Вернадского) должна явиться инфосфера, мировая информационная структура, контуры которой ныне становятся все более четкими.

Мы даже и не подозреваем, каковы еще могут быть перспективы его развития.

«Телевидение — это возможность другой жизни, — писал В. Шкловский (а это был мудрый человек). Он пояснял: — Жизнь удваивается»⁸¹. Если голографическое, полностью объемное, телевидение станет в XXI веке реальностью, жизнь наших детей, возможно, и вправду удвоится.

Комплекс средств общения, возникший вместе с развитием техники средств связи (телевидение, кино), зачастую противопоставляется «естественно присущим» человеку, эволюционно возникшим способам общения (звуковая речь, жестикаляция и т. п.), в которых нет ничего аналогичного этой динамике

⁸¹ Шкловский В. За 60 лет. Работы о кино. — М., 1985. — С. 511.

образов действительности, сменяющих друг друга на экране. Последние кажутся чем-то принципиально отличным от коммуникативных средств, возникших вместе с предками человека; их часто рассматривают как социально значимый факт технического прогресса, не имеющий биологических аналогов.

Но эволюционно сложившийся аналог имеется и здесь, хотя со сферой общения он связан лишь косвенно. Вполне возможен сопоставительный анализ восприятия и понимания зримых образов на экране и психологических особенностей сновидений.

Кино называли сном наяву еще в 20-х годах, но тогда это была просто метафора. Сейчас она служит стимулом для любопытных исследований, имеющих и техническую перспективу.

Некогда Генрих Гейне говорил о затруднениях, испытанных им, когда он писал о море. «Потому что кто в Германии знал в то время море? Да, теперь его знает всякий; теперь, когда проложены железные дороги и когда повсюду пароходы, дело обстоит совсем иначе. Но тогда, описывая море, я говорил о чем-то, читателям во все неведомом».

Смешным сейчас кажется утверждение, что, когда были проложены железные дороги и появились пароходы, все повидали море. Разумеется, не все!

Когда появилось кино, это утверждение стало более обоснованным.

С распространением телевидения зримый образ окружающего мира вошел в жизнь сотен миллионов людей.

Что мы знаем о других регионах мира, о тех, кто их населяет? Что-то знаем. «Вряд ли хоть один из обитателей цивилизованного мира способен сказать, что ничего не ведает, к примеру, о Соломоновых островах. Может, они промелькнули перед ним на экране телевизора. Может, рассказал ему о них в научно-популярном издании побывавший там этнограф, а может, в пестром еженедельнике бойкий журналист, лишь начитавшийся этнографических статей. Это — и знание и незнание одновременно. Его нельзя вовсе не принимать во внимание, когда калькулируешь свое отношение к жизни, даже к конкретному обитателю одной из «экзотических» стран (как, наверное, мог еще не принимать во внимание Бальзак, разглядывая мир из своего центра — Парижа). Однако нельзя его считать и полноценным достоянием собственного «я». Потому что-сам ты не видел и не пережил Соломоновых островов. Информация о них поступила «из вторых и даже третьих рук».

Соломоновы острова — только пример, да еще для наглядности упрощенный. Но те отношения, в которых с этим полумифическим «царством людоедов» пребывает рядовой европеец, типичны для многих областей сегодняшней жизни. Причем не только для тех, что отделены от него пространством. Дистанцию создает любая информация «из вторых и даже третьих рук». А с возрастанием общего информационного потока, естественно» увеличивается и ее доля»⁸².

Как избежать этого? Полностью, конечно, нельзя, об этом я даже не говорю. Но вот недавно (в 1988 г.) я имел случай встретиться с профессором из штата Орегон. В программу обучения там входит ни много ни мало кругосветное путешествие, причем лекции продолжают читаться на зафрахтованном для этих учебных целей лайнере.

Все это недешево. Но результаты окупают себя. Неволь, что думается, что если бы в программу университетского образования в СССР входил семестр, включающий путешествие по союзным и автономным республикам (хотя бы по столицам), то уже это многое изменило бы.

Ведь ксенофобия во всех ее формах тесно связана с незнанием реального образа жизни людей. Неизвестно, что обошлось бы дороже — такое расточительное на первый взгляд экскурсионное образование или уже вполне ясные последствия его отсутствия.

Впрочем, что бы мы ни думали (и ни писали) об «удвоении жизни», наступающем вместе с распространением телевидения, как бы мы ни пытались изменить характер и масштабы его влияния, оно все-таки будет расти. В домах уже поселились наши ежевечерние телевизионные гости, и они оттуда не уйдут. В информационно-познавательном и культурном плане они могут сделать для нас очень многое.

Но любить они нас не смогут.

* * *

В заключение — некоторые соображения общего характера.

Общение как необходимая сторона общественных отношений меняется вместе с социально-экономическими переменами, происходящими за исторически краткий, срок. Изменениям вполне очевидным, связанным с появлением новых учреждений и организаций, внедрением телеграфа, телефона, радио, телевидения,

⁸² Затонский Д. Куда идет XX век? // *Вопросы литературы*. — 1976. — № 8. — С. 80.

компьютеризации, соответствуют глубинные изменения принципиального характера.

Происходит переворот в самой специфике общения. На протяжении многих столетий в общении доминировала индивидуальная, личная обращенность, и не случайно личному имени, семейной традиции придавалось значение первостепенное. Лишь при религиозных церемониях и в процессе обучения (на сходах и манифестациях) к человеку обращались как к члену большой группы. В XX веке роль коллективной обращенности начинает стремительно расти. Военнослужащий, учащийся, радиослушатель — это прежде всего член группы, он становится субъектом смыслового восприятия сообщений, адресованных именно группе. Меняется и его индивидуальное сознание: в процессе общения он по-новому осознает свою групповую принадлежность.

Надо сказать, что у нас существовала хорошо подготовленная почва для социально-психологического сдвига, возникающего в сознании вместе с распространением средств массовой коммуникации. Если подразделять коммуникацию на аксиальную (личные контакты) и ретиальную (обращение к группе), то пиетет к ретиальной коммуникации, уважение к человеку, который обращается к большой группе, имеет в нашей культуре давние традиции.

С распространением многообразных форм пропаганды и просвещения человек все чаще чувствовал себя частью аудитории — группы, объединенной взаимодействием с коммуникатором в процессе смыслового восприятия речевого сообщения. Аудитория средств массовой информации разобщена, анонимна, более внушаема, чем в малых группах. В сущности, она образована множеством малых групп, но воздействие коммуникатора усиливается экраном.

Мы уже испытываем его силу. Но это только начало.

Функции общения и особенности коммуникативного воздействия

Общение выполняет несколько функций, причем подразделение их в известной мере условно, нередко они взаимодействуют, взаимно проникают друг в друга. Иначе говоря, общение полифункционально. Различают четыре основные функции общения: инструментальную, синдикативную, самовыражения и трансляционную. Сочетаясь, они придают процессам общения конкретную специфику.

Прежде всего, общение обладает необходимой для социального существования личности инструментальной функцией. Это основная рабочая функция общения, заключающаяся в передаче информации, существенной для исполнения действия. Планирование производственных операций, процесс совместного труда, распределение продуктов производства — все это предполагает координацию актов деятельности путем общения.

Близка, но не тождественна инструментальной функции функция объединения — синдикативная. Многие акты общения имеют своей непосредственной целью выявление и укрепление общности между людьми в рамках больших и малых групп. Бесспорно, объединение — не самоцель, оно происходит на определенной основе и представляет собой процесс, ориентированный на решение социальных задач. Но объединение личностей уже само по себе социально существенно как необходимая предпосылка для решения разнообразных задач. Создание организаций с различной структурой и различающихся по степени сплоченности представляет собой проявление отчетливо выраженной синдикативной значимости общения.

В этой связи нельзя не упомянуть и о «фактическом общении» (в терминологии Бронислава Малиновского), сущность которого именно и проявляется в том, чтобы социально обозначить общность, хотя бы временно возникшую. Когда присутствующие на спортивных состязаниях во Всеуслышание выражают свое отношение к успехам и неудачам команд, они обращаются не только к спортсменам, они обращаются и друг к другу. Отнюдь не только для психологии спорта важен факт объединения людей, в большинстве своем далеких от непосредственного

участия в играх. И с историко-психологической точки зрения представляет большой интерес феномен искреннего увлечения формами деятельности, которые, строго говоря, могут служить лишь предметом общения, не будучи реально доступными для тех, кто их наблюдает.

Для историко-психологического рассмотрения синдикативной функции общения любопытным объектом могут служить византийские димы — своеобразные политические организации, возникшие как объединения, выражаясь современным языком, «болельщиков» константинопольского ипподрома. Знаменитое восстание 532 г. отнюдь не случайно началось на ипподроме, где произошел «самый удивительный диалог между народом и императором, какой знает история»⁸³. Разговор между императором и руководителем дима «зеленых» «велся через императорского глашатая; за ним, то затаив дыхание, то взрываясь от негодования, следили тысячи зрителей, заполнивших ипподром»⁸⁴.

Как много говорят эти исторические свидетельства о своеобразии личностных форм, в которые способна облечься коммуникативная актуализация общественных отношений! Византийский император смотрел те же состязания, что и константинопольские ремесленники, — зрелища создают иллюзорный эффект отсутствия социальных перегородок и различий между зрителями. И этот эффект, недолговечный и парадоксальный, породил дискуссию, которая имела столь грозные политические последствия. Вещал глашатай, транслятор официальных высказываний главы государства, и в ответ гремели голоса тысяч людей, сплоченных общими интересами, а не спортивным азартом. Поляризация социальных сил обозначила себя в процессе общения со всей Резкостью. Быть может, простое желание отвлечься от каждодневных тягот некогда привело рядового участника этих исторических событий на скамьи ипподрома, но именно здесь он с течением времени ощутил, что причастен к той надличной силе, которая свойственна группе. И эта сила в обстановке острых социальных противоречий не могла не проявить себя как сила именно социальная.

Синдикативной функции родственна функция самовыражения. Самовыражение по самой своей сущности ориентировано на взаимопонимание, на контакт. Как тонко заметил Г. Клейст, человек странной судьбы и большой

⁸³ История Византии. — Т. I. — М., 1967. — С. 287.

⁸⁴ Петросян Ю. А., Юсупов А. Р. Город на двух континентах. — М., 1977. — С. 56.

писатель, «странный источник вдохновения для говорящего — человеческое лицо перед ним; и часто всего лишь один взгляд, указывающий нам, что наша наполовину выраженная мысль уже понята, дает нам возможность выразить всю другую ее половину»⁸⁵. Особую роль играет самовыражение в творческой деятельности, продукт которой социально значим постольку, поскольку он становится предметом общения между людьми.

И наконец, важнейшее значение имеет трансляционная функция общения — функция передачи конкретных способов деятельности, оценочных критериев и программ. Эта функция лежит в основе обучения: через общение и происходит обучение личности, как институциональное, санкционированное и организованное государством, так и собственно индивидуальное, неформальное, происходящее в процессе повторяющихся контактов с людьми, способными передавать данному лицу свои знания и навыки.

Конечно, этими четырьмя функциями значение общения для личности никак не исчерпывается, более того, и деление их до определенной степени условно. Полу-функциональная природа общения конкретизируется в особого рода субординации системы одновременно существующих функций. Так, общение учителя с учениками инструментально, ибо имеет целью координацию совместных действий в учебном процессе. Естественно, что при этом общение выполняет главным образом трансляционную функцию. Но не менее естественно, что для настоящего педагога общение с учащимися — всегда самовыражение, и слушатели это чувствуют и ценят.

Есть и второстепенные функции общения, такие, которые возникают и исчезают с возрастом. Так, для детей характерна реализация формирующейся личности в ролевых играх, играх с речевой персонализацией. Заметим в связи с этим, что присущая ребенку способность представлять себя кем-то во время игры, принять на себя чью-то роль является одновременно и особой формой общения, которая фактически не проявляет себя с достижением социальной зрелости и завершением ранних этапов формирования личности.

Особого внимания исследователя заслуживает дифференциация коммуникативных и мнемонических, т. е. связанных с памятью факторов, от которых

⁸⁵ Клейст Г. О том, как постепенно сопоставляется мысль, когда говоришь: Избранное. — М., 1977. — С. 504.

зависит континуальность человеческого «я», иначе говоря, сохранность личности⁸⁶. Как таковая континуальность личностного бытия никаких сомнений, естественно, вызывать не может, ибо личность сама по себе есть нечто существующее во времени, меняющееся, иногда чрезвычайно резко и глубоко, но продолжающее быть собою, именно данной личностью, а не какой-либо иной.

Вполне естественно, что роль основного средства, гарантирующего континуальность конкретного человеческого «я», выполняет человеческая память: она сохраняет все, что необходимо для продолжения личной индивидуальности во времени. Если рассматривать «я» как связующий центр осознаваемых свойств и состояний личности, то фактором, поддерживающим стабильность и конкретные изменения «я», следует считать общение. Именно общение позволяет человеку осознать свою личную индивидуальность, познать самого себя. Зеркало, в которое смотрится человеческое «я», находится вне его самого. То, что поэт В. Ходасевич назвал «говорящим правду стеклом», — в данном случае другие люди.

Эти люди обладают особенностями, объединяющими их в большие группы по национальным, классовым, социально-культурным, возрастным и прочим признакам. И конечно, эти особенности влияют на общение (сравните, как веселятся и спорят подростки и как степенно беседуют пожилые люди). Более того, они влияют и на понимание явлений культуры. «Вероятно, некто не думает», — замечал А. Герцен, — что Англия времени Елизаветы, особенно большинство народа, понимала отчетливо Шекспира; она и теперь не понимает отчетливо, да ведь они и себя не понимают отчетливо. Но что англичанин, ходящий в театр, инстинктивно, по сочувствию понимает Шекспира, в этом я не сомневаюсь. Ему на ту минуту, когда он слушает, становится что-то знакомее, яснее»⁸⁷. Конечно, гений Шекспира принадлежит всему человечеству, но именно в той мере и потому, что воздействие его на сознание зрителя (иной эпохи, иных социальных условий, иного народа, наконец) нераздельно с пониманием жизни, и это знал тот, кто воссоздал его творения по-русски. Борис Пастернак говорил: «Зритель сейчас обрел более ясное понимание жизни, и тут важно, хватит ли у нас таланта и прозорливости дать зрителю то, что он смутно желает». И еще: «Зритель смеется и плачет в зрительном

⁸⁶ Сохранность личности — одна из определяющих констант нормы человеческой психики, и недаром видный украинский психиатр П. П. Ющенко предлагал заменить термин «психически больной» на «лично больно».

⁸⁷ Герцен А. Былое и думы. — Т. 1. — Ч. IV. — М., 1931. — С. 343.

зале не оттого, что ему грустно или весело, а оттого, что путь к нему найден верно»⁸⁸.

Умение «найти путь» к зрителю означает, по существу дела, умение воздействовать на его мысли и чувства, вызывать определенные переживания, неявно или прямо влияя на формирование у него определенных убеждений.

Издравле речевому общению и неразъемному с ним устному коммуникативному воздействию придавалось очень большое значение. Даже слово «внушение» имеет общую коренную основу со словами «ухо», «ушко». И в цивилизациях, которые уже обладали развитой письменностью, роль непосредственного речевого воздействия традиционно считалась очень большой. «Слова предназначены для ушей, внушают через ухо. Отец, наклонившись к правому уху новорожденного сына, трижды произносит «речь!» (Брихадараньяка упанишада, VI. 4, 25)... Но посмотри, как симметрично расположены уши. У тебя в голове как бы имеется сквозное отверстие, и поэтому часто слова «в одно ухо входят, в другое выходят»... Однако надо, чтобы слова застревали внутри. А чтобы внутрь не попадали дурные вещи, уши следует оберегать. Ведь туда могут забраться... дурные слова, и поэтому «у девки уши золотом завешены», не слышит непристойных речей»⁸⁹. Вот, оказывается, откуда взялся обычай носить серьги. Но ему тысячи лет, а нас больше интересуют проблемы нынешнего дня.

Сейчас мы рассмотрим ряд вопросов воздействия на аудиторию под пропагандистским углом зрения. Мы будем учитывать то обстоятельство, что в условиях гласности проблема такого воздействия значительно возросла. И это вполне очевидно. Устная пропаганда отнюдь не утратила своего значения в период стремительного развития средств массовой информации и продолжает оставаться одним из наиболее действенных способов идеологического воспитания.

В процессе демократизации уходят в прошлое неэффективные и устарелые приемы лекционной пропаганды. Важной задачей социальной психологии ныне является изучение социальной роли устной пропаганды и форм дальнейшего расширения ее масштабов и качественного совершенствования. Решению этой задачи призван способствовать, в частности, анализ психологических механизмов понимания идеологических текстов и взаимодействия пропагандиста и аудитории. Здесь мы попытаемся рассмотреть устное пропагандистское воздействие в

⁸⁸ Цит. по: Целиковская Л. Жизнь одаривает встречами // Советский экран. — 1980. — № 3. — С. 15.

⁸⁹ Абрамян Л. А. Беседы у дерева (этнографические заметки). — В кн.: Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира. — М., 1979. — С. 78—79.

социально-психологическом и психолингвистическом аспектах, которые между собой тесно взаимосвязаны.

Конечно, мы будем говорить языком более сложным, но ничего в нем непонятного нет.

Напомним несколько общих положений.

Социальная психология исследует человека в его отношении к другим людям и обществу. Естественно, что влияние, которое общество способно оказать на человека как члена социальной группы, составляет существенный предмет социально-психологического исследования. Мы имеем в виду влияние целенаправленное, ориентирующее, формирующее убеждения и регулирующее деятельность. Такое влияние заслуживает самого пристального анализа. Как пропагандистское воздействие оно имеет далеко идущие социальные последствия. Оно осуществляется различными способами, но цели его в конечном счете сводятся к формированию такого понимания действительности, которое отвечает ценностям и целям общества. Критерием же этого понимания (основанного на убеждениях) является поведение, адаптированное к соответствующим социальным нормам, деятельность, ориентированная в направлении, заданном осознанными социальными интересами. Проще говоря, критерии понимания лежат в том влиянии, которое оно оказывает на человеческие поступки.

Сегодня важнейшим фактором, влияющим на поступки человека, служит перестройка мышления. Формирование нового мышления непосредственно связано с осознанием интересов и ценностей человечества, народа, класса. Осознание общечеловеческих и классовых интересов — закономерный результат взаимоперехода общественного и индивидуального сознания. Взаимопереход этот происходит в процессе общения. Контролируемый и повторяющийся, он приобретает форму пропаганды. В принципе для нее характерны следующие признаки⁹⁰.

Пропаганда — это планомерное распространение определенных взглядов, включающее их разъяснение и подтверждение.

Пропаганда всегда адресована, она осуществляется как целенаправленное

⁹⁰ То, что в советское время называлось пропагандой, отнюдь не утратило, а может быть, даже приобрело большую актуальность сегодня. Процессы, связанные с «продвижением ценностей», а в школе, проще говоря, с воспитанием, во многом должны базироваться на принципах, изложенных ниже. Особенно в условиях, когда конкурирующих систем ценностей становится все больше, навык убеждения со стороны учителя должен становиться более отточенным и эффективным. (Примечание редактора)

убеждающее воздействие на аудиторию, причем достаточно определенную.

Пропаганда предполагает постоянное привлечение внимания к основным положениям дирекционной (направляющей) концепции и постепенное превращение этих положений во внутреннее убеждение коммуникантов (слушающих).

Пропаганда включает в себя способ и критерии оценки некоторого класса явлений. Она задает этот способ и критерии конкретной аудитории. Усвоение этого способа и применение этих критериев есть важный показатель эффективности пропагандистского воздействия.

Пропаганда с необходимостью включает в себя возвращение к основным тезисам (в побуждающей к действию форме — к лозунгам). Повтор ключевых формулировок служит не только средством их закрепления в памяти, но и способом организации нового фактического материала как подтверждения дирекционной концепции.

Пропагандистское сообщение становится для его слушателя средством солидаризации с группой, имеющей аналогичные убеждения и интересы.

Результатом пропагандистского воздействия (пусть отдаленным, но существенным) является обращение коммуниканта в коммуникатора, т. е. слушатель начинает общаться с другими людьми в духе усвоенных им взглядов. Трансляция пропагандистского материала, передача фактов в заданном ключевыми тезисами освещении в дальнейшем осуществляется индивидами в рамках неформальных групп, и в этом — один из критериев эффективности воздействия на аудиторию. Когда из состава последней выходят настоящие и будущие лидеры мнений, можно считать, что цель пропагандистского воздействия в значительной степени достигнута.

Напомним применительно к нашей теме основные положения теории коммуникативного воздействия, существенные для лектора.

Специфическая особенность устного речевого сообщения — его обращенность, личная или коллективная. Формы обращенности соответствуют двум типам коммуникации — аксиальной и ретиальной, причем аксиальная коммуникация находит выражение в высказываниях, точно адресованных отдельным индивидам, а ретиальная охватывает группы людей. Последний тип коммуникации предполагает контакт с аудиторией. Такова, например, лекция. Вопросы, адресованные лектору,

аксиальны, его ответы — ретиальны. Заметим, что лектор не только информирует аудиторию, но и социально ориентирует ее.

Коммуникатор (говорящий) и его слушатели образуют коммуникативную систему в процессе порождения и смыслового восприятия текста. И говорящий, и те, кто его слушают, — это субъекты общения на различных уровнях активности. Они различаются и по видам деятельности, но последние взаимодополняют друг друга.

С точки зрения системного подхода взаимодействие слушающего и говорящего при общении может быть полноценно изучено, когда будет исследован текст, который произносит говорящий и понимает слушающий и который будет проанализирован как системообразующий компонент.

Коммуникативная система образуется тогда (мы имеем в виду устную речь), когда продукт речевой деятельности коммуникатора практически одновременно становится предметом активного смыслового восприятия реципиента. Текст, таким образом, становится смыкающим компонентом или «замком» системы. В нем структурно фиксированы функциональные особенности речевой деятельности. Он образован сочетанием знаков звуковой речи, выражающих некоторое содержание, в принципе доступное пониманию и в силу этого воздействующее на аудиторию.

Текст устной речи, как и любой текст, рассматривается в трех главных отношениях. Прежде всего в отношении к действительности, которая в нем отражена. Здесь наиболее существенно соответствие содержания и смысла текста объективной реальности. Это определяющее условие эффективности пропаганды.

Рассматривая текст во втором отношении — в отношении к аудитории, мы обращаем главное внимание на выбор адекватных средств выражения мысли, которая содержится в пропагандистском сообщении, и на возможный контроль результатов его воздействия.

И наконец, в отношении к коммуникатору текст рассматривается как продукт его деятельности, отражающий ряд его личностных и ролевых особенностей.

Устное пропагандистское воздействие происходит в условиях в принципе способствующих повышению его эффективности. Прежде всего обратная связь в системе «коммуникатор — текст — аудитория» позволяет свободно варьировать смыкающее звено. Учитывая реакцию аудитории, коммуникатор выделяет интонацией отдельные формулировки, детализирует их по ходу изложения.

Возникает и возможность контроля понимания сообщения при последующем его обсуждении.

Далее, участники коммуникативного процесса приобретают возможность смены уровней активности: задавая вопросы, выступая при обсуждении сообщения, слушатель обращается в коммуникатора. Чувство удовлетворенности, играющее немалую роль в формировании отсроченной реакции на речевое пропагандистское сообщение, заметно при этом возрастает.

Наконец, при непосредственном контакте коммуникатора с аудиторией возникает принципиальная возможность повторяющегося контакта с малой группой, обладающей общностью целей, спаянной интенсивным внутригрупповым общением и т. д. Изучение структуры и сплоченности групп методами, которые разработаны А. В. Петровским, позволяет выделить совокупность ориентированных на данную группу способов воздействия и добиться таких его результатов, которые реально обозначатся в деятельности членов группы.

Естественно, что в этих условиях возникают и возрастают такие требования к коммуникатору, которые уже не связаны только лишь с содержанием конкретных текстов, сообщаемых аудитории. Выступая как лектор или пропагандист, коммуникатор оказывается в особой позиции и по отношению к аудитории, и по отношению к предмету сообщения. С одной стороны, он, вне всякого сомнения, автор речи, порождающий речь субъект, несущий ответственность за сказанное. С другой стороны, он транслятор утверждений, которые включены в определенную политическую доктрину и сформулированы на высшем уровне компетенции. Коммуникатор вправе, даже обязан эти утверждения разъяснять, развертывать, иллюстрировать доступными аудитории примерами, доказывать. Но он отнюдь не может их произвольно изменять: задача его именно в том и состоит, чтобы донести до аудитории точный смысл тех или иных положений и актуализировать их значение применительно к данным конкретным условиям. Практически он оперирует и заданными формулировками, трансляция которых необходима. Таким образом, пропагандист занимает особую позицию — позицию доверенного лица, и ей соответствуют специфические установки аудитории. Сходную, в сущности, позицию занимает и лектор.

Существует класс ситуаций, в которых доминирует установка на восприятие трансляции: слушатели соотносят с говорящим лишь четкое и правильное воспро-

изведение текста (так слушают, например, диктора). Напротив, с тем, кто выступает с собственно авторской позиции, слушатель соотносит прежде всего содержание воспроизводимого текста. Тут же прощают и иные недостатки дикции. Что же касается пропагандиста⁹¹, то его позиция отлична и от собственно авторской, и от трансляционной. По отношению к нему реализуется прежде всего установка на компетенцию: от него ожидают и достаточно содержательного сообщения, и определенного умения поддерживать стабильный контакт со слушателями.

Уровню квалификации коммуникатора, в общем, соответствует и степень доверия к нему со стороны аудитории, что является необходимым психологическим условием эффективности пропагандистского воздействия.

При анализе убеждающей речи по традиции основное внимание всегда уделяется коммуникатору. Это относится к античным временам, эпохе «классической риторики». Это может быть частично отнесено и к современным исследованиям в области «экспериментальной риторики», но только частично. Аудитория — вот существенно новый компонент исследований, который вошел в поле зрения психологов, изучающих процесс коммуникативного воздействия.

В работах по «экспериментальной риторике», содержательный анализ которых провели Б. М. Фирсов и Ю. А. Асеев, аудитория предстает как объект направленного изменения ее установок в определенных целях⁹². Убеждение рассматривается как своего рода преодоление равнодушия и недоверчивости аудитории, противостоящей коммуникатору и зачастую иррациональной в своих побуждениях. Подход отечественных психологов к исследованию воздействия на аудиторию методологически иной⁹³, и сама сущность отношения «пропагандист — аудитория», естественно, во многом иная, нежели на Западе. Взгляды пропагандиста и его слушателей на базисном идеологическом уровне часто совпадают. В этих условиях естественно доминирует установка на квалификацию пропагандиста, высокую компетенцию лектора, его умение взаимодействовать с аудиторией, привлекать ее внимание.

Аудитория представляет собой пространственно размещенную группу,

⁹¹ Как уже было сказано выше – в роли пропагандиста сегодня может быть и учитель, и аналитик, и просто школьник, который пишет пост на Фейсбуке (Примечание редактора).

⁹² См.: Фирсов Б. М., Асеев Ю. А. Проблемы речевого воздействия на аудиторию в зарубежной социально-психологической литературе. — Л., 1973.

⁹³ См.: Леонтьев А. А. Психология общения. — Тарту, 1974.

объединенную взаимодействием с коммуникатором в процессе смыслового восприятия речевого сообщения. Пространственное размещение членов группы связано с их числом. Традиционно различают «прямоугольную» и «циркулярную» (круглый стол) схемы размещения. Частный случай прямоугольного размещения — трапецеидальное, когда несколько меньшее число слушателей располагается непосредственно перед коммуникатором.

Различие схем размещения отражает возможную динамику процесса общения. При циркулярном расположении слушатели практически всегда общаются друг с другом, видят, как реагируют на сообщение другие участники, находящиеся в поле их зрения. При прямоугольной или трапецеидальной форме размещения группы внимание ее членов сосредоточивается на коммуникаторе. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что именно в такой ситуации реакция на сообщение наиболее интенсивна.

Ближайшая цель лектора при работе с аудиторией — добиться достаточно полного понимания своего сообщения. Это находит отражение в смысловой структуре сообщения, для которой характерно, в частности, повторное обращение к отдельным особо значимым элементам.

Повторение, которое вообще является одним из специфически присущей пропаганды элементов воздействия на аудиторию, приобретает особое значение в ситуации устного выступления. «...Повторение — один из самых нужных приемов. Сжатая речь — опасное достоинство для оратора. Мысли привычные, вполне очевидные скользят в мозгу слушателей, не задевая его. Менее обыкновенные, сложные, не успевают в него проникнуть»⁹⁴.

Действительно, восприятие письменной речи дает возможность вернуться к наиболее существенным или неясным компонентам текста. Перечитывая то или иное место, читатель как бы предлагает автору повторить сказанное. Слушатель далеко не всегда оказывается в аналогичной ситуации. Зачастую он просто не располагает возможностью перебить выступающего, не говоря уже о том, что обращается лектор не к данному человеку лично, а к аудитории, и большинству слушателей может быть вполне доступно то, что не поняли отдельные лица. Однако именно их и следует постоянно иметь в виду выступающему. Аудитория соучаствует в процессе общения как целое, и обязательное условие эффективности

⁹⁴ Селгейч П. Искусстве речи на суде. — 2-е изд. — М., 1960. — С. 242—243.

воздействия — контакт, в сущности, и заключается в том, что выступающий речевыми средствами поддерживает структурное единство группового восприятия сообщения. Любому лектору известно, как нарушается связь с аудиторией, часть которой его не слушает. Это может быть численно незначительная часть, но количественные характеристики здесь важны менее всего: произошло нарушение структуры аудитории как воспринимающего целого, и сразу ослабел контакт.

Учет интересов наименее информированной и недостаточно подготовленной части аудитории лежит в основе так называемого «закона конвоя», соблюдение которого заметно повышает действенность устной пропаганды. «Закон конвоя» — наименование метафорическое. Как известно, один из видов конвоя представляет собой караван транспортных и военных кораблей, и скорость его движения определяется скоростью самого медленного судна — в противном случае оно оторвется от конвоя. Сходным образом пропагандистское сообщение должно быть построено так, чтобы оно было доступно наименее подготовленным слушателям, иначе они «оторвутся» от хода смыслового восприятия сообщения, структура аудитории нарушится, и немедленно последует частичная утрата контакта. Разумеется, учет требований «закона конвоя» не означает, что сообщение должно быть содержательно ориентированным на самую слабую часть воспринимающей группы. Отнюдь нет. Но сообщение должно быть ей понятно, по крайней мере в тех пределах, которые обеспечивают единство аудитории в процессе общения с пропагандистом, лектором, одним словом, с тем, кто перед ней выступает.

При этом следует иметь в виду еще одно обстоятельство, уже непосредственно связанное с убеждающим характером пропагандистского сообщения. С собственно лингвистической точки зрения в выступлении пропагандиста доминирует монологическая форма речи, а ей, как отмечал в свое время академик Л. В. Щерба, специфически присущ признак «преднамеренности воздействия на окружающих»⁹⁵.

Данный признак по-разному выявляется в монологической речи — в зависимости от цели коммуникатора и характера аудитории. Но преднамеренность воздействия выступает здесь как осознанная, и в этом заключается ее отличие от многих иных видов воздействия, которые встречаются в речевом общении постоянно: коммуникация предполагает воздействие, но это отнюдь не всегда осознанное намерение участников процесса общения. Как раз напротив, если

⁹⁵ Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. — М., 1957. — С. 115.

человек осознает, что он — объект намеренного воздействия, это побуждает его с особым вниманием относиться к обоснованию утверждений пропагандиста: его квалификация и личная убежденность вызывают доверие, но сами по себе еще не служат гарантией того, что он во всех случаях прав. Поэтому важными убеждающими компонентами устного пропагандистского сообщения являются апелляция к авторитетам, формирующим критерии оценки фактов, ссылка на большинство, разделяющее эту оценку, обращение к социальным интересам и компетенции аудитории. Коммуникатор может охарактеризовать цели обращения к аудитории, выразить свое отношение к предмету сообщения, отчетливо сформулировать основные аргументы в пользу излагаемой точки зрения и ясно показать, что она отвечает интересам слушателей.

Любопытно, что именно эти, казалось бы, элементарно необходимые особенности частично или полностью отсутствуют в сообщениях малоопытных пропагандистов. Наблюдения, проводимые нами в течение ряда лет, показывают, что многие пропагандисты, справедливо считая, что слушатели разделяют главную концепцию, придают своим сообщениям скорее информационный характер, лишая их собственно убеждающих моментов. Между тем идеологическая общность пропагандиста и аудитории позволяет очень широко использовать убеждающие возможности, присущие устному коммуникативному воздействию. Так, выражая готовность совместно со слушателями обсудить сущность темы, попутно подчеркивая свое доверие к их здравому смыслу, жизненному опыту, коммуникатор решает принципиально важную задачу — он неявно поддерживает и закрепляет у аудитории установку на «включенный факт».

Это — типичная установка аудитории, воспринимающей факты как доводы. Конкретные данные, которые содержатся в сообщении, значимы для аудитории лишь постольку, поскольку они подтверждают концепцию. Факт включен в смысловую систему изложения, что очень важно. Пример убеждает сильнее систематизированных, но отвлеченных доводов в пользу излагаемой точки зрения.

Обратите особое внимание на то, что на понимание речевого пропагандистского сообщения заметное влияние оказывают следующие факторы.

Языковой. Устная речь заметно отличается от письменной. Но особенность устных пропагандистских текстов в том и состоит, что зачастую они по материалу и речевым оборотам оказываются весьма близки к текстам письменным.

Лексическое сходство в данном случае — объективная необходимость, ее трудно избежать, а возможно, и незачем, тем более что пропагандист обязан ориентировать аудиторию на знакомство с публикуемым по теме материалом. Но в области построения сообщения, начиная с конструкции предложений и сверхфразовых единств, коммуникатор может и должен уходить от стереотипов письменной речи. Особое значение приобретает при этом возможность интонировать устное сообщение, говорить живым языком.

Последовательность смыслового восприятия. Информационно-пропагандистские сообщения носят часто серийный характер, и сообщаемые факты имеют значение не только сами по себе, но и в отношении к предшествующим. При этом факты могут быть сопоставлены лишь при помощи коммуникатора: смысловое восприятие устной речи практически исключает параллельное обращение к дополнительной (справочной) литературе. Равным образом слушатель далеко не всегда располагает возможностью восстановить в памяти предшествующие элементы смысловой картины, образуемой сочетанием сегодняшнего сообщения и сообщения прошлого, которое, может быть, было на той неделе, а то и раньше.

Итак, лексическая сторона выступления или лекции, подчеркнутая свобода речи, знание факторов, последовательность материала — вот что постоянно следует иметь в виду лектору и пропагандисту.

В условиях демократизации жизни нашего общества партийная идеология и государственная политика продолжают служить предметом пропаганды, и это вполне закономерно. В комплексе с массовыми информативными процессами устная пропаганда выполняет незаменимую воспитательную роль, ибо непосредственный контакт с аудиторией позволяет реализовать специфические возможности убеждающего воздействия. Всеми приемами убеждающего воздействия должен владеть учитель, лектор, преподаватель высшего учебного заведения. Разумеется, ничто не заменит искренности в общении с людьми, но одной только искренности недостаточно, надо, чтобы лектора интересно было слушать, чтобы он смог убедить слушателей в своей правоте.

Умение выразить свои мысли и чувства впечатляющим образом не приходит само, ему надо учиться. Сирел Норткот Паркинсон был прав, когда говорил, что «слишком часто мы забываем о главном — об искусстве общения. Мы выражаем свои мысли и чувства при помощи слов (письменно или устно), жестов и порою

молчания. Даже в том случае, когда наши побуждения благородны (а мы знаем, что это именно так), мы тем не менее можем все испортить, если не сумеем высказать то, что хотелось, или — что еще хуже — ляпнем как раз обратное тому, что собирались сказать. Поэтому вся проблема общения заслуживает, чтобы к ней отнеслись гораздо внимательнее, чем это у нас принято»⁹⁶.

Но сфера воздействия, раз уж мы коснулись этого вопроса, шире речевого общения: она охватывает все стороны жизни групп.

Возьмем, например, военную форму, руку, вскинутую под козырек, всю сложную символику армейской или флотской жизни. Как член организованной группы, индивид должен находиться в соответствующем знаковом (или символическом) окружении. Если данная группа специализирована относительно целей и характера коммуникации, специализируются и символические формы, ее сопровождающие. Так, особой сложностью отличается символическое окружение, соответствующее религиозному культу.

Для коммуникации характерны два типа представления информации — линейный и фенестрационный (от лат. «fenestra» — окно). Знаки, следующие один за другим, представляют информацию линейно (типичный пример — человеческая речь). Знаки, сгруппированные так, чтобы их смысловое восприятие было по возможности одновременным, единым, представляют информацию в ином, фенестрационном виде (эмблема, герб, орден, дорожный знак). Обычно эти типы представления информации взаимно дополняют друг друга.

Обратите внимание на то, что люди окружены знаками с детских лет и до завершения жизненного пути. Сфера их возможного воздействия на людей называется силовым полем знаков.

Различают два типа силового поля знаков — локальное и генерализованное. Локальное силовое поле создается в данных конкретных точках пространства с тем, чтобы стабилизировать коммуникативную ситуацию в соответствии с эталоном. Вспомните, например, о знаках уличного движения, лозунгах, транспарантах, плакатах, вывесках. Генерализованное силовое поле создается в результате работы центральной направляющей системы. Для него характерно реплицирование, т. е. воспроизведение по образцу определенного набора знаков. Радио, телевидение, пресса — все они суть средства организации генерализованного знакового поля.

⁹⁶ Паркинсон С. Н. Закон Паркинсона. — М., 1976. — С. 332—333.

От печатной машины, от телестудии, от микрофонов идут к конкретным людям идентичные сообщения и изображения.

Если локальное поле создается в местах возможного сосредоточения коммуникантов, то генерализованное является распределенным, иными словами, основное сообщение как бы повторяется для каждого коммуниканта, подводится к нему по каналу передачи.

Впечатляющим примером организации локального знакового поля служат работы А. Н. Душкина, по проектам которого построены станции московского метрополитена «Площадь революции» и «Маяковская». Разместив в двадцати пролетах станции «Площадь революции» восемьдесят скульптур, символически выражающих различные аспекты партийной идеологии и государственной политики, архитектор сумел добиться высокой степени концентрации силового поля, необходимой в условиях постоянного перемещения больших масс людей.

Эти и другие условия вытекают из своеобразия данного конкретного типа коммуникативной ситуации.

Ситуация, в которой осуществляется коммуникативное воздействие, определяется набором пространственных и временных констант. Типические сочетания таких констант могут быть системно охарактеризованы как хронотопы⁹⁷. Хронотоп дороги, например, отличается тем, что коммуникация происходит внутри малых групп, которые объединены временно доминирующей установкой — достичь цели передвижения. В рамках хронотопа дороги возникают новые информационные контакты, люди, например, в поезде вступают в межличностные отношения, менее вероятные в иных обстоятельствах, скажем, при стабилизированном круге общения в небольшом городке (хронотоп маленького города, типичного для «одноэтажной Америки» 20—30-х годов, детально описан в работах американских социологов — супругов Линд).

Известна коммуникативная специфика хронотопа больничной палаты, где доминирующие установки (острое желание излечиться, надежды, сомнения, тоска по дому) накладывают специфический отпечаток на предмет общения. Особого рода коммуникативные регулирующие факторы характеризуют хронотоп траншеи, или, шире говоря, передовой позиции: здесь эффективность воздействия речевых

⁹⁷ Термин «хронотоп» (греч. «время-пространство») употребляется в различных отраслях знания. М. Бахтин определяет его как слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом (см.: Бахтин М. Время и пространство в романе // Вопросы литературы. — 1974. — № 3. — С. 134).

сообщений на поведение выявляется в экстремальных ситуациях и достигает максимума. Исполнение боевых приказов становится фактором, от которого зависит не только регуляция деятельности, но и самое существование групп и членов групп. Разработка хронотопической классификации коммуникативных ситуаций имеет большое значение для прогнозирования результатов воздействия на личность и группу, эта работа ведется, но пока еще не закончена.

Вообще воздействие на психику человека связано с динамикой его потребностей и сил. Психика человека как бы нацелена на изменение окружающего мира через посредство сущностных сил, физических и умственных, а конкретные потребности есть частное выражение этой фундаментальной тенденции.

Потребности могут рассматриваться как совокупность факторов, способствующих коммуникации. Именно существование потребностей учитывается в практике коммуникативного воздействия.

«Испытывать потребность — это, в сущности, значит ощущать нехватку чего-либо, которую пытаются восполнить, а это как раз и определяет некоторое побуждение, управляющее поведением животного или человека»⁹⁸. Обращение к побуждениям индивида, обусловленным его потребностями и установками, составляет важное условие коммуникативного воздействия на его поведение. Это обстоятельство давно установлено эмпирически и используется для повышения эффективности воздействия.

Так, можно ориентировать сообщение на преодоление возникшего барьера общения или, как еще говорят, на пробой барьера в тех точках, где он наименее прочен (там, где та или иная потребность обострена, барьер как бы «прогибается изнутри», становится тоньше). Существуют способы пробить барьер «снаружи», и простейший из них состоит в намеренном изменении интенсивности сигнала. Это относится к человеческой речи. Известна, например, особая вокализация военных команд, впрочем, и простое понижение голоса иногда дает поразительные по эффективности результаты. По словам Поля Рейно, премьера Франции в дни германского вторжения 1940 г., люди верят любой нелепости, если ее сообщают шепотом. Это, разумеется, преувеличение, но абсурдным его назвать нельзя.

А вот более сложный пример образования бреши в барьере.

⁹⁸ Пьерон А. Потребности. — В кн.: Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса и Ж- Пиаже. — М., 1970. — С. 147.

Утренера недобор девушек в секции по фехтованию. У девушек другие интересы, они не представляют себя в маске и с рапирой, кроме того, занятие это утомительное и отнимает время по вечерам. Что же делает тренер? Он приходит в аудиторию, где сидят первокурсницы, в сопровождении самой стройной фехтовальщицы, поднимается на кафедру и сообщает: «Фехтование — это совершенно особый вид спорта. Он полностью меняет движения и фигуру человека. Через четыре месяца на вас будут смотреть совершенно другими глазами». Жест в сторону молча стоящей рядом фехтовальщицы: «Запись у нашей разрядницы с двух часов». К вечеру задача решена.

Это, разумеется, частный случай, но он показывает значение ориентации на потребности для коммуникативной практики.

В процессе воздействия на индивида и группу следует учитывать конкретные модели регуляции деятельности.

Заслуживает внимания предположение, что условием эффективной регуляции деятельности служит психостазис, или определенное соответствие между 1) осознанием и реализацией возможностей деятельности и 2) осознанием конкретных результатов деятельности и ее последствий для индивида и группы, к которой он принадлежит. Тем самым речь идет о симметрии между реализацией возможностей и ответственностью: симметрия устанавливается посредством процесса понимания.

Естественно, что в детском возрасте перебор возможностей очень велик (поэтому дети так часто предпочитают ролевые игры). Что же касается ответственности, то она лишь в малой степени носит личный характер: это распределенная ответственность (родители, школа), и ребенок это осознает.

С течением времени количество личных и социальных возможностей уменьшается, а вероятность реализации отдельных возможностей возрастает. Ответственность непосредственно связана именно с реализуемыми возможностями.

Поясним это на простых примерах.

Третьеклассники играют в космонавтов, моряков, разведчиков. Однажды я видел просто мастерски разыгранную сцену дуэли (то ли Пушкин с Дантесом, то ли Печорин с Грушницким). Кто на самом деле знает, кем станет девятилетний мальчик, что стоит передо мной — космонавтом, шофером, артистом? Но мы твердо знаем, что через двадцать лет спектр его возможностей сузится, хотя вероятность реализации их возрастет. Предположим, в 29 лет — он капитан второго ранга, тогда его шансы стать

адмиралом высоки, а скажем, профессиональным актером — низки.

Итак, если задача воздействия на человека состоит в том, чтобы изменить его деятельность, то оно должно быть направлено на ту ось, которая соединяет возможности человека и ответственность за их реализацию, на понимание. Иначе говоря, если мы хотим активизировать деятельность человека, мы должны добиться того, чтобы он понял ее смысл, оценил ее перспективы. Тогда он возьмет на себя смелость действовать и примет на себя ответственность за ожидаемые результаты.

Широкая картина социальных перспектив, тонкий анализ реальных человеческих возможностей — все это может быть ярко освещено в текстах. И это могут быть не обязательно научные тексты. Чтение Достоевского влияло на мысли Эйнштейна больше, чем знакомство с иными научными трудами. Художественная литература — едва ли не важнейший предмет понимания, способный серьезно повлиять на внутренний мир человека. Но об этом уже было сказано в предыдущих разделах, посвященных пониманию.

РАЗВИТИЕ И ОБУЧЕНИЕ

Проблема познания на рубеже веков

XX век на исходе. Как никакой другой период жизни человечества, наш век подтвердил справедливость слов Ницше: «История философствует молотом». Тяжко быть молотом. Больно быть наковальней. Но каково быть между молотом и наковальней?

Это вопрос о человеческом существовании, это вопрос философский, и экзистенциальная философия попыталась на него ответить. Многие не находят ее ответ убедительным. Что ж, ещё Кант назвал «скандалом философии» то, что эта форма знания не открыла никаких положений, признаваемых всеми без исключения философами в качестве очевидных: Карл Ясперс во «Введении в философию» даже писал, что непреложные истины - это достояние конкретных областей знания, а философия обсуждает именно вопросы спорные, подразделяющие мысли на разные направления, а науку - на разные течения. Этим спорным вопросам и посвящена эта книга.

Относительно познания могут быть заданы четыре вопроса, и вы их, несомненно, слышали. Но из того, что эти вопросы задают, еще не вытекает, что они правильно поставлены.

1. Познаваем ли мир?

Этот вопрос поставлен неправильно. Если мы в состоянии его задать, значит мир познаваем, значит мы уже знаем о мире немало, а именно - что мир есть, что мы существуем в этом мире и составляем, по всей вероятности, его часть и т.д. То есть на самом деле этот вопрос о возможностях познания. Тем самым этот вопрос практический, и отвечать на него надо, не преграждая путей практической (и созидательной) деятельности. Мы должны жить и действовать так, как если бы мир и человеческое сознание были познаваемы. В этом - суть принципа *alsob* («как если бы»).

2. Есть ли смысл?

Это фундаментальный философский вопрос. Если мир и сознание находятся в состоянии движения (а это надо признать), то имеет ли это движение направление, то есть можно ли назвать его развитием? Можно ли понять реальный мир - ведь понять можно только то, что имеет смысл. При этом предполагается, что смысл не определяется целью (целенаправленна лишь некоторая, и при этом небольшая, часть процессов, происходящих во Вселенной).

3. Необходим ли человек во Вселенной?

И это фундаментальный философско-гносеологический вопрос. Насколько закономерен в масштабах Вселенной феномен человека, является ли разумная жизнь необходимым компонентом развития мира или она уникальна, а следовательно, случайна? Анализ этого вопроса составляет основу дискуссий вокруг антропного принципа.

4. Зачем познание?

В центре любой теории познания должен стоять именно этот вопрос, ибо причина существования познания позволяет с известным основанием судить о его генезисе и эффективности. Если антропный принцип заслуживает внимания и поддержки, то познание представляет собой нечто объективно необходимое для существования Вселенной и, следовательно, позволяющее установить объективную истину. Напротив, если антропный принцип - не более чем домысел, тогда и познание способно приносить истинные результаты лишь в силу их практической эффективности в пределах решения поставленных человечеством задач.

Сверх этих фундаментальных вопросов, имеются и другие, непосредственно связанные с проблематикой социальной и когнитивной психологии.

Первый из них касается социальных пространств.

Современная философия придает большое значение тому, что существование человека происходит путем перемещения его в различных социальных пространствах - пространстве производства, пространстве управления, образовательном пространстве, пространстве рыночном, пространстве личном.

Сейчас во всем мире придают особое значение рыночному пространству, существующему, кстати сказать, много веков и отнюдь не сводимому к современным его формам.

В каждом из социальных пространств человек чувствует себя «по- своему». В рыночном пространстве, где приобрести можно все (в чем и заключается его специфика), у человека возникает иллюзия, что приобрести можно и жизнь бесконечную. Покупали же в свое время индульгенции. Покупают же сейчас лекарства те, кто в состоянии их купить, - и вместе с лекарством приходит и избавление от болезни, а значит и дополнительные дни жизни. Послушаем поэта, который чувствует рыночное пространство очень тонко. В стихотворении Е. Рейна «Сириус над Маасом», где действие происходит в большом старом ресторане, прекрасно показано, что в процессе приобретения приходит и иллюзорное ощущение личного бессмертия.

Дайте мне рюмку ликера, дайте шпината еще, вздора, фурора, фарфора, но только еще и еще.

Пылко дышали тарелки, «вэджвуд» с копченым угрем, выдумка смерть и безделка, может быть, мы не умрем.

Может быть, вечным обедом нас на террасе займут, ибо ответ нам неведом, ибо свидетели врут.

Множественное число первого лица тут употреблено не случайно. Многим, если не всем, знакомо это чувство отвлечения от понимания конечности индивидуального существования. Рыночная экономика вообще культивирует отвлечение от понимания. Отвлечение это заманчиво (недаром привлекают внимание и находят потребителей соответствующие издания и телепередачи). Но ни к чему хорошему это не приведет⁹⁹. Ложь есть ложь, и самообман - лишь наиболее опасная её форма. Одно из значительных достоинств экзистенциального понимания реальности состоит в том, что оно освобождает человека от части социальных и личных заблуждений.

Освобождение от заблуждений (и от научных ошибок) - весьма важная сторона познавательного процесса. Конкретным выражением его является рост науки. Наука растет, опираясь на твердый фундамент фактов, подчиняясь внутренней логике своего развития, движимая гением своих создателей и связанная общим уровнем сознания и языка своего времени. Наука стремится обогнать свое время. «Готовых наук нет - наука живет не установлением истин, а преодолением

⁹⁹ См. в этой связи: Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. - М., 1999.

ошибок»¹⁰⁰. Теперь вы понимаете, почему философы со времен Ф. Бэкона любят метод, ищут «правильный» метод, проклинают «неправильный». Они ищут способ освободиться от ошибок, метод-гарант. Диалектики считали, что они его нашли. XIX век вообще многое предсказывал и обещал. XX век показал, чего стоят эти обещания.

Экзистенциальная философия, которая занимает едва ли не центральное место в мире исканий, определяющих «дух времени» (Zeigeist) XX века, не однородна: например, одни экзистенциалисты принимают то, что постулировал Фрейд, другие - отрицают. Современная наука склонна придавать большое значение его идеям. В их развитии сыграла роль и его личная судьба. Четверги за овальным столом в доме Фрейда превращались в глухую и превратились в открытую борьбу, результатом которой стал уход Юнга, Штеккеля, Адлера, и фактическое одиночество учителя (никто уже не мог сравниться по уму и таланту с ушедшими своими путями учениками) порождало в его губительно мощном сознании все более фантастические и впечатляющие концепции». Как и предвидел он сам в 1932 г., психоанализ обращался в попытку объяснить решительно всё, что имеет отношение к человеку. Первобытная орда, старый и сильный еще самец, владеющий самками, молодые самцы, которые, набираясь сил, убивают и съедают его и лишь затем осознают, что он их отец, и они его не просто слушались и ревновали, но и любили, а каждая присвоенная самка - возможно, их сестра или мать. И вот из осознания этого факта родилось чувство стыда, любви, семья, культура - все, что Ницше назвал «человеческим, слишком человеческим».

Человек не обладает никакой заранее данной сущностью. Действительная сущность человека всегда в становлении, и основа её становления есть процесс существования его предков.

Историческая сущность человека не означает отрыва его существования от развития Земли и Вселенной в целом.

Человек как компонент существующем девятнадцать миллиардов лет Вселенной сформировался относительно недавно, притом на одной из малых планет, в системе одной из небольших звезд, среди одной из галактик, каковых во Вселенной несчетное количество. «Перед нами грандиозный факт развития природы от первоначального состояния в виде туманностей и в бесконечном

¹⁰⁰ Эйхенбаум Б.М. Литература. - Л., 1927. — С. 117.

пространстве до человеческого существа на нашей планете в виде, грубо говоря, фаз: солнечные системы, планетарная система, мертвая и живая часть природы. На живом веществе мы особо ярко видим фазы развития в виде филогенеза и онтогенеза»¹⁰¹.

Современный человеческий организм, конечно, не является пределом развития природы. Он продолжает безостановочно изменяться, развиваться. Человек далекого прошлого был не тем, каков он сейчас, а в будущем он станет, возможно, опять иным.

Человек есть продукт полового отбора, и социогенез всегда обгонял антропогенез. Возможно, что ситуация в XXI-XXII веках изменится с ростом возможностей полового отбора.

Относительно того, каким будет физический облик человека в далеком будущем, следует судить исходя из того, как он выглядит сейчас. Относительно же образа жизни ответ может быть иным. Если гипотеза Пьетро Прини основательна, то человечество в недалеком будущем станет кочевым, и новые кочевники обретут свою родину в иных масштабах, отличающихся от современных. Перемещение народов, обладающих современными средствами передвижения, увеличит возможности полового отбора во много раз - в геометрической прогрессии. Перебор возможных вариантов, путешествия, истинные или мнимые, в пространстве возможностей составляют суть творческой деятельности, продуктом которой является в конечном счете и сам человек как *homopossibilis*.

М. Мамардашвили был прав, когда говорил, что «наука, как и искусство и т.д., есть изобретенные человеком области, где происходит экспериментирование с человеческими возможностями, с возможным человеком, культура же есть всегда та или иная, но уже реализованная возможность. И жить, развиваться, исторически меняться в своих же собственных рамках она может лишь в той мере, в какой она оказывается способной интегрировать и кумулятивно сохранять продукты свободных «безразмерных» творческих действий, то есть в той мере, в какой она открыта «резервуару» развития и изменения, объемлющему её «фону» деятельного бытия, которое не есть она сама. И именно потому, что кроме культуры есть область экспериментирования с возможным образом человека, с возможным местом его в космосе (а он должен его там занимать, иначе исчезнет понимание того, что

¹⁰¹ Павлов И. П. Полное собрание сочинений - Т.3. -М., 1951. -С. 186.

о космосе говорится или видится), и существует условие всем известного факта множественности (и как говорят теперь, дополнительности) культур. А он парадоксален и не вытекает из природы культуры как таковой. Почему культур много, а не одна? Причем не только много, но они еще и меняются, умирают, рождаются»¹⁰².

Действительно, почему? Быть может, потому что культура есть способ продлить человеческое существование - даже в несовершенных пока формах. Но смыслу жизни задачи культуры как будто бы соответствуют. Еще в дни первой мировой войны и революции сформировалась мысль, выраженная следующими словами: «Мы живем, чтобы бороться со смертью»¹⁰³.

Это из числа тех идей, которые либо кажутся бог весть насколько тривиальными, либо непонятными, либо принимаемыми к исполнению в узкой какой-то области (скажем, реанимации), либо осознаются во всей своей важности, когда уже поздно их развивать. А смысл идеи в том, что вся жизнь должна быть этим пронизана. Экзистенциальная философия приемлет эту идею: в этого рода философии содержится способ увидеть возможное будущее человечества.

Разумеется, движение в пространстве возможностей носит в той или иной мере игровой характер. Но, во-первых, он присущ исходному процессу - процессу, порождающему человека: в половом отборе, как факторе антропогенеза, скрыт игровой момент. Во-вторых, он перешел из сферы антропогенеза в мир культуригенеза. А, в-третьих, игра игре рознь. Есть позиция зрителя и есть позиция непосредственного участника. «На стадионе, на ипподроме, в спортивном зале, каким бы болельщиком ты не был, ты всего лишь болельщик, наблюдатель, в конечном счете соглядатай, ты лишен возможности вмешаться, изменить ход игры, здесь же (играя) ты участник соревнования и рассчитывать тебе не на кого, кроме как на себя, ты надеешься только на свой риск и на свое мастерство и немножко на свое везение, необходимое, впрочем, в любом деле».

Существование человека есть процесс участия в существовании человечества. Это процесс взаимоперехода между индивидуальным и космическим.

Осознать значение этого взаимоперехода, понять его смысл - задача не столько социологическая, сколько философская, требующая если не мудрости, то по крайней мере влечения, любви к ней.

¹⁰² Мамардашвили М. Как я понимаю философию. - М., 1990. - С. 354.

¹⁰³ Бобров С. Восстание мизан-ропов. - М., 1922. - С. 149. Шахбазов Н. Случай с Дюбуа. - М., 1988. - С. 25.

Первоначально любовь к мудрости была равнозначна науке. С течением времени знак равенства в уравнении философия = наука стерся. Знание вместо блага стало силой. Произошло расщепление философии на множество наук, а сама она осталась на «ничьей» земле между положительным научным знанием и верой. Едва ли не последними эмансипировались из-под власти философии психология и социология. И вот, в XX веке науки начали стягиваться к своему философскому ядру. Для тех, кто помнил, что философия (по Плотину) есть наука *totimioiaion* (о самом важном), этот новый этап в развитии научного знания стал свидетельством его подлинной зрелости. Утверждают, что складывается семейство философских наук: методологии, этики, транслингвистики, синергетики, историософии, в котором собственно философия займет почетное, но не главное место дисциплины систематологической и исторической. Сейчас говорить об этом трудно, но, судя по всему, изменения в содержании философского знания уже происходят и предстоят. Значение философской антропологии в любом случае возрастает.

В сфере философско-антропологического знания все большее место занимает экзистенциальная философия. Хотя ортодоксальные марксисты всегда выступали как острые критики экзистенциализма, сами экзистенциалисты к марксизму относились очень внимательно, достаточно вспомнить Сартра. Не отрицал своей близости к идеям Маркса такой видный экзистенциалист, как Эрнст Блох. Его «философия надежды» представляет значительный интерес именно в свете современного пересмотра догм прошлого и входа в сферу свободного соревнования философских доктрин.

«Войти в эту сферу - значит пережить нечто подобное «Путешествию доктора Фауста»», - говорит Э. Блох.

В сущности, Фауст путешествует в пространстве возможностей. Он передвинулся во времени - когда вновь стал молодым. На волшебном плаще он перемещается в пространстве, вылетает во Вселенную. Согласно легенде, он повествует: «Чем выше я поднимался, тем темнее становилось вокруг. Так смотрел я с неба вниз на Землю»¹⁰⁴. Фауст испытывает себя в отношении к науке, к Вечной Женственности, к обществу и власти. Структурно здесь возникает некоторое подобие введения в философию.

¹⁰⁴ Легенда о докторе Фаусте. - М.; Л., 1958. - С. 86. Это было написано в XVI веке, что уже само по себе производит впечатление. Все-таки трудно понять (если это вообще возможно понять), как могло тогда сложиться подобное представление о полете в космос.

Философия, и в этом ее беда, выросла в атмосфере повышенных требований. Любовь постоянно требует доказательств. Любовь к мудрости - не исключение. Философия не удовлетворяется общим языком, широко пользуется своим; при этом она хотела бы стать понятной или, по крайней мере, иметь значение и для тех, кто профессиональными философами не является. «Профессорская философия для философских профессоров» (по меткому выражению Шопенгауэра) - это не идеал. Кому не хочется быть понятым? Только тому, кому нечего сказать. Людвиг Витгенштейну было что сказать, и его злило, что «язык философов уже как бы деформирован узкой обувью»¹⁰⁵. Действительно, терминология все время «жмет» подлинно новую, оригинальную мысль. Идеал философа состоит в том, чтобы его понимали не только философы.

Известно, что человек существует в реальном мире и составляет его часть. И духовное, психическое - тоже часть реального мира. Разве ничего духовного нет? Оно есть. Конечно, оно не такое твердое как автоматическая ручка, которой пишутся эти слова, не такое видимое, как очертания букв, но такое же существенное, как значение слов, написанных на бумаге, произносимых вслух, или проносящихся в сознании. Значение слов - это то же функция.

И сознание, психика - тоже функция. Функция ожидания.

Большого Ожидания.

«Сквозь мир проходит большое объективное ожидание, часто срывающееся, но все же приближающееся к своему ядру не только в символах. Генеральный штаб этого ожидания зовется философией»¹⁰⁶. Так говорит Эрнст Блох. Это может показаться неясным. Мы не привыкли к такому способу выражать свои мысли. Но на стол «генерального штаба» ложатся материалы, составленные и в таких выражениях.

В чем же суть идеи Большого Ожидания? Почему вообще ожидание пронизывает мир, и как оно может быть объективно?

Отвечая на эти вопросы, следует иметь в виду, что «ожидание», подобно многим другим философским терминам, не более чем метафора, базисная метафора. Без них философские концепции не строятся.

«Большое Ожидание» здесь рассматривается как состояние мира, порожд-

¹⁰⁵ Витгенштейн Л. Философские работы. - М., 1994. - С. 449

¹⁰⁶ Блох Э. Тюбингенское введение в философию. - Екатеринбург, 1997. - С. 229.

дающее возможности, которые различаются по вероятности и значению. Из ожидания как состояния мира выводятся и его разнообразие, и онтология сознания. Говорят (и вы это слышали), что мир находится в состоянии изменения. Но если бы мир только изменялся, он изменился бы настолько, что перестал бы быть собой. Это не так. Мир остается собой. Но если бы он оставался только собой, он застыл бы. Этого нет. В каком же состоянии находится мир, который остается собой и меняется одновременно? Он находится в состоянии ожидания. Лунный диск ожидает тьмы и новолуния, зерно - прорастания, империя - войн и крушения, желтый карлик - превращения в красный гигант, Вселенная ожидает, что красное смещение обратится в синее. Иными словами, состояние мира порождает, генерирует пространство возможностей, и мир в нем движется.

Движение в пространстве возможностей и есть изменение мира. Движение происходит во времени, мир изменяется в пространстве.

Напряженность ожидания, а оно различается локально, влияет на темпы движения: движение в пространстве возможностей неравномерно, вещи изменяются с разной скоростью. Поэтому реальность и разнообразна. Её разнообразие служит источником информации. Изменения реальности простираются вплоть до появления нефизических ее форм. Да, реальность не обязательно принадлежит физическому миру. Реальностью называется все, что существует, все, что есть. В этом смысле реальны наши мысли и переживания, пусть и нельзя их обнаружить собственно физическими методами (хотя биохимические и электрофизиологические корреляты психических процессов вполне вещественны и фиксируются измерительными и иными приборами). Но от того, что феномены психической жизни существуют не в пространстве, а только во времени, фундаментальный факт их существования не исчезает, в эпифеномены они не обращаются.

В ожидании заключено отношение. Отношение к будущему, к тому, что должно наступить. Ожидание - это вечное состояние мира. Когда ожидание становится предельно напряженным - природа начинает двигаться навстречу будущему. Это зовется жизнью. Собака, у которой вырабатывается условный рефлекс, услышала звонок и ожидает пищевого подкрепления. Но она не просто ждет - у нее усиливается слюноотделение, капает слюна. Ожидание трансформировалось в жизнедеятельность.

Итак, реальность начинает двигаться навстречу будущему. На новом -

человеческом - уровне развития людей охватывает настолько мощное ожидание будущего, что они уходят от прошлого. Но прошлое из них не уходит. Это зовется историей. Важнейший продукт истории - человеческое «я». По своей совокупности «я» — это отношение человека к прошлому, настоящему, будущему. Это самоотношение реальности.

Большое Ожидание простерто между двумя крайними точками: в одной точке порождает нефизические формы существования, в другой - предельно огромные физические формы существования - возможные миры.

Логика не воспрещает существования возможных миров (на эту тему написана весьма содержательная работа «Я». Хинтиikka «В защиту невозможных возможных миров»), но вопрос о том, есть ли они на самом деле или нет, - вопрос уже не логический, а философский, ибо не все логически доказанное существует на самом деле. Разумеется, они могут быть просто придуманы. Но о радикальном несуществовании, о небытии это еще не говорит. «Здесь» и «сейчас этого нет». А если где-ни будь? А если когда-нибудь? А если было? Как говорит персонаж одной философской повести: «Раз человеческий мозг может все это вообразить, значит, все это где-то существует, иначе зачем бы мозгу такая способность?» Это убедительное соображение.

Надо сказать, что идея Большого Ожидания имеет глубокие философские корни.

Здесь немало общего с идеями картезианской философии и с мыслями раннего К. Маркса.

Нас мысль Э. Блоха об огромном «объективном ожидании», которым пронизан весь мир, занимает в связи с концепцией о восьми экзистенциальных благах, в число которых входят: жизнь, надежда, любовь, дети, милосердие, удача, воспоминания и сны. Эти блага не вмещаются в рамки научной рациональности, но так или иначе связаны с реализацией ожиданий. Проблема состоит в том, что напряженность Большого Ожидания способна трансформироваться в ожидания личные, в то состояние мира, которое непосредственно выражается в функционировании сложнейшей его части - головного мозга.

Мозг как субстрат психической деятельности выполняет жизненно важную для индивида функцию освещения мира, отраженного в сознании человека.

Отношение, освещение, отражение - вот функциональные особенности

сознания, обеспечивающие включенность человека в природу, в человечество, в мироздание.

Проблематика современных философских исследований весьма разнообразна, как разнообразны и формы реализации идей экзистенциальной философии. Но все более отчетливой становится значение генеральной проблемы существования: случайный или необходимый компонент Вселенной человек?

Быть может, ответ на этот вопрос позволит нам понять, зачем существует Вселенная.

Имеет ли этот вопрос смысл? Да — для того, кто его задает. А покамест известно единственное живое существо, способное его задавать.

Это человек.

Определение человека, которое никто не может найти у Б. Франклина (toolmaking animal - «животное, делающее орудие») и определение, данное Э. Кассирером (symbolic animal - «животное, использующее символы»)¹⁰⁷, представляются непротиворечивыми. Способность к изготовлению орудий порождает способность к символизации. Именно при этом возникает парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: в содержание сообщения вплетается способ его передачи. Средства выражения мысли небезразличны к ее содержанию. Лишь на основе детального анализа физиологических и психологических механизмов средств познания можно решить вопрос о его сущности.

Что касается процесса познания непосредственно, то следует иметь в виду, что:

- оно может включать логические и внелогические компоненты;
- познающий субъект должен действовать так, как если бы объект был познаваем (принцип *alsob*);
- возможность познания переходит в действительность в сфере взаимодействия и взаимопроникновения объективной и субъективной реальности, то есть в сфере практической жизни.

Здесь необходимы простые пояснения.

Внелогическое существует в двух формах: до сознания и вне его. Так, согласно Лейтусу Брауэру, интуиция предшествует каждому данному конкретному опыту человека и является коллективно общей для всех людей. По Давиду Гильберту, предпосылкой приложения законов логики служит существование «внелогических

¹⁰⁷ Cassirer E. An Essay on Man. An Introduction to a Philosophy of Human Culture. - New Haven, 1944.

конкретных объектов», доступных восприятию. Это, говорит Гильберт, - «основная философская установка, которую я считаю обязательной как для математики, так и вообще для всякого научного мышления, понимания и общения, без которой совершенно невозможна умственная деятельность. В частности, в математике предметом нашего рассмотрения являются конкретные знаки сами по себе...»¹⁰⁸.

В нашей книге математические вопросы почти не затрагиваются. Но, как говорил Гиббс, математика - это язык. Роли языка в процессе познания здесь уделено большое место. Но едва ли не главное - пониманию, логике и памяти, от которых и зависит эффективность познания.

¹⁰⁸ Гильберт Д. Основание геометрии. - М., 1948. - С.351.

Новое мышление

Необходимость нового мышления, нового образа мыслей, новых подходов к решению угрожающе острых проблем была осознана прежде всего на политическом уровне, и произошло это, по всей видимости, потому что в обществе назрел кризис и была предпринята попытка преодолеть этот кризис политическими средствами. Удастся ли она? Будем надеяться, памятуя, что это зависит и от каждого из нас.

Научный подход к происходящим в обществе изменениям зависит, естественно, от развития общественных наук. Заметим в этой связи, что именно политическая психология как область научного знания у нас оказалась очень слабо развита. Вы спросите: почему это так? Думается, прежде всего потому, что мы, следуя нашей доктрине несколько догматически, видели в мышлении прежде всего отражение действительности. Между тем мышление людей, то есть их менталитет, составляет и важную часть действительности. Ведь предпосылки деятельного преобразования действительности скрыты в понимании ее людьми.

Новое мышление — это в содержательном аспекте новое понимание действительности, новые приоритеты, качества — над количеством, движения — над стабильностью, интересов — над догмами; это общество, которое видит смысл существования в том, что служит человеку, а не человек, который видит смысл существования в том, что служит обществу; сила аргументации, а не аргументация силой; плюрализм мнений и т. д. Все это первоначально показалось захватывающим, разгорелись дискуссии, произошла поляризация мнений, но относительно быстро сложилась ситуация, которую можно охарактеризовать словами В. Г. Белинского: людям нужны не новые мнения, а новые мысли.

Новое мышление в состоянии их породить. Его исходные позиции придают ему серьезную эвристическую силу. Весь вопрос в ее реализации. Покамест же резко обозначились немалые возможности тех, кто считает, что утопии скомпрометировали себя. Тот, кто не находит идеала в будущем, ищет его в прошлом. Таков непреложный закон политической психологии. Но помните, что прошлое, о котором сейчас так много говорят и хорошего, и плохого, есть, в сущности, продукт

понимания его людьми нашего времени. К нему тоже подходят как к образцу или предупреждению. Вот с ходу, как сейчас принято выражаться, мы и познакомимся с одной из важных функций понимания: оно влияет на намерения и поступки. Если бы новое мышление не содержало изъявления намерений и не сказывалось на деятельности людей, оно заинтересовало бы только теоретиков.

Исторически сложились два подхода к пониманию действительности. Один основан на прямом превосходстве в силах, он прост, понятен, опирается на прошлое, жесткое, но впечатляющее, черпает силу в традиции, которая выступает как эффективный заменитель смысла. Другой подход первоначально представляется достоянием меньшинства и распространяется лишь со временем, силен критическим анализом фактов, требует понимания аргументов, выдвижения перспектив, сравнивает настоящее не с прошлым, а с будущим. Первый подход ориентирован на прямое действие, второй — на оценку реального направления, в котором могут пойти события, и соответствующую ориентацию деятельности. Действовать можно и с позиции силы, и с позиции смысла. Соответственно и понимать действительность можно по-разному.

Известно (здесь я сошлюсь на работу более чем столетней давности), что «деятельность разума всегда будет по существу своему пониманием»¹⁰⁹. Однако следует ли отсюда, что результаты процесса понимания, его итоги, подлежат оценке исключительно с Позиции дихотомии «истинно — ложно»? Мы привыкли, и в этом нет ничего удивительного, именно к этой оценке: «он понимает правильно» или «он понимает неправильно», а в более резкой форме — «он не в состоянии понять это правильно». При этом имплицитно¹¹⁰ делается допущение, что понимание как бы включает в себе возможность выбрать правильный вариант — или закрыть на него глаза по причинам классовым или этническим. Оппонент не сделал верный выбор? Таков уж менталитет нашего оппонента, и ясно, что диалог с ним невозможен. Что же с ним делать? По-видимому, устранить.

Подобного рода подход имеет глубокие исторические корни, а соответствующий когнитивный стиль, в сущности, не чужд никому из нас; во всяком случае он широко распространен. Но покоится он на весьма шатких основаниях. Дело в том, что понимание есть в той или иной мере процесс творческий, а значит, в чем-то индивидуальный, продукт понимания создается, а не просто воспроизводится по

¹⁰⁹ Розанов В. В. О понимании. — М., 1886. — С. 10. Это был писатель и публицист начала XX в.

¹¹⁰ Что значит «в неявной форме».

правильному эталону, как тому нас учит традиционная педагогика. И как бы мы ни верили в могущество того или иного метода, он все же неразделен с гениальными умами его создателей — как психологи мы должны это признать. Применение метода еще ничего не гарантирует — нужен адекватно развитый интеллект, иначе говоря, реализованная способность понимать.

Как я уже отмечал, характерной чертой прежнего, быть может, и отживающего образа мыслей является не только нежелание, но и неспособность вступить в диалог. Напротив, новое мышление исходит из того, что понимание как индивидуальная реализация познавательных возможностей личности носит плюральный, множественный характер. Понять можно то, что имеет смысл. Смысл нельзя постичь весь сразу, без остатка, это достижимо многими, неповторимыми путями, не исключающими, а, наоборот, предполагающими взаимное понимание, сближение поначалу полярных точек зрения.

Конечно, я не хочу сказать, что нет ничего неправильного, что все относительно и в конечном счете в чем-то справедливо. Нет, существуют взгляды полностью и непоправимо ошибочнее, но их специфическая черта именно в том и состоит, что они отвергают смысл, взывая к силе.

Мы далеки от того, чтобы отрицать историческую роль силы и тот факт, что ее конкретные проявления способны оказывать неизгладимое влияние на образ мыслей — как конкретных личностей, так и широких масс. Но хотелось бы привлечь внимание читателей и к тому обстоятельству, что огромное и в конечном счете сильнейшее впечатление оставляет могущество мысли, способность ученого или политика смело ориентировать на то, что представляется маловероятным или просто невозможным. Б. М. Теплов недаром говорил о «духовном оке», которым человек видит то, что глаза других не замечают. На Востоке, где родилась эта метафора, введенная Б. М. Тепловым в обиход науки о психике, еще в древности сложилось убеждение, что «третий глаз» есть у каждого, только не у всех он открыт. Но открыть его и увидеть смысл — можно.

Смысл того, что человек делает, выходит за граничные черты процесса деятельности и системы ее ближайших целей. Но какова система наших дальнейших целей? Вот вопрос, который не является психологическим по своей сути (это проблематика политическая и экономическая), но обнажающим психологическую природу перестройки. Ее называют «революцией ожиданий», но ожидания — это

феномен внутреннего мира личности. В человеке, точнее в образе его мыслей, произошло больше перемен, чем в окружающем его мире. Но эти перемены могут найти опору лишь в решениях и поступках. Как повлияет новое мышление на цели и деятельность людей, покажет будущее.

Сейчас хотелось бы отметить, что тенденция к диалогичности, открытости, присущая новому мышлению, составляет важнейшее условие его развития. Носители догматического образа мыслей с насмешкой отвергают принцип «дух свободы — это дух неуверенности в своей правоте». Что и говорить, звучит непривычно. Но если вдуматься, психологическое значение этого принципа весьма велико. Он помогает снять барьер, препятствующий анализу мыслей и доводов оппонента, стесняющий поисковую активность. Сила нового мышления в том, что оно свободно.

Человек хочет убеждать и быть убеждаемым по велению своего разума и совести. Новое мышление с необходимостью включает в себя этический компонент. Некогда Бернард Шоу предупреждал: «Истинную диктатуру пролетариата нельзя защищать как режим, ведущий к лучшим результатам, чем современная диктатура собственников. Диктатура пролетариата может повести и к худшим результатам (...). По существу, это вопрос совести. Из этого следует, что задача проповедников социализма, называют ли они себя рабочими лидерами, социалистами, коммунистами или большевиками, заключается в создании социалистической совести»¹¹¹. Оказалось, что создать социалистическую совесть труднее, чем социалистическую тяжелую промышленность. Проблемы; психологические, в сущности, сложнее экономических. Когда это поймут по-настоящему, роль психологического знания в жизни нашего общества решительно переменится. Возможно, в этом и заключается главное условие распространения и утверждения нового мышления.

¹¹¹ См.: Красная новь. — 1922. — 1(5). — С. 134—135.

Школа Т (психологический этюд)

Школа Т – это школа тематического обучения. Ее необходимость осознана учащимися, но подавлена устоявшейся во всем мире структурой обучения. Структура обучения! Действительно, кто способен изучить подряд в течение нескольких часов (именно в таком порядке) тангенсы и котангенсы, сердечно-сосудистую систему млекопитающих, реализм Л.Н. Толстого, структурную формулу бензола и третьейеюньский государственный переворот – и не повредиться в уме? Ответ отлично известен – это вы. Вы окончили школу, построенную по принципу предметного обучения. Любопытно, что термины «изучать» и «понимать» в сущности, удалены из школьного обихода и с полным основанием заменены особым словом «усваивать».¹¹²

Любопытно, что эти тривиальные соображения никем не оспариваются, хотя все уже давно поняли, что основные сведения о мире и о самих себе дети черпают из massmedia; обучающий потенциал Интернета реализуется во весьма слабой степени теми, кому Интернет доступен. И полностью изменить предметную схему образования в мире, где господствуют традиционные образовательные практики не представляется пока возможным. Но попробовать стоит.

- 1. Цель.** Здесь предпринята попытка в краткой и по возможности ясной форме охарактеризовать концепцию тематического обучения в средней и высшей школе. Основные положения концепции изложены в тезисной форме.
- 2. Почему предметы, а не объекты.** Вероятно потому, что обучение – дитя аспектного видения, а аспект объекта – это предмет. Общение с помощью языка видится в аспекте родного языка, иностранных языков, литературы и пр. такой объект как земной шар – в аспекте географии экологии, астрономии и т. д.
- 3. Почему и зачем.** Дети в определенном возрасте прозваны «почемучками» и правильно: они заинтересованы в ответе на вопрос «почему», и на интерес этот психологически рассчитаны процессы обучения, в средней школы

¹¹² Что означает это таинственное слово? Оно означает способность повторить то, что говорил учитель и что написано в учебнике. Или отметить фразу, где это повторяется (так называемый текст).

и даже в высшей – интерес этот сохраняется на протяжении всей жизни, хотя интенсивность его спадает. Постепенно, как писал Брюсов «почему превращается, странно в зачем» и это превращение учитывается не всегда, учитывается слабо. Между тем, начиная с 7-8 классов средней школы и 3-4 курсов высшей школы учащихся начинает занимать вопрос «зачем?». Зачем нас учат этому? Какой в этом смысл? Вопросы такого рода связаны с поисками большого смысла и осознанием личностных смыслов.

- 4. Пример.** Школьники и студенты, которых учат физкультуре в массе своей не очень любят этот предмет. В нем отсутствует и «почему» и «зачем»? Зачем бежать что или 200 метров? От кого? К кому? Зачем поднимать штангу – ведь это бессмысленный груз и т.п. Учащиеся хотят иного. Проведённый опрос показывает, что они хотят научиться танцевать, плавать, стрелять, водить машину (общие желания), ориентироваться на местности, знать восточные приемы самозащиты. Есть и экзотические желания – стать канатоходцем, альпинистом (юноши), стрелком из лука (девушки). Но это уже проблема интереса и спорта в его профессиональных аспектах. Это просто первые видимые попытки проектирования себя.
- 5. Проект.** Как говорил А. де Бенуа, «человек являет собою лишь проект». Само по себе его сознание – проект. «Существовать – значит проектировать себя»¹¹³. В принципе эта мысль совершенно правильна, но она нуждается в развитии. Ведь человек как продукт полового отбора есть совместный проект двух биологически различающихся живых существ. Как социальное существо индивид вписывается в общество также отнюдь не сразу. Более того, общество претендует на то, что будет проектировать личность в исторически заданной системе координат. Эти претензии общества часто именуют беспочвенными, ссылаясь на то, что из одной и той же семьи и идентичной для учащихся образовательной системы выходят совершенно разные люди. Действительно, каждый реализует в жизни свой собственный проект существования, причем не вполне это осознает. Но реализует он его не один и не беспрепятственно. Общество отработало особые механизмы содействия в реализации жизненных проектов. Это, прежде всего, механизмы общения, они существуют с XIII века и называется университетами.

¹¹³ De Benoist A. Comment peut – on être païen? Paris, 1971, p.26

Но школа и университет стыкуются плохо. Дело в том, что в университете не задана тема развития сущностных сил, а не потребностей. Характерный признак сущностных сил - их саморазвитие. Способность понимать, запоминать, переживать, настаивать на своем, казалась столь же естественно присущей юношам, каких неумная подвижность. Любопытно, что необходимость специально развивать эту, физическую сторону сущностных сил осознали очень давно, а к попыткам развивать духовные силы личности относились сугубо настороженно. Спортивные соревнования и в античные времена собирали тысячи зрителей, а вот попытки Сократа тренировать интеллект молодых людей завершились для него трагически – и не случайно. Ум, память, воля, чувство ответственности, наблюдательность и многие иные свойства человека, в которых выражается духовная сторона его сущностных сил, остаются вне пределов обучения в школе. Что касается вузов, то ведь и в них развитие духовных сил личности происходит спонтанно. В особенно густой тени лежит развитие способности понимать.

6. Обучение. В образовании всегда скрыто обращение одного человека (Учителя) к другому (Ученику). Учитель – не просто транслятор знаний, он выступает как живое их воплощение. Но придание ему контрольных функций в процессе облучения смещает все акценты: для всех, кто учится радость познания давно заменились стрессом контроля. Страх перед экзаменатором (если он строг), презрение к нему (если он мягок) стали заметными эмоциональными характеристиками процесса обучения.

Учитель и тема. Дальтон-план, первая попытка тематического обучения был отвергнут не потому, что он был неэффективен: в этом никто его не обвинял, понимание шло рука об руку с запоминанием. Но учителя дальтон-план затруднял чрезвычайно: не было цветных схем и таблиц, а, главное учитель должен был являться на урок со стопками книг, в сущности, мало ему знакомых, да в школьной библиотеке их чаще всего не было.

Проще говоря, отсутствовал Интернет.

Я не хочу сводить роль учителя к тому, что он станет гидом по Интернету, но помочь тут учащимся просто необходимо.

Можно ли студентов или школьников научить уму? Вопрос этот не столь тривиален, как может показаться. Быть умными научить нельзя, а научить

понимать – можно. «Ты равен тому, кого понимаешь», - говорил Гете. В этом смысле интеллектуальный уровень повысить можно. Но рассчитывать в этом плане следует на учебный курс, а не только на тех, кто его преподает. Иными словами, желателен учебник смыслового анализа, работа над которым будет самостоятельным интеллектуальным тренингом для учащихся. Книга эта должна учить понимаю текстов - научных, политических литературных.

7. Воля. Волю и культуру чаще всего подразделяют. А зря. Ибо существует воля к пониманию. Но понимание – это часть культуры. Давайте условимся, что для дальнейшего обсуждения мы приняли «пучок» или, лучше, «связку» Бадью.

Она проста.

Культура обладает свойством обращенности. Она обращена к тому, кому она нужна. Еще проще: культура коммуникативна. Но коммуникация великий выпрямитель. Кенотрон.

Великие творения Духа коммуникация превращает в культуру

Науку - в технику

Политику – в управление

Любовь – в секс

Энергия натянутого лука обращается в линию полета стрелы и попадание в цель. В школе Т совмещены лук, стрела, мишень.

Культура индивида включает в себя ресурс «понимания» тех знаний, убеждений и источников информации, которыми он располагает¹¹⁴.

Таким образом, культура включает в себя не вполне точно сформулированное, даже не вполне осознанное представление о смысле. Коммуникативный аспект ее существования включает понимание смысла.

Казалось бы, именно пониманию и следовало бы учить, но это оказалось затруднительным: в процессе исторического развития культуры образование постепенно обратилось в передачу знания, а не в форму развития мышления.

«Для развития мышления необходимы техника, программа и воля, - утверждал Ницше. Умение думать...в наших школах теперь уже не имеют об этом ни малейшего

¹¹⁴ Рейтман У. Познание и мышление. – М., 1968. – с.113 Замечу, что информационный фундамент понимания составляет, согласно Ю.А. Шрейдеру, тезаурус (греч. Thesaurus - сокровище). Это хранимый в памяти набор знаний, которые могут быть активизированы, возвращены в сознание.

понятия»¹¹⁵, - добавлял он. Конечно, говоря «думать», Ницше имел ввиду «понять», ведь человек думает, когда он хочет понять. Его триада примечательна тем, что волю, он ставит рядом с программой развития способности понимать и овладеть технологией мышления. Это такая традиция Ф. Лассаль называл волю физической силой ума. Умение принимать решения и приводить их в жизнь ценилось очень высоко.

В полевом уставе германской армии вполне ясно говорилось о том, что ошибка в выборе средств не так преступна, как бездействие¹¹⁶. Афоризм Горького «вопросы воля решает, разум только помогает» вполне этой традиции отвечал.

На самом деле вопросы решает воля к пониманию. Она существует у всех. Но развивать ее просто необходимо.

Интеллект и воля развиваются в процессе деятельности. Традиционно внимание педагогов сосредоточивается на таких видах деятельности, как труд, учеба, игра. Но ведь есть и четвертый вид деятельности — забота. Когда готовят обед или, скажем, пришивают пуговицы к куртке ребенка — это не только труд. Это выражение отношения через деятельность: забота. Пауль Тиллих, замечательный теолог XX века, в книге «Динамика веры» назвал веру просто «бесконечной заботой».

Для ребенка забота не только привычна – она необходима, как семья (которая, в сущности, и есть феномен взаимной заботы и веры друг в друга). В этом плане современная школа и семья стыкуются слабо. Думается, по-иному будет обстоять дело в школе Т. Тема существует не только в учебниках и тетрадях, но и на экране ТВ. Тема общения объединяет школу и семью. Здесь кенотрон – аппарат коммуникации – работает в полную силу, он – один из сущностных сил человека.

Сущностные силы обладают следующими особенностями:

1. Они индивидуализируют человека, то есть придают ему неповторимые отличия от других людей;

2. Одновременно всем людям внутренне присуще эти силы, будучи непременным условием, их жизнедеятельности именно как людей. Там, где они направлены развиты, человек обращается в подлинного профессионала своего дела – и широко мыслящего человека.

¹¹⁵ Ницше Ф. Сумерки кумиров. – М., 1902. – с163. (Современный перевод заглавия «Сумерки идолов» несколько менее адекватен).

¹¹⁶ С этим полевым уставом германская армия вышла на поля сражений мировой войны 1914-1918 гг. Прошло много лет, но традиция не исчезла. «История будет более милостива к действующим, чем к тем, кто бездействует», - полвека спустя говорил генерал Гейнц Гудериан, автор книг «Внимание, танки!» и «Танки, вперед».

8. Век психологии. Освальд Шпенглер считал, что век психологии уже наступил. Он писал: «XIX век был веком естествознания, XX - веком психологии. Мы уже не верим во власть разума над жизнью. Мы чувствуем, что жизнь господствует над разумом...Оставаться хозяевами фактов для нас существеннее, чем стать рабами идеалов». Шпенглеровское понимание психологии не сразу нашло место в системе научного знания XX века, но в конечном счете выяснилось, что это правильное понимание и наступил стремительный рост интереса к психологии – правда не столь скоро, как он предполагал. Очевидно, это XXI веку суждено стать «веком психологии». Но проблема, поставленная Шпенглером, решается уже после того, как у человека оказывается в руках университетский диплом.

А должна она решаться раньше - в школе.

9. Тематика. Очевидно, что TV (и интернет) строят мир учащегося в большей мере и степени, чем школа. Почему? Мир massmedia не предметен, а тематичен. Новости дня, катастрофы, конфликты, экология, выдающие личности, армия, флот, авиация и космос, экономика образование и исследовательская работа, общественные учреждения, интервью, наука, погода, преступления, курьезы, юбилеи, демонстрации, празднества, сюжеты общечеловеческие: сериалы и фэнтези, иначе говоря повествования. Такова рубрикация мировых СМИ.

И это все что занимает учащегося сверх зачем.

А ведь знание зачем позволяет погружаться даже в сопротивление материалов и математическую статистику – но это в университете.

10. Тема. Она строится на взаимозависимости элементов материала. Пусть даже метафорической или метонимической но – связи.

Матрица.

Предметы	Темы		
Предмет 1	Тема 1	Тема 2	Тема 3
Предмет 2	Тема 1	Тема 2	Тема 3
Предмет 3...и	Тема 1...и	Тема 2...и	Тема 3...и

Главное деление здесь не предметы, а темы.

Отступление о теме

Когда Данелия, снимал «Афоню», возникла необходимость показать противоположную юной и наивной героине зрелую соблазнительную особу, танцующую с Афоней...

У нее должно было быть то, что Гумилев назвал «грудью выдающуюся». Соблазнительная особа нашлась сразу, это была Маша Распутина. Но необходимым выдающимся признаком она не обладала. Тогда в лифчике помести два презерватива, наполнив их водой. Грудь волновалась и все было хорошо, но во время съемки Маша увлеклась и подпрыгнула, презервативы лопнули, и Маша промокла. Пока она сушилась, помреж принес из дому полкило манной крупы, ее насыпали в мешочки и засунули в лифчик. Во время, танца пуговицы на нем не выдержали превышения веса и отскочили. Данелия нашел единственный выход, он приказал завязать лифчик узлом на спине Маши. Он выпирал из-под платья и вообще шевелился во время танца. Но это как раз вызвало у зрителей желанный эффект, стало той необходимой деталью образа, который пытался создать Данелия. Тематическим стержнем образа, обладающего избытком плоти, зрелости, свободы поведения. Как видите, предметы были вещественно разными, их объединяла только режиссерская тема. И все получилось. Тема первична, предметы вторичны.

Математика	Пирамида, усеченная пирамида, цилиндр
Art	Пирамиды древнего Египта. Колонна и ее роль в архитектуре. Античная архитектура.
История	Древний Египет.
Экономическая география	Роль водных путей. От Нила до Суэцкого канала. Транспорт – основа экономической динамики
Литература. Серебряный век	Н.С. Гумилев Но ведь знает и коршун бессонный Вся страна – это только река Обрамленная рамкой зеленой И другой золотой - из песка.
	Вот вам и вся география Египта. Экзотика (Об Африке в творчестве Гумилева). Путешествия в пространстве и времени. «Заблудившийся трамвай»
Человек и общество	Пирамидальная модель общества по Оруэллу. Вертикаль власти

Предметы	Тема 4
Математика	Прямая и наклонная призмы. Прямоугольный параллелепипед. Куб
Основы естественных наук (интегрированный блок. Физика, химия, астрономия)	Спектр. Спектральный анализ. Фраунгоферовые линии. Свет солнца как свет одной из небольших звезд.
ART (интегрированный блок)	Куб и прямоугольный параллелепипед – основные архитектурные объемы и формы. Зиккукаты.
История	Ассирия и Вавилон. Легенда о Вавилонской башне. Законы Хаммурапи. Валтасаров пир. Крушение Ассиро-Вавилонского царства.
Литература. Серебряный век.	В. Брюсов. Ассаргадон. «Третья стража», «Сны человечества»

Я здесь намеренно сделал акцент на переходах от математики к литературе, к социальным наукам и т. п., хотя в тематических схемах есть место и для биологии, химии, физики.

11. История – это, разумеется, нарратив, повествование о событиях и людях, литература – нарратив психологический. Велик психологический эффект драматического подхода к физическим идеям и создавшим их умам. Здесь есть место для метафор и метонимий, связывающих мир физических реалий с биологическими процессами. Но это к слову.

Здесь взимает иной вопрос: с кем будет общаться учащийся? Кто это универсальный учитель?

Интернет

12. Интернет. «Развитие киберпространства опережает эволюцию наших теоретических представлений о нем», - говорится в Меморандуме Фонда исследований и социальных инициатив Rambler. – Интернет – это коллективный разум, который работает со скоростью мысли, иногда даже быстрее - со скоростью интуиции (...). Теперь, когда знание существует в едином пространстве, упорядоченном поисковыми системами, рейтингами, каталогами и доменами, мы можем наблюдать исчезновение границ и становление единого пространства/времени, в котором вся совокупность

доступных обществу знаний и умений, накопленного опыта существует одновременно».¹¹⁷

Зачем - великий вопрос, и его недаром скрывает современная школа. Дело в том, что на вопрос «зачем» действительным ответом бывает «для учителя», а не «для жизни». Пример: зачем сочинения, этот важнейший предмет школьного обучения, играющий зачастую решающую роль на экзаменах. Ведь, распрощавшись со школой, учащийся прощается и с сочинениями, их он писать умеет, а заявление о приеме на работу – нет. Так ЗАЧЕМ ЖЕ они? Ответ прост: они позволяют проверять сразу освоение учебного материала и грамотность и что-то там еще. Учителю это удобно.

Практика написания эссе в западных университетах несколько ближе к практической жизни, но в сущности она обратилась в тренинг по пересказу (а то прямому списыванию) материала, которым буквально набит интернет – ресурс.

Это не значит, что Интернет, этот универсальных масштабов коллективный разум, лишен недостатков. Интернет это именно периметр, забор, которым обнесены достижения разума – забор исписанный, а мы знаем, что пишут на заборах. Поэтому для работы с Интернетом нужен индивидуальный независимый интеллект и, думается, школа Т в состоянии создать формат подобного интеллекта, упрямого, направленного к достижению цели, важнейший для индивида – приумножению возможностей и их реализации.

13. Интеграция

Она, разумеется, возможна. Достаточно указать на то обстоятельство, что химические и физические аспекты мира как объекта соотносятся очень близко. В приводимом нами примере призма, спектр, спектральный анализ, фраунгоферовы линии близость вопроса об элементах и их распространенности во вселенной указывают в совокупности на то, что физика, химия, астрономия (в космогоническом ее аспекте) могут концентрироваться в рамках единой темы.

Несомненно, что история, география, экономика сближаются в некоторых региональных рамках (историко-экономическая цивилизационная роль двуречий: Тигр-Евфрат, Хуанхэ-Янцзы, Инд-Ганг, Днепр-Днестр, Волга-Дон).

¹¹⁷ Делицын Л., Засурский И., Куренной И. Коллективный разум. Интернет в России в 2003 году. Цит. По: «Информационное общество», 2003. -Вып. 3, -с.32.

14. Нарратив

Особую роль в сфере интеграции играет так называемое «Третье поле понимания», которое отличается от второго, доказательного поля тем, что в нем никаких доказательств не содержится, это просто повествование о реальных (история) или вымышленных (литература) событиях.

Особенность третьего поля состоит в том, что нарратив обладает особой убеждающей силой и хорошо запоминается. Литературоцентрические цивилизации Евразии состоит в том, что зритель является одновременно и слушателем. Так может быть построен и урок.

Отступление о нарративе

Сейчас эпоха постмодерна, читателя мало чем можно удивить, и я хотел начать эту shortstory с утопленника, который не всплыл в положенное ему время. Он стоял вверх ногами, упершись головой в дно, и водолаз смотрел на него, ничего не понимая.

Прежде чем рассказать, что было дальше, я предупрежу читателя, что все это на самом деле было или, точнее, что вся эта история основана на действительных фактах. А теперь я расскажу не о том, что было дальше, а о том, с чего все это началось.

Верность, тайна и крейсер «Магдебург»

Shortstory с эпиграфом и эпилогом

- Утопленники всплывают?

*- Если не привязывать груза, - спокойно
ответил капитан Янсен.*

*- Это все, что я хотел знать
об утопленниках.*

А. Толстой,

«Гиперболоид инженера Гарина»

Началось это с того, что 1 августа 1914 года Германия объявила войну Российской империи, и легкий крейсер «Магдебург» (скорость хода 27 узлов, шесть 105 мм орудий) пошел ставить мины и разрушать русские маяки у входа в Финский залив. Поначалу ему везло, но не прошло и месяца, как в густом тумане «Магдебург» выскочил на камни у Оденсхольмского маяка. Корабль был подорван личным составом, часть экипажа под огнем русских крейсеров была снята немецким эсминцем, но только часть... На стол германскому адмиралу легла телеграмма: «Наши потери: 34 убитых и раненых, 75 пропавших без вести». Адмирал отодвинул телеграмму в сторону, не дрогнув ни единым мускулом лица. О «Магдебурге» он сожалел, но потеря ста моряков значила для него немного. Войны без потерь не бывает. Если бы он знал, что на самом деле потерял германский флот, то утратил бы свою прославленную выдержку и схватился бы за голову.

Жест человека, который боится ее потерять.

Но он не знал, и никто в немецком морском командовании не знал, что была потеряна и раскрыта тайна.

Сигнальные книги, шифры германского флота ... В уставе было сказано ясно: в случае кораблекрушения, поражения в морском бою и угрозы гибели все это должно быть полностью уничтожено простейшим способом. Швырнуть за борт! А книги эти были всегда готовы к такому печальному финалу: у них были свинцовые

переплеты. Они уйдут на морское дно. На глубокое дно и зароятся в песок. Какое там глубокое дно! Крейсер вспорол днище на камнях. И флаг-офицер сделал, что мог: он сунул тяжелые свинцовые книги и скомканные секретные бумаги за отвороты мундира и бросился за борт.

Обломки крейсера были обследованы тщательно. Работали водолазы. Один из них и сообщил об удивительном утопленнике.

Остальное понятно. Германские коды попали в руки русских, которые отныне смогли расшифровывать германские радиogramмы. В соответствии с союзническим договором эти ценные сведения были немедленно сообщены британскому адмиралтейству «и сослужили ему огромную службу», как выразился Герберт Ригли в книге «Battleshipinaction».

Эта история о тайне и верности ... Крейсер «Магдебург» имел несколько тысяч тонн водоизмещения. Свинцовые корки сигнальной книги весили несколько килограмм. Информация не имеет массы, она не весит ничего в физическом смысле. Но ее значение огромно. И зависит от того, насколько сильно она экранирована, а проще - насколько прочно она скрыта от тех, кто ее не должен знать. Недаром говорят, что формула успеха - это воля к пониманию плюс умение делать дело минус желание поболтать. У русской интеллигенции этот последний минус обращен в плюс, и в этом причина ее исторических неудач. Но это к слову.

А вот германский флаг-офицер значение тайны представлял хорошо. И знал свое дело. И был верен долгу. На это ушла вся его воля. На понимание последствий ее не достало. Но кто бросит в него камень? Кто из нас стоял на борту гибнущего крейсера с тяжелой книгой в руках?

Я закончил рукопись и встал из-за стола, задев и уронив блокнот с выписками из Жижика и Пелевина. Он открылся, и я прочел: «Так уж устроен этот мир, что на все вопросы приходится отвечать посреди горящего дома».

Сущностная, духовная сила человека имеет два полюса – один в сфере ума, второй в сфере действия. Сейчас вы прочли (услышали) о том, как эта сила (в сущности, это воля) вся ушла в смелое мгновенное действие.

Другой полюс мог бы подсказать вероятный результат (по Фейгенбергу!)

Но времени уже не было.

А поступок – был

Отступление о мифе

Актуальность работы с понятием «миф» обусловлена тем, что это необыкновенно горячая тема. Мифологизационные процессы происходят какими-то сумасшедшими темпами¹¹⁸.

Объяснять человеку, живущему в сильно мифологизированном мире, что такое миф – бесполезно. Он не отличает мифологизированных сторон действительности от реальных, а слово «миф» вызывает у него ассоциации с бородатыми богами, непонятными зверями и женщинами в длинных и коротких одеждах. Как выразился один учащийся, это «те же сказки, только скучные», объясняющую же функцию мифа понимают как наивную или просто глупую. Подлинное, неумирающее значение мифа для культуры прошлого и современности школьникам доступно на уровне понимания басен Крылова, и это в лучшем случае.

Выход один и его предложил Кокто. Миф об Орфее и Эвридике он перенес в нынешний день и снял фильм создающий основу и подающий повод для размышления (и обсуждения) вечной темы любви и смерти. Объяснять школьнику 9 класса, что такое экзистенциальные проблемы и персонажи – бессмысленно. Напротив, понимание их поступков и желаний – интересно, странно и заставляет задуматься о существовании жизни. Желательно показать фильм, но достаточно и просто обсудить текст. Он следует ниже.

Орфей 1949

Почему Орфей?

Почему 1949?

Потому что эта легенда об Орфее, и она не умирает.

Потому что Кокто понял эту легенду по-своему и поставил о ней фильм в 1949.

¹¹⁸ А. Голубовский. Мифы и реальность. // Искусство кино, 2009, 9, с. 56

А я посмотрел этот фильм и понял эту легенду тоже по-своему, и хочу, чтобы вы увидели ее моими глазами.

И вы поймете ее по-своему опять-таки по-другому, чем я. Такое свойство у этой легенды.

Но ничего легендарного вы поначалу не увидите. Провинциальное кафе. Двое немолодых и очень разных человека за столиком. Один (значительный) слушает, другой (легкомысленный) говорит. Он хвалит последнюю вещь Сэжеста.

- Ах, этот молодой. И как она называется?

- «Обнаженка». Да вот она.

Орфэ (это тот, кто слушал) принимается листать книжку.

- Тут же одни пустые страницы! Глупо.

- Не глупее страниц, покрытых глупым текстом.

- И вам это нравится!

- Пожалуй.

- В таком случае, то, что я делаю, вам понравиться не сможет.

- Почему? Это в ваших силах. Позвольте, что же я смогу? - - - Удивите нас.

Но разговор заглушил шум скандала, драки.

- Это Сэжест. Вот скандалист! Опять принцесса с ним.

- Какая принцесса?

- Ла Мор.

- Как странно. Это же «смерть» дословно.

- Виду нее не столь пугающий... Вот она.

Это высокая темноглазая женщина. Тонкая. Красивая. Она внимательно смотрит на Орфэ и делает знак шоферу (а шум все нарастает, Сэжест кому-то разбил нос, ему отвешивают пощечину...) Но шофер уже вызвал полицию, у всех проверяют документы, и Орфэ в том числе - ему их возвращают с поклоном.

- Вы наше национальное достояние, мсье. Орфэ привычно отвергает комплимент (он знаменитый поэт и слышит похвалы не впервые) и следит за происходящим. А происходит то, что Сэжеста, который вырвался из рук полицейских, сбил проезжий мотоциклист (белый шлем, очки в пол-лица)

Принцесса Ла Мор вмешивается. Она отвезет пострадавшего. У нее черный роллс-ройс, на заднее сиденье кладут Сэжеста, Орфэ с готовностью помогает. Ла

Мор делает приглашающий жест, и Орфэ послушно садится в черный автомобиль. Два мотоциклиста в кожаной униформе, очках и белых шлемах сопровождают машину.

- Это один из них, по-моему, сбил... - нерешительно говорит Орфэ.
- Да, - коротко и жестко отвечает шофер.
- Мне кажется...он мертв.
- Надо думать, - бросает в ответ Ла Мор.
- Так мы не в госпиталь?
- Нет. Ко мне. Салют! (это мотоциклистам)
- Салют, - отвечают они.
- Сделано?
- Сделано.

Они приезжают в замок принцессы, мертвого Сэжеста несут на второй этаж, кладут на пол - в соседней комнате принцесса слушает радиолу.

- «Орфей в аду», - машинально говорит Орфэ. Ла Мор кивает. В очень тонких пальцах дымится сигарета. Орфэ пытается понять, в чем дело, ведь в соседней комнате мертвец и те, кто его убили.

- В чем, в конце концов, дело ?! - восклицает он.
- Ваш главный недостаток в том, что вы все хотите понять. Пойдемте.

Они входят в соседнюю комнату.

- Встать! - негромко говорит принцесса, и Сэжест медленно отрывается от пола и становится на ноги.

- Салют.
- Салют.
- Кто я?
- Моя смерть.

Да, она уже не его Ла Мор. Она - его Смерть. Госпожа Смерть продолжает:

- Вы у меня на службе.
- Я на службе Смерти.
- Вы повинуетесь моим приказам.
- Я повинуюсь вашим приказам. ,
- Пошли.

Мадам Смерть натягивает темные перчатки и, выставив руки вперед, входит в большое, до полу, зеркало, за ней, положив ей руку на плечо, Сэжест, держась за него и друг за друга, мотоциклисты. За ними пошел было ошеломленный Орфэ, но зеркало (только что жидкое, волнующееся) стало твердым и плоским. Все.

Сэжест остается на службе у Смерти: он ее радист. Шофер и роллс-ройс остались у Орфэ к изумлению и радости Эвридики, которая о таком и не мечтала (дом у четы Орфэ скромный). Но ее временами раздражало, что Орфэ часами сидит в машине. Он сидит в ней и сейчас. Приемник бормотал:

- Тридцать семь, тридцать восемь, тридцать девять. Молчание пятится назад. Сорок. Сорок один, сорок два. Птицы поют с помощью играющих пальцев. Сорок четыре, сорок пять, сорок шесть. Зеркалам стоит побольше думать. Сорок семь, сорок восемь, сорок девять. Порванное сукно стоит двести франков.

- Сколько ты будешь сидеть в машине?

- Понимаешь, я отдал бы жизнь за то, чтобы писать такие слова. Мои стихи ничего не стоят...

- Кстати, ты не уплатил налоги! Будут пени.

- Вот женщины! Я открыл другой мир, а они деньги, деньги. Недо них!

- Я умру, а ты и не заметишь, - обижается Эври. Это наконец задело Орфэ.

- Мы все время умираем и не замечаем этого.

- Молоко сбежало, - вдруг говорит шофер. Эври бежит на кухню, он идет за ней.

- И правда, газом пахнет. Как это вы почувствовали? - с изумлением говорит она.

- Как не почувствовать? Я же отравился газом. Пытался покончить с собой...

- И неудачно, - утвердительно сказала Эври, приводя плиту в порядок.

- Нет, почему же? Шофер увидел ее испуганные глаза и вдруг согласился:

- Теперь я и сам думаю, что неудачно: вы мне очень нравитесь.

- В чем же ваша неудача?

- Я поспешил тогда, - ласково сказал шофер, и я вдруг понял, что он мертвец, что он полюбил Эври и ничего хорошего из этого не выйдет.

Но если бы только шофер. Влюбилась мадам Смерть. Влюбилась в Орфэ. Она бродит по городу, изредка попадаясь Орфэ на глаза, и он сразу теряет голову, бежит за ней, ищет, спрашивает прохожих - бесполезно.

Только ночью, когда он спит, Смерть выходит из зеркала и стоит над его постелью, скрестив руки на груди, и смотрит, смотрит на него мертвыми глазами.

Но он спит не один. В его постели Эвридика.

И вынести это Смерть не может.

Утром, когда Орфэ уже слушает автомобильный радиоприемник, зеркало размыкается и входит Смерть. Она склоняется к Эвридике, и та умирает.

- Салют.

- Салют.

- Эвридика, кто я?

- Моя смерть.

Шофер Смерти объясняет потрясенному смертью жены Орфэ, что у того есть шанс.

- Смерть пришла сама, а так не делается, так нельзя. Это можно обжаловать в трибунале, но я умер и не имею права, - поясняет влюбленный самоубийца. - Вы - другое дело, у вас большое зеркало..., и она забыла перчатки.

Действительно, Смерть, заслышав шаги Орфэ и шофера, просто ударила по зеркальному стеклу, полетели осколки, она ушла в черную дыру, и вот осколки бросились вслед за ней и моментально смерзлись: слились друг с другом, зеркало стало целым. Орфэ не понимает поначалу, но потом как-то сразу схватывает главное: Ла Мор - Смерть.

- Вы же были у нее.

- Да, понимаю... Но почему зеркало?

- Зеркала - это окна смерти. Заглядывая в них, мы видим, как она над нами работает.

Орфэ решается сразу - ради Смерти, ради Эвридики. Водитель пойдет вместе - он хочет, чтобы Эври вернулась, смеялась, стояла у плиты. Для нее это жизнь, для него - иллюзия жизни. Они входят в зеркало (перчатки помогли) и оказываются в Зоне, разрушенной Niemandland, Noman'sland, ничейной земле между тем и этим, нашим светом. Зона - это безлунный расстрелянный мир с обгорелыми стенами, меж которыми вдруг появляется какой-то стекольщик с нехитрым своим инструментом, проходит мимо водителя и Орфэ, исчезает среди теней. Мне сразу вспомнилось:

Что ж, броди между этих развалин,

Черным воздухом смерти дыши,
Как он страшен и как он печален

Этот город, лишенный души. И в этом городе Орфэ наконец встречает Смерть и ни о ком, кажется, больше думать не может. Но Зона - не место для счастливой любви.

Там развалины, там ободранные обои, там пятна сырости на стенах комнаты, где четверо судей останавливают Сэжеста окриком «Halt!» Допрашивают свидетелей шофера, радиста, Эври, Орфэ и обвиняемую принцессу Смерть. Указывают на Орфэ:

- Вы его любите.
- Да.
- Подпишите показания.

И суд удаляется на совещание.

- Все же самое страшное в вашем мире - ждаты, я этого не знала, - говорит Смерть Сэжесту.

- Я уже не помню, мадам... - отвечает тот тихо.

- Да, простите... Вам грустно, Сэжест?

- А что это такое, мадам? - спрашивает радист Смерти вяло. Да, они, мертвые, уже другие, но Эвридика здесь случайная, живая и ее возвращают в наш свет. Все будто бы обошлось... будто бы.

- В вашем мире я сказала бы «выпьем!» - говорит Смерть Сэжесту, забывшись на мгновение.

Но так это кончиться не могло.

Эври дружила с наглой, большеглазой, наивной главой Лиги Вакханок (Жюльетт Греко), рассказала ей, что муж пишет совершенно новые стихи, и та решила, что Гупец Орфэ просто стащил какие-то рукописи покойного авангардиста Сэжеста. И вот уже молодые, шумные, разгневанные, футуристически настроенные поэты, студенты, бунтовщики врываются к Орфэ. Возможно, это был случайный выстрел, но он упал, и во дворик с грохотом ворвались мотоциклисты, те самые, в шлемах, очках и коже, и, как недавно, роллс-ройс тронулся, шофер застыл за рулем. «Салют» бросила принцесса через плечо и, ничего не услышав в ответ, изумленно обернулась. Но Орфэ был еще жив и только шевельнул губами. Машина неслась вперед, он сползал с заднего сидения, из уголка рта сочилась кровь, а я вспоминал:

Не подвигались стрелки «мозера»,
 И ЗИС как будто в землю врос,
 И лишь летело мимо озера
 Шоссе с откоса на откос
 От удивленья ли, от страха ли
 Шофер застыл, чугунным став,
 А за спиною мины крякал,
 На полсекунды опоздав.
 Прижавшись к дверце липкой прядкою,
 Чтобы шоферу не мешать,
 Фельдъегерь всхлипывал украдкою
 И вновь переставал дышать.
 А из виска, совсем беззвучная,
 Темно вишневая на свет
 Текла, текла струя сургучная
 На штемпелеванный пакет...

Как странно близок здесь Павел Шубин к Мелвиллу, который говорил, что каждому из нас вручен секретный пакет, в нем запечатан смысл нашей жизни.

А ее смысл в том, чтобы она продолжалась; жизнь не может продолжаться, когда один из влюбленных Смерть. Орфэ снова в Зоне и смотрит Смерти в глаза, сейчас они темные, живые, манящие. Но она и влюбленная не теряет голову. Она умна, нечеловечески умна и знает, что Орфэ затоскует о жизни, об Эври... А тут есть шанс (как любит говорить ее водитель). Он еще затоскует, да, но о ней, о Смерти! Он вновь станет живым и не забудет, кому он этим обязан.

И Смерть - водитель и Сэжест ей помогают - вытаскивает Орфэ из Зоны в его комнату, через зеркало, у которого сидит верная Эври. Верная ему? Шоферу? Она даже не поняла, кто ее по-настоящему любит. А может, и поняла. И Смерть кивает водителю:

- Благодарю вас.

- Не стоит. Пусть плавает в своей теплой воде. Но то, что она сделала - тяжкое должностное преступление. Теперь ее вернут к столу трибунала, и даже она не знает, что с ней будет дальше. И вот гремят моторы, и двое мотоциклистов (кожа, шлемы - все, как было, но это уже конвой) медленно следуют за удаляющейся

принцессой. Мы ее больше не увидим. Среди развалин стоят радист Смерти (он растерян) и шофер (он совершенно спокоен). Радист спрашивает:

- А что здесь бывает, когда арестовывают?

- Бывает плохо, - отвечает шофер, не отводя глаз от маленького черного силуэта в лучах мотоциклетных фар.

- Так это везде плохо...

- Здесь это гораздо хуже, чем везде.

И черные фигуры медленно уходят в развалины Зоны. Яркий свет бьет в открытое окно! Орфэ просыпается, жмурится, удивленно смотрит на спящую рядом Эври. Удивление не проходит.

- Так это был сон? - говорит он себе. - Боже мой!

И вдруг слышит знакомый, глуховатый, незабываемый голос:

- Одни считают, что Он - наша выдумка, другие - что мы Его творение, но на самом деле - мы лишь Его сон, сон глубокий и неотвязный.

Вопрос к преподавателю:

- Вы говорили, что миф об Орфее и Эвридике, современность и Серебряный век пронизаны одной красной нитью. Где же здесь Серебряный век?

Ответ:

Когда же слово Бога с высоты

Большой Медведицею заблестело,

С вопросом «Кто же, вопрошатель, Ты?»»

Душа предстала предо мной и тело

- Я тот, кто спит и кроет глубина

Его невыразимое прозвание,

А вы – вы только слабый ответ сна

Бегущего на дне его сознания.

А теперь прочтите замечательную фразу мифологизированного текста, и вы увидите, что идея здесь одна.

В педагогике всегда скрыто обращение одного человека к другому. Если оно искренне, если оно продиктовано заботой о другом человеке, а не формальным

исполнением служебного долга — оно будет иметь положительный результат. В общении всегда присутствует самовыражение, и дети это тонко понимают.

Психология ребенка характеризуется своеобразным пониманием мира как целого. У детей и подростков очень отчетливо выражен Soll-wert, образ цели, и это именно целостный образ. Они в большинстве своем хотят простых вещей — уметь понимать, что они читают, говорить на иностранном языке, водить машину, танцевать, метко стрелять, фотографировать, читать карту, хорошо плавать, одним словом, уметь делать все, что дает случай и возможность показать себя образованным, мужественным, изящным, умелым, ловким. Только то, что имеет для юноши или девушки личностный смысл, им по-настоящему件件но.

Понимание всегда в чем-то сродни творчеству, оно индивидуально, плюрально, поливариантно. Дело в том, что ум не знал сослагательного наклонения; точнее, в отличие от сил физических духовные силы не знали сослагательного наклонения, лишь к концу XX века компьютерные игры стали изменять ситуацию или, скорее, создавать условия для решительного ее изменения. Мы еще увидим все последствия погружения учащихся в виртуальные миры.

«Пересказ глупым человеком того, что говорит умный, никогда не бывает правильным, потому что он бессознательно превращает то, что он слышит, в то, что он может понять». Последнее утверждение составляет так называемый принцип Рассела, и он относится в равной мере и к тем, кто читает (а не только слушает), и вообще ко всем людям без различия их умственных способностей: в процессе пересказа все превращают исходный текст в то, что они в нем поняли.

Отсюда следует простой заключительный вывод: преподаватель так же необходим, как и свободное обсуждение с ним тем, из которых складывается понимание учащимся текстов (научных, художественных, политических), других людей (родителей, сверстников) и (это главное) самого себя.

ТЕЗИСЫ О ПОНИМАНИИ

В представленных тезисах читатель найдет сжатые формулировки, касающиеся (1) реальности, (2) познавательного процесса, (3) понимания и (4) социальной памяти, которые могут помочь при чтении современной философско-психологической литературы, изданной в Кыргызстане и за его пределами в последние годы, когда тематика публикаций на познавательные темы стала весьма разнообразной.

1. Мир реален; реально все, что существует.

1.1. Реальность, существующая во времени и пространстве, объективна.

1.1.1. Реальность, существующая только во времени субъективна.

2. Сознание есть часть реальности; реальность едина, и мир поэтому познаваем.

2.1. Сознание есть способ существования «я»; основное и главное в существовании сознания поддается различению.

2.1.1. По содержанию сознание отражает мир - это основное.

2.1.2. По смыслу сознание освещает мир - и это главное.

2.1.2.1. Метафоры сознания - и зеркало, и лампа.

2.2. Сознание метафорично, ассоциативно; мышление целенаправленно; существует способность сознания понимать мир метафорически, и, развиваясь, она обращается в способность мышления решать задачи. Решение задач - важная форма познавательного процесса.

2.3. Сознание есть отношение, например: это отношение к происходящему с индивидом (и в мире) как к чему-то хорошему или плохому и т.п. Видимо, сознание существует и как ожидание и предвидение того, что может произойти; это объясняется рефлекторной природой его происхождения.

3. Развитие есть движение реальности пространства возможностей; развитие как изменение есть реализация возможностей.

3.1. Возможность не может быть ни истинной, ни неистинной, она лишь вероятна. Соответственно сознание содержит то, что истинно, является выходящим за пределы собственного сознания. Отношение здесь обращается в соотношение. То, что является постоянным и неизменным в соотношении объективной и

субъективной реальности, составляет абсолютную истину.

3.2. То, что я знаю, истинно лишь частично, а частично - ложно. Но мне не всегда известно, какая часть моего знания является истинной, а какая - ложной. В этом заключается относительность истины.

3.3. Истинное есть результат выбора; оно избрано из возможного.

3.4. Истинное может существовать в знаковой форме.

4. Реальность истории повествовательна. Экономика образует русло течения исторического процесса.

4.1. Историческое знание - знание о том, что не существует.

4.1.1. В этом смысле история и прорицание совпадают; но история есть знание о том, что было и могло быть, а прорицание - о том, что может быть.

5. Между объектами, какими они являются познающему субъекту, и тем, что эти объекты для него значат, пролегает дистанция.

5.1. Существуют объекты, которые преимущественно значат, в то время как являться они могут в различной форме: так, слово, устное и письменное, является субъекту в физически различном облике, в то время как значение устного и письменного слова идентично (если это было одно и то же слово).

5.1.1. Сказанное относится к объектам собственно семиотического класса.

5.1.2. Напротив, существует множество объектов, которые преимущественно являются в сходной форме, существенно различаясь по значению.

5.2. То, что называют красотой вещи, уменьшает или даже снимает расстояние между тем, какой она является, и тем, что она значит. В некотором идеальном случае вещь является прекрасной, и в этом заключено то, что она значит для субъекта.

5.3. Принадлежит ли значение вещи (предмету) или индивиду (субъекту) - это, в конечном счете, вопрос о том, субъективно значение или объективно.

5.3.1. На самом деле значение есть отношение между субъектом и вещью и как таковое существует между¹¹⁹ субъектом и объектом.

5.4. Вполне допустимо, что и в категории «информация» отражено лишь отношение между объектом, сигналом и субъектом, причем существование объекта рассматривается как серия событий.

5.5. Исходя из принципа единства реальности, информацию можно рассматривать как цементирующую мир силу; отсюда ясно, почему количество

¹¹⁹ О категории «между» см.: Рассел Б. Словарь разума, материи, морали. - Киев, 1996.-С. 145.

информации может рассматриваться как мера организации.

5.6. Вещь есть то, как она является и что она значит.

6. Понимание есть индивидуальная реализация познавательных возможностей субъекта.

6.1. Понимание социально в своей личностной основе. На понимание влияет этническая сторона мироощущения. Оно существует издревле и находит известное выражение и в фольклоре. Вообще фольклор есть не только факт «народного творчества», как его обычно определяют, но и факт «народного понимания». В данном случае понимание образует своего рода фильтр, через который эпические произведения, сказки и т.п. проходят от поколения к поколению. Важную роль играет социальный аспект мироощущения, в котором находит, например, выражение ускоренное расслоение современного общества: возникает поляризация точек зрения и неоднородность понимания социальной реальности. Основу укоренения общества в мире составляет социальная память.

6.1.1. Формы понимания многообразны.

Понимание - это (1) отнесение предмета или явления к определенной категории, в этих случаях «понять» - значит подвести частный случай или процесс под общее понятие, ответить на вопрос «что это такое?». В других, более сложных, случаях (2) понимание - это соотнесение явлений по признаку причина - следствие, и «понять» - значит ответить на вопрос «почему это происходит?» и/или раскрыть происхождение явления. Понимание поступков людей (3) означает проникновение в мотивацию деятельности. Понимание логических оснований (4) создает основу доказательных выводов, в частности, таких строгих, как математические. Специфичным является понимание устройства и механизмов (5) сложных систем, происходящее аналитико-синтетическим путем. Особое по важности место в жизни общества занимает понимание семиотических систем или текстов (6), структура которых фиксирует результаты познания реальности.

6.2. Понимание образует взаимопереход индивидуального и общественного сознания. В понимании смысла текстов находят выражение социально обусловленные установки личности. Общение с необходимостью включает в себя понимание: так, специфическую роль в процессе общения и взаимопонимания играют многообразные формы коммерческой деятельности. При этом интересы продавца и покупателя как субъектов этой разновидности деятельности

противоположны, но в то же время есть у них и совместная цель (купля — продажа), которая требует четкого взаимного понимания. Понимание служит важным социально-психологическим механизмом управления.

7. Знаки составляют основу социокультурных и психологических процессов. Они играют особую роль в процессе социальной регуляции поведения людей, существенно влияют на внутренний мир личности; все это зависит от того, что знак обладает значением, значения знаков переплетаются и образуют тексты, а люди способны эти тексты понимать.

7.1. Когда речь идет о понимании нового принципа или о решении какой-нибудь задачи, не следует, вероятно, отвлекаться от того, что и принцип, и условия задачи представлены в виде текстов. Рассматривая понимание, надо иметь в виду два важных положения. Во-первых, понимание ориентировано на то, что имеет значение для индивида, и прав был О. Вейнинггер, утверждая, что «чем больше значения имеют для человека все явления жизни, тем значительнее сам человек». Если у знаков и у символов есть признанное обществом значение, то это показывает, что в них отражено нечто существенное для всех членов общества. Поэтому понимание значений есть условие социального существования индивида. Во-вторых, понимание как процесс стадияльно.

7.2. Существуют тексты (научные, учебные, инструктивные, юридические), которые принципиально ориентированы на единообразное, как бы социально сближающее индивидов понимание: все должны понимать их сходным образом, в идеале - даже совершенно одинаково. К подобной цели стремятся и авторы многих текстов политического характера. Но в абсолютном большинстве случаев понимание смысла текста варьирует.

7.2.1. В понимании имеют место два различающихся слоя: понимание реляционное и понимание концептуальное. На концептуальном уровне отчетливо выявляется значение понимания именно как социально-психологического феномена. Приобретает очевидность переход от установок, доминирующих в общественном сознании, к установкам данного конкретного индивида. Что касается специфики общего смысла, концепта, то необходимо отметить его обособленность от локализации в тексте: он может вообще не быть объявленным в тексте и зачастую только подразумевается. В таком случае концепт есть то, что может остаться в нашей памяти и сознании после того, как текст прочитан и забыт в деталях. Концепт

соотносит содержание с действительностью в сознании читателя или слушателя. Социальная действительность изменчива. Она влияет на сознание. Поэтому концепты столь вариабельны даже для одного текста. В зависимости от времени, от социальной ситуации в стране, от изменений в социальном положении субъекта, от различий в классовых и других интересах, а также в зависимости от влияния социальной группы на человека может изменяться понимание общего смысла одного и того же текста. Концептам свойственно многообразие.

7.2.2. Благодаря пониманию текст выполняет свои главные функции в обществе. А именно: (1) текст выступает в роли транслятора, то есть передает различного рода сведения. В силу этого (2) текст способен выполнять и другую смысловую функцию - познавательную: понимая его содержание, человек в состоянии узнать нечто для себя новое и способствующее тем самым познанию окружающей действительности и внутреннего мира самого человека. Текст (3) также обладает мнемонической функцией, то есть сохраняет и транслирует во времени некоторую информацию.

7.3. Понимание связывает воедино познание и общение, образуя важное звено регуляции социального поведения людей. В феномене понимания находит выражение факт существования познания. В сущностном аспекте понимание представляет собой взаимопереход между индивидуальным и общественным сознанием; между существованием человека и общественным бытием. В гносеологическом аспекте понимание - это соединительное звено между субъективной и объективной реальностью.

8. Существование социальности исторично, и в этом смысле социальная память составляет базис жизни общества.

8.1. Воспоминание составляет стержень экзистенции личности; вне памяти личное существование лишается смысла.

8.2. В кыргызском миропонимании существует категория «мамы казык», означающая центр, вокруг которого происходит движение жизни, опыта, переживания и знания; если понимать человека как *homoviator*, как странствующего, то он выходит из «мамы казык» и возвращается в него. В этом находит выражение онтология социальной памяти.

9. Понять можно то, что имеет смысл; мир доступен пониманию; ergo, смысл существует.

ТО, ЧТО ДЕЛАЕТ НАС ЛЮДЬМИ ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Общение

Мы были знакомы с Ароном Абрамовичем Брудным (даты жизни 1932-2011 гг., член-корреспондент Академии наук КР, заслуженный деятель науки, доктор философских наук, профессор) со времен моих студенческих лет, хотя раньше учились в одной школе – шестой – и жили на соседних улицах. Но он был в старших классах, так что познакомились и подружились уже в мои последние студенческие годы, когда я посещал его философский кружок, который он вел в медицинском институте. Во второй половине 50-х годов прошлого столетия вместе с его ближайшими друзьями мы собирались временами в его гостеприимном доме, где виделись с его замечательными родителями. Все мы жили тогда в преимущественно одноэтажном, тихом, уютном, зеленом Фрунзе. Одним из любимых мест прогулок был бульвар Дзержинского (ныне Эркиндик). Там начались наши беседы, которые продолжались в разное время в разных местах и которые происходят до сих пор и после ухода моего друга и учителя. Они – обо всем. И здесь я коснусь только немного об одной из центральных тем, в которую внес замечательный вклад Арон Брудный и к которой он меня приобщил. О понимании.

Психология общения

Кандидатская диссертация А.Брудного была посвящена психологии общения. Он стал ведущим специалистом по этой проблеме среди советских ученых. Прекрасная историческая, философская, медицинская и психологическая подготовка, тесные контакты с крупнейшими представителями этих дисциплин сделали его наиболее подготовленным к раскрытию смысла и значения общения. Именно им запускались в научную среду идеи и новые подходы, которые на годы становились направлением многих научных исследований.

В период совместной работы в Институте философии и права Академии наук Киргизской ССР мы общались почти ежедневно, и я вдруг стал замечать, что идеи, им высказанные, становятся в центре обсуждения советских коллег спустя, как

правило, год. Он был не просто в центре проблем, но являлся одним из лидеров научной мысли. При всех недостатках того времени, тогда существовало гораздо более активное научное общение, личные контакты, которые не могут быть полноценно заменены обменом публикаций и письмами.

Общение – это особое взаимодействие высокоорганизованных живых существ, в которое вовлекаются не только мозг и нервная система, но весь организм. И этот процесс не сводится просто к обмену информацией. К сожалению, мы попали в ловушку «успехов» научно-технической революции. Мы отдали ей на растерзание живую природу, воображая, что она не так важна, как «блага», даруемые современной глобальной цивилизацией. Общение вытеснено, выродилось в потребление информации. И теперь вполне понятен массовый гипноз тотальной механизацией, в том числе – мышления.

Между тем, искусственный интеллект, при всем своем могуществе, в принципе не может заменить человеческого, построенного на познании мира через общение. На заре развития кибернетики и теории информации А.Брудный одним из первых разглядел все преимущества и потенциальные угрозы кибернетизации. Теория информации очень много дала для познания мыслительных процессов. Однако рассмотрение мыслительных процессов только как информационных дает слишком убогую картину. Искусственный интеллект – термин, справедливый лишь в своей первой части, если его сравнивать с человеческим интеллектom.

Информация оперирует лишь и только бесконечно повторяющимися отношениями. Больше - меньше, выше - ниже, дальше - ближе и т.п. Да, эти отношения реально существуют и играют роль в реальных процессах. Однако они дают принципиально искаженную картину мира, поскольку в реальности господствуют неповторяющиеся отношения, потому что реальный мир неповторимо, необратимо и постоянно меняется и неизмеримо сложнее и разнообразнее тощей информации.

Да, машины уже способны производить информационные процессы в объеме, сопоставимом с человеческим мозгом. Да, они способны выигрывать поединки в шахматной игре с гроссмейстерами. Да, они считают несравненно быстрее нас. Но смотреть не значит видеть и считать не значит мыслить. Мышление – информационный процесс, но информационный процесс – не мышление. Информационный процесс – идентификация сигналов повторяющимся отношениям (неважно, осмысленным или бессмысленным). Мышление все это

может, но к нему не сводится.

Мышление – производство и оперирование понятиями. Понятия выходят за пределы чисто информационных процессов, это продукт отношений социальных. Все это невозможно без информационных процессов, но к ним не сводится.

Способность машины оперировать информацией зависит от ее устройства, программы и загруженной исходной информации. Взаимодействие, общение с другими вычислительными машинами не являются необходимым условием развития ее способностей.

Информационное взаимодействие широко развито в мире живой природы, однако, переход к понятийному мышлению в полной мере осуществлен лишь человеком. Это новый надинформационный способ ориентации в нашем сложном мире, способ соответствовать ему, соответствовать природному и социальному окружению.

С развитием понятийного мышления все большее и большее значение стали играть процессы социализации, гармонизации социальных отношений, получили развитие процессы общения и механизмы понимания. Именно в процессах общения и понимания стал возникать и оттачиваться понятийный аппарат. От степени соответствия понятий природной и социальной действительности зависит правильность поведения как отдельных особей, так и социальных групп и общества в целом.

Важно подчеркнуть, что понятийное соответствие имеет иную природу, нежели информационное. Его социальная природа определяется тем, что в самом общем плане оно является продуктом общения.

Коммуникация играет существенную роль в общении, но общение не сводится только к коммуникации. Общение, в конечном счете, организует восприятие и поведение, как групповое, так и индивидуальное.

Образное мышление – продукт понятийного, хотя обычно представляется как его противоположность. Гармонизация отношений внутри индивида, в сообществе, между человеком и природой не может быть эффективной без соответствия представлений о мире реальным свойствам объектов постижения. Совершенно необходимым фактором гармонизации и представлений являются художественные формы выражения эмоций и представлений. Гармонизация эмоционального, чувственного, эстетического восприятия и выражения – необходимая часть

организации адекватного поведения.

Здесь нет необходимости в информационной идентификации. Образ – шире информации об объекте, как понятие шире значения знака. Более того – образ может не соответствовать отражаемому в нем объекту. Образ – организация отношения и побуждение к действию, вовсе не обязательно связанным непосредственно с объектом образа. Образ – использование знака для наполнения его содержанием, необходимым для формирования представлений и деятельности, направленной на достижение долговременных целей группы, общества.

Совокупность такого рода образов, часть которых существует в неявной форме, в определенной группе в процессе совместного существования становится коллективным бессознательным, существенным образом влияющим на поведение членов этой группы. А.Брудный проявлял большой интерес к работам К.Ясперса, который развил понятие коллективного бессознательного, и, безусловно владея немецким языком, встречался и непосредственно общался с ним, еще в советское время посетив Швейцарию.

Важно отметить, что коллективное бессознательное свойственно не только диким людям. Пожалуй, никогда в прошлом человечество не состояло из такого громадного числа групп, руководствующихся в своем поведении именно таким коллективным бессознательным, которое отнюдь не всегда адекватно реальности.

Человек среди животных

Зачатки информационного общения и мышления известны у ряда представителей животного мира. Относительно высокоразвитая психика и коммуникация позволяют некоторым видам обмениваться информацией и реализовывать относительно сложное коллективное поведение. Однако, попытки приписать им сознание несостоятельны. Ряд видов демонстрирует довольно сложные формы группового поведения. Тем не менее, они не выходят за видовые рамки.

Предковые формы человека отличались от кроманьонца не столько анатомическими признаками, сколько преобладанием информационного мышления, отсутствием художественного творчества.

Кроманьонец, потомками которого мы являемся, качественно отличался от всех предковых форм прежде всего тем, что он владел искусством изображения, танца и музыки. У них появилось понятийное и образное мышление. Образ –

нечто в сознании, соотнесенное с иным объектом, реальным или воображаемым. Пятна и линии на стене пещеры – это просто следы краски. Но соотнесенные с реальным зверем и представлением о нем, они становятся его образом. Не просто знаком, обозначением, смыслом, одновременно и отражающим нечто вовне, но и имеющим свой собственный смысл. Смыслы – результат коллективного мышления, организуемого общением. А.Брудного привлекал сюрреализм как попытка передать в образах смыслы, реально не присущие изображаемому объекту.

Смыслы и образы – порождение понятийного мышления. Понятие – живая часть речевого континуума. И его судьба, изменение его смысла отражается на всем континууме. Это не просто сигнал о внешнем и внутреннем – это настройка всего ансамбля механизмов понимания. Изменение понятия так или иначе меняет смыслы, значения всех элементов поля сознания.

Переход от прачеловека к человеку – переход к понятийному, образному мышлению – это переход от ошибки к заблуждению. Прачеловек мог ошибиться, не так восприняв сигнал. Это сбой распознавания. Человек может ошибаться, как и его предок. Но у него появилась способность заблуждаться, когда его понятия не соответствуют реальности. Заблуждение – не ошибка восприятия, результат искажения сознания неадекватным понятием.

Нарушение восприятия и интерпретации сигнала могло быть вызвано телесными и психическими отклонениями. Восприятие становилась адекватным при их восстановлении. Расхождения в интерпретации, вызванные изменением понятий, имеют совершенно иную природу – социальную.

Речь и понятийное мышление появились у человека для того, чтобы выжить в одиночестве на этой планете. В отличие от всех других биологических видов, человек не является необходимой частью ни одной из земных естественных экосистем. Каждый вид обладает такими свойствами, которые нужны его материнской экосистеме. А значит, и всем прочим из его ближайших соседей. Не пресловутая борьба за существование, не выживание сильнейших, а гармонизация отношений, с тем, чтобы выполнить общую задачу – совместное воспроизводство жизни. Ибо жизнь есть не свойство отдельной особи, вида, а самовоспроизводство в определенном объеме пространства, на что способны лишь полноценные естественные экосистемы, которые представляют собой совокупность из многих сотен, тысяч видов.

В дикой природе любой вид, для того, чтобы выжить, должен соответствовать потребностям и особенностям множества видов из его ближайшего окружения внутри общей экосистемы. Человек вне живых экосистем должен был научиться соответствовать им всем. Именно научиться, поскольку вне экосистемы для него перестал действовать естественный отбор. Диких животных делает соответствующими определенной экосистеме естественный отбор, выбраковывающий несоответствующих и вооружающий выживших генетически закрепленными особенностями телесной организации и инстинктами. У высокоразвитых видов появляются групповые формы поведения, развитая коммуникация и способность к обучению. Тем не менее, групповой опыт не мог транслироваться через поколения вне инстинкта, вне генетической передачи.

У человека сохранились все инстинкты, сформировавшиеся у предковых форм, еще не вышедших из-под действия естественного отбора, однако, они перестали самостоятельно обеспечивать адекватное поведение. Как только человек вышел из состава определенной экосистемы, прежние регулятивы поведения стали недостаточными. Появилась необходимость разным группам одного вида по-разному строить свое поведение, в зависимости от нахождения в различных экосистемах.

Человек среди людей

Отбор на групповом уровне совершался не по генетически наследуемым признакам, но по способу организации поведения, адекватному задаче выживания бездомного вида. Важно было не только найти, развить такой комплекс поведения, но и способ передачи из поколения в поколение. Ведь генетический отбор (который действует внутри экосистемы по отношению к составляющим ее видам) перестал действовать.

Насколько сложен и трагичен был этот переход, свидетельствуют массовые вымирания, неоднократно постигавшие древних людей. Из множества групп выживала одна, у которой случайно складывался необходимый комплекс поведения, а также способ его формирования и трансляции через поколения вне генетической наследственности.

Безусловно, в этом решающую роль сыграло возникновение и развитие понятийного мышления, различных форм искусства, ритуалов, игр. Именно на их основе стало возможным появление мощного этического регулятива – системы

табу, а также мифов. Мифы – это организация понимания того, что находится за пределами индивидуального и коллективного восприятия. Понимание – не синоним истины.

Большую роль сыграл необычно долгий для млекопитающих период созревания потомства. Это требовало развития долговременных и разнообразных социальных отношений, относительно сложной возрастной и функциональной структуры группы, совершенствования языкового общения и разнообразных умений.

Особенно важно развитие межпоколенного общения. Передача знаний и умений, обеспечивших выживание предков, помогало выживать последующим поколениям. Разновозрастность и разнополость расширяли рамки восприятия мира, увеличивая вероятность более адекватного соответствия действительности. Разнообразие и сложность отношений внутри сообщества подготавливали его членов к взаимодействию с разнообразным и сложным внешним миром.

Разнообразие восприятий давало все более адекватную картину мира и способность выстраивать соответствующее ему поведение. Разнообразие внутри групповое, групповое и межгрупповое позволило сложиться разнообразию способов взаимодействия с природным окружением и между собой. Межгрупповое общение стало решающим фактором совершенствования взаимодействия человечества с миром, начиная со времени образования этнических языков и культур. Разнообразие языков и культур преодолевало неизбежную ограниченность, грозящую искаженным представлением о реальности и неспособностью соответствовать миру.

Каждый этнос, благодаря своей отличной от других культуре (включая язык, национальное искусство, обычаи, верования и т.п.) имеет свое видение мира, отличное от других этносов. Этническая культура – особым образом организованное восприятие действительности. И у разных культур эти восприятия во многом не совпадают. Но вместе они дают наиболее полную картину мира, которая не может, в принципе, быть получена в рамках одной отдельной культуры. И разделение на этнические языки и культуры, и их активное взаимодействие – обязательное условие выживания человечества, которое никоим образом не может быть заменено и возмещено никакими «благами» глобальной цивилизации.

Индивидуальное, возрастное, половое, этническое, языковое, культурное разнообразие человечества позволило ему постичь мир, которому он должен соответствовать, во всей его сложности и бесконечности и занять особое положение в этом мире. Разнообразие позволило вместить в понимание всю противоречивую сложность мира, сделать внутренний мир человека равномоощим красоте Вселенной.

И каждый человек своей индивидуальностью, разносторонностью, открытостью, культурой становится опорой всех людей ровно настолько, насколько будет содействовать необходимости соответствовать миру, в котором мы живем.

В этом и заключается высший смысл понимания, который нам раскрыл Арон Абрамович Брудный.

Древний род Брудных жил богатой духовной и интеллектуальной жизнью. В средние века представитель рода создал одного из первых роботов – великана Голема, который не устоял на своих глиняных ногах. Это ли не предупреждение предков о тщете упования на могущество искусственного и упрощенного, которым так увлеклось современное человечество?

*профессор Шукуров Э.Д.,
доктор географических наук,
Заслуженный деятель науки КР*

Список трудов А.А. Брудного, использованных для публикации

1. Лекции по психологии, прочитанные в Американском университете Центральной Азии 2008 года (аудиозаписи).
2. Брудный А. А. Природа и культура: великое противостояние // Общественные науки и современность., – 1996. - № 4.
3. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. Четвертое издание – Б.: Алтын принт., 2017. – 336с.
4. Брудный А. А. Другому как понять тебя? – М.: Знание, 1990. – 64 с. – (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Лекторское мастерство»; № 3).
5. Брудный А. А. Понимание и общение. – М.: Знание, 1989. – 64 с. – (В помощь лектору. Библиотечка «Психология общения»).
6. Учебное пособие: Психология познания / Под ред. А.А. Брудного. Школа будущей элиты. – Б.: Илим, 2001. – 148 с.
7. Научный журнал АУЦА «Академический вестник». – №1(13). – Б., 2011. – 210 с.

Е-версии трудов А.А. Брудного – <http://www.biom.kg/teachers/5805f823744777dd5e393335>

СЕРИЯ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА БЕЗОПАСНОСТИ»

УРОКИ БЕЗОПАСНОСТИ
Учебно-методическое пособие

**ТРЕНИНГОВОЕ ПОСОБИЕ ПО
БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ**

**ЗАЩИТИМ СЕБЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ
СИТУАЦИЯХ**
Пособие для учителей

**ЗАЩИТИМ СЕБЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ
СИТУАЦИЯХ**
Пособие для учеников

ссылка на публикации: <http://www.safe.edu.kg/publications>

Типография: "Алтын Принт"
Зак. № 48 объем 28,25 уч. изд. л.,

г. Бишкек, ул.Орозбекова 44,
тел.: 62-13-10
e-mail: altyntamga@mail.ru

ПРОЕКТ ФИНАНСИРУЕТСЯ
ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ КР

KONRAD
ADENAUER
STIFTUNG

ПРОЕКТ «РАЗВИТИЕ МЕХАНИЗМОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ШКОЛАХ КР»